MADE IN future

СДЕЛАНО В БУДУЩЕМ
ЖУРНАЛ О БОЛЬШОЙ АРХИТЕКТУРЕ
№4 ОСЕНЬ 2008
WWW.FUTURE-MEDIA.RU

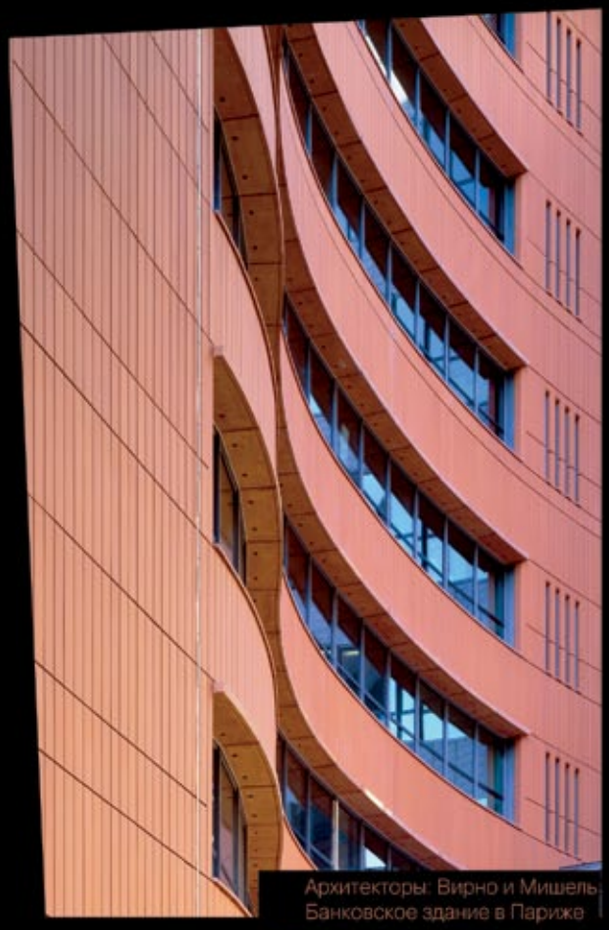
ЖАН НУВЕЛЬ:
ФАНТОМАС СТУШЕВАЛСЯ

ДМИТРИЙ ВУШ:
НЕИГРАЮЩИЙ ТРЕНЕР

АЛЕКСАНДР КУПЦОВ, СЕРГЕЙ ГИКАЛО:
NEVALENKI

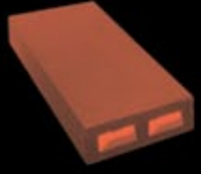
АНДРЕЙ ШАРОВ:
«ДОМОМ ГОДА» СТАЛ «ДОМ-УХО»

Duvils Group®
НАМ 10 ЛЕТ



Архитекторы: Вирно и Мишель
Банковское здание в Париже

"Интернациональный город", Лион.
Архитектор: Ренцо Пиано



Винные погреба в Кастилии.
Архитектор: Ричард Роджерс

- большой выбор оттенков и поверхностей
- крупные форматы
- быстрая установка
- вертикальный и горизонтальный монтаж
- 100% экологически-чистый материал
- шумоизоляция
- термоизоляция
- индивидуальные размеры

DuvilsGroup
+7 (495) 258-5655
www.duvils.com

Terracota EXTERIOR

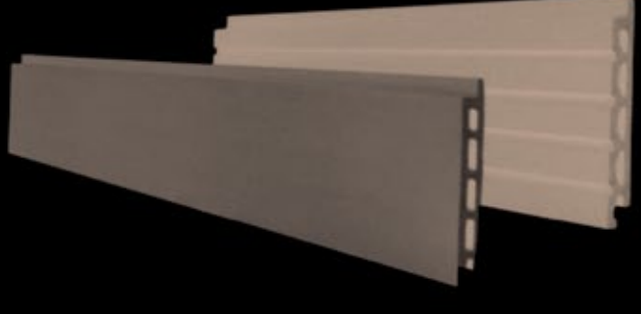
Терракотовые плиты – это уникальное решение для фасада, позволяющее придать индивидуальный внешний облик офисным и жилым зданиям, а также торговым помещениям, благодаря большому разнообразию форм, размеров, цветов и поверхностей.

"Интернациональный город", Лион.
Архитектор: Ренцо Пиано

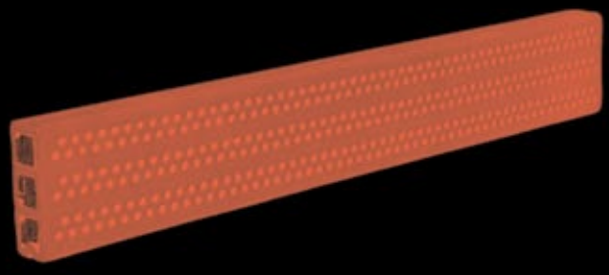
Архитекторы: Вирно и Мишель
Банковское здание в Париже

Архитектор: Джанкарло Марцорати
Villa Torretta в Милане

Архитектор: Мишель Сене
Театр-студия



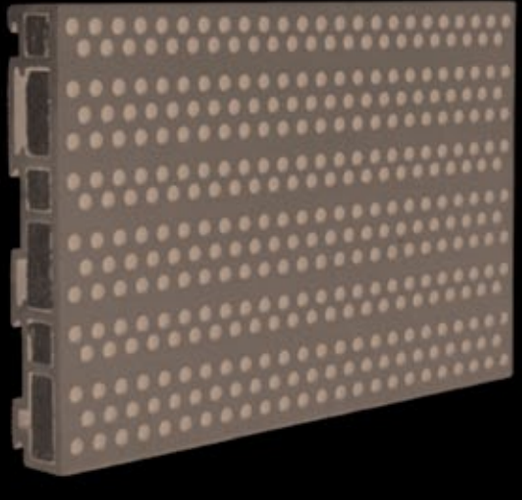
DuvilsGroup
+7 (495) 258-5655
www.duvils.com

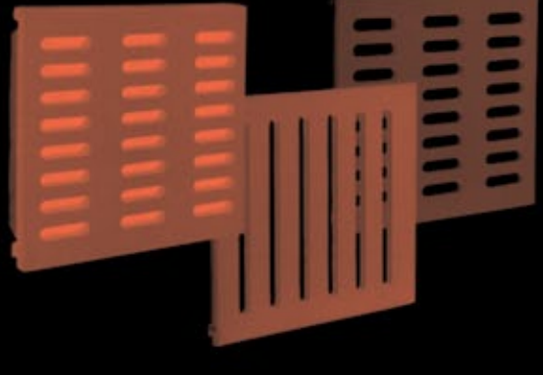


Terracota INTERIOR

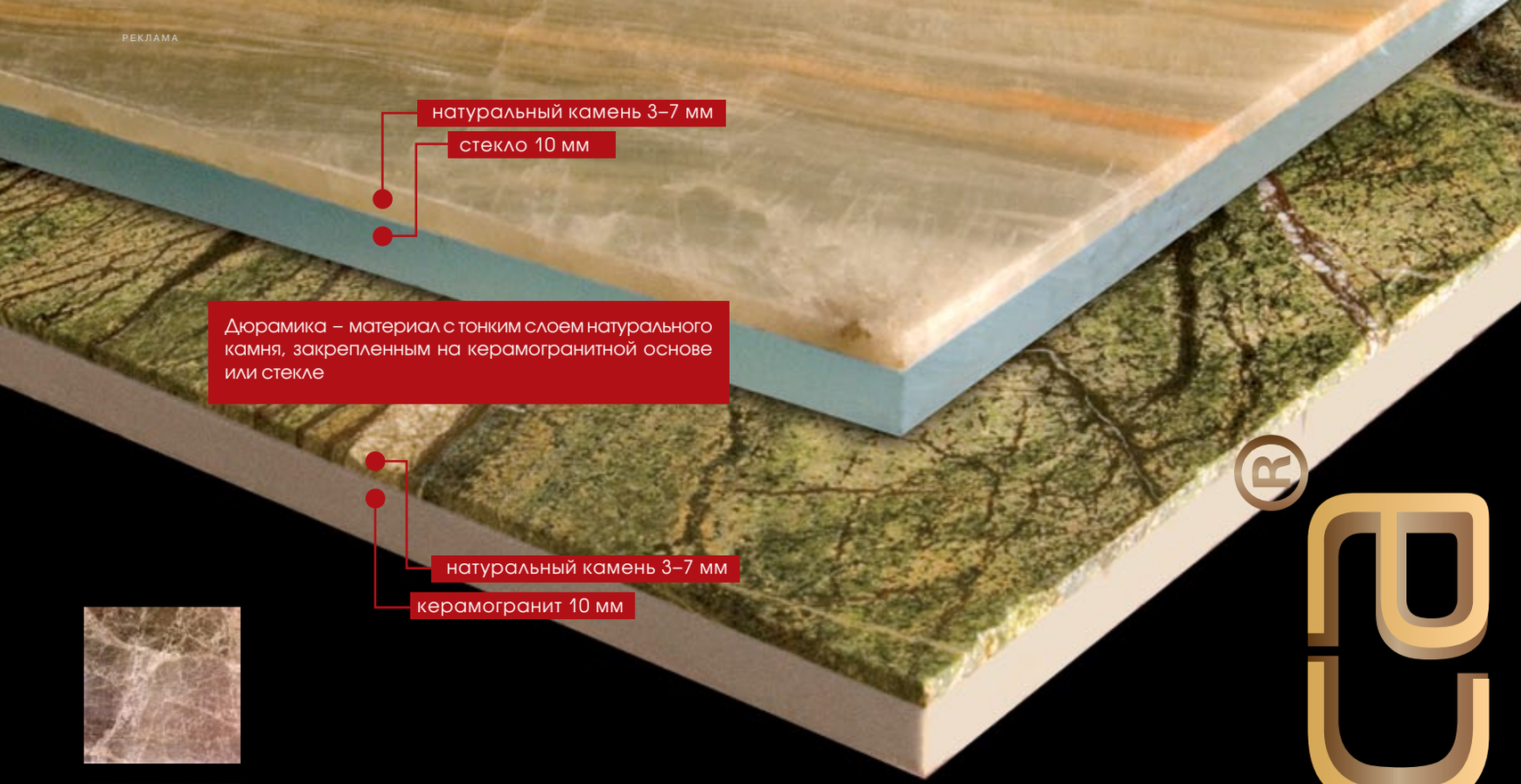
Бассейны, театры, офисы, кинотеатры, университеты, многофункциональные залы… все эти помещения с повышенным уровнем шума нуждаются в звукоизоляции, для обеспечения дополнительного комфорта внутри здания.
Стены торговых центров подвержены частым ударам (тележек и т.п.), поэтому их облицовка должна обладать высокой ударопрочностью.
Terreal учитывает эти требования и предлагает эстетичные, прочные и совершенные терракотовые фасады.

Архитекторное бюро: Vauhtiviiva Oy,
Офисное здание





РЕКЛАМА

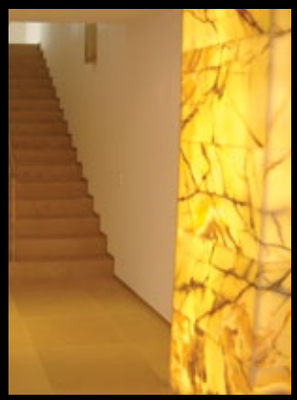


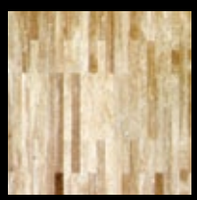
Duramica®

Дюрамика

новый класс облицовочных материалов для фасадов и интерьеров

- дешевле натурального камня
- легче натурального камня
- новые декоративные возможности
- повышенная водонепроницаемость





+7 495 258-56-55
duvils.ru

014 **ДОМ ГОДА**
Лучшим зданием Москвы 2007 года народ признал «Дом-ухо». И сходил туда на экскурсию

016 **СТРОЙПЛОЩАДКА**
Михаил Филиппов покажет «ДОН-Строю», где зимуют русские офицеры

024 **ХИТ-НОВОСТЬ**
Конкурс в Перми: Заха Хадид отдыхает, Борис Бернаскони трудится

026 **КОНКУРС**
Студенты Архитектурного института задумались о старости

028 **ВЫСТАВКА**
Первая Московская архитектурная биеннале: только самое важное!

030 **ПРОФТРИБУНА**
Хорошо ли работать с Захой Хадид? Докладывает Николай Лютомский

032 **КАК СТРОИЛИ ДОМ**
Журналистское расследование на Цветном бульваре

034 **ЮНКОР, ЕЩЕ АНКОР!**
Почему жилой дом в Чертанове похож на школьную тетрадку? Интересуется Алена Маркарова

036 **MADE IN PRESENT**
Ричард Роджерс не гнушается скромными заказами – если речь идет о прекрасном вине, волшебном ландшафте и чудодейственной терракоте

042 **НОВЕНЬКИЙ**
Сергей Гикало и Александр Купцов сложили домик для бомжей, растворили павильон в ЦДХ, вышили стежками дачный поселок. Чем еще они собираются прославиться?

050 **ЗВЕЗДА ПОД МИКРОСКОПОМ**
Жан Нувель: московские коллеги проверяют на прочность славу главного архитектора Франции

069 **АРХРЕГАЛИИ**
Архитектурный «Нобель» – премия Притцкера. Что это такое, знают не все, но получить хочет каждый!

062 **ДОМ ЗА ГОРОДОМ**
Собственный дом архитектора. История жанра в мировом и историческом контексте. Разбираем виллу Владимира Плоткина

072 **АРХИТЕКТУРА КАК МИФ**
Русские футболисты начали новый матч: кто построит себе стадион красивее?

078 **НОВЫЕ ХИТЫ СТАРЫХ СТОЛИЦ**
Хельсинки: не только Аалто

088 **СЕМЬ НОТ ГОРОДА**
Карен Шахгалдян: город как целое, с точки зрения музыканта

090 **СОЧИ-2014**
Молодые архитекторы из бюро «А-ГА» построили роскошную виллу над морем – стильную, белую, современную

094 **МАТЧАСТЬ**
Семь уроков травертина

096 **СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ**
Грант Петросян: как власть находила свое отражение в архитектуре и почему она не делает этого сейчас

098 **ДИПЛОМЫ МАрхИ**
Почему студенты увлеклись сталинским ампиром и проектируют в этом стиле даже дом Федору Бондарчуку

102 **MADE IN USSR**
Как архитектор Чечулин воплотил сорок лет спустя свой юношеский проект

104 **MADE IN PAST**
Джузеппе Терраньи: самый стильный зодчий эпохи Муссолини сумел не испортить остров Комо

108 **НАЙДИТЕ 10 ОТЛИЧИЙ**
В какой контекст поселил Михаил Хазанов правительство Мособласти

110 **ФОРУМ: ГЛАЗАМИ ДОМОХОЗЯЕК**
Живописный мост: простые женщины обсуждают непростые сооружения

112 **VERBATIM**
Директор Института Генерального плана в свободное время проектирует дома на свободных участках и в вольной форме рассказывает всю правду о них

116 **ЮБИЛЕЙ**
Лучший из «Моспроектов» отмечает то, чего мужчины обычно не отмечают

120 **ТАК ЗА ДИЗАЙН**
Самые острые новинки Миланского салона, представленные в его параллельной молодежной программе

Пока мы делали этот номер, события, на которые хотелось отреагировать, множились с невиданной скоростью. Казалось, что архитектура становится важнейшим из искусств.

Громкие конкурсы: арт-музей в Перми и российский павильон ЭКСПО-2010 в Шанхае. Приятно, что в финал оба раза вышел герой нашего первого номера Борис Бернаскони. А разделил с ним первое место в «битве за Шанхай» другой его же герой – Левон Айрапетов.

Громкие скандалы: в Питере урезают новое здание биржи, в Москве хотят снести ЦДХ и построить на его месте «Апельсин» Фостера. А стоит подать голос в защиту ЦДХ, тут же слышишь знакомую песню: «А ведь тут могла бы быть наша реклама»…

Громкие выставки: в Москве – первая архитектурная биеннале, в Венеции – уже 11-я. Русский павильон на ней будет представителен как никогда. Кстати, половина показываемых в нем построек номинировалась на премию «Дом года», а куратор Венецианской биеннале Аарон Бецки сказал в интервью журналу Domus, что составил себе представление о том, что строится в Москве, именно по списку номинантов на нее…

Все это чрезвычайно развлекает участников процесса, но что в реальности?

В конкурсах побеждают правильные люди, но дальнейшая судьба проектов пока неясна. А опыт грустный: выиграли молодые зодчие конкурс в Стрельне – их тут же и задвинули. Биеннале учит «как жить», но с трудом верится, что аскетичные модернистские домики швейцарцев и голландцев пойдут у нас в тираж. В Венеции мы показываем три десятка отменных проектов, но и из них пока построена лишь пятая часть…

Жизнь идет параллельным курсом. Возвращаешься из отпуска (деревянные храмы Заргополья: восторг пополам с печалью) и обнаруживаешь, что твой город прирос очередными декорациями. Сняли леса с Военторга и гостиницы «Москва». Кто из них хуже? Да оба они хуже, – как говорил товарищ Сталин, анекдот про которого (насчет асимметрии фасадов) воспроизведен с пугающей тщательностью.

Понять невозможно: автор обоих проектов Владимир Колосницын построил в начале 90-х здания «Уникомбанка» и «Совмортранса», ставшие первыми ласточками современной архитектуры! Неужели так бывает, что умел человек рисовать, а потом вдруг раз – и разучился?

Выступая на церемонии «Дом года», архитектор Сергей Ткаченко сказал, что там, где есть «Оскар», должна быть и «Золотая малина», и предложил вручать премию не только лучшему дому года, но и худшему. От номинантов отбоя не будет, смущает только то, что американский журнал Forbes недавно проводил опрос «Худшие здания XX века». Так вот, 1-е место занял Купол тысячелетия Ричарда Роджерса, 2-е – Зал славы рок-н-ролла Йо Минг Пея, а 3-е – Музыкальный центр Фрэнка Гери. Не скажу, что это шедевры, но авторы-то их – гении безусловные. Поэтому даже их ошибки вызывают интерес.

Современная архитектура – это вообще такая штука, где понятия о плохом и хорошем плавают вплоть до полного друг в друга перетекания. Но теперь и старая архитектура перестает быть безусловной ценностью. Мы ведь никогда не считали шедеврами ни гостиницу «Москва», ни Военторг, ни ЦДХ. Пока их не начали заменять подделками.

Николай Малинин

Эрика Маркарова,
директор премии «Дом года»

ДОМ ГОДА
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРЕМИЯ

2 апреля 2008 года в Центральном доме архитектора состоялась вторая торжественная церемония вручения премии «Дом года».
Напомним, что премия «Дом года» вручается лучшему зданию Москвы, выбранному в результате общественного интернет-голосования. Премия учреждена журналом Made In Future, редакция которого в течение года определяет дома-номинанты. Редакция избирает своего фаворита («Выбор редакции»), обладатель же главного приза определяется голосованием на официальном сайте премии – «Дом года» (www.domgoda.com). Первым в истории обладателем премии (по итогам 2006 года) стал жилой дом «Авангард» на Новочеремушкинской улице.
В этом году на премию «Дом года» претендовало 12 зданий. Голосование продолжалось полтора месяца и собрало 1531 участника. В этот раз голосование проходило с регистрацией, что несколько отягчало процесс, но зато гарантировало чистоту результата. Нешуточная борьба развернулась на финишной прямой между двумя лидерами, серьезно оторвавшимися от конкурентов. В течение недели два здания – школа-интернат в Кожухове и жилой дом на Ходынском поле – попеременно выходили на первое место, победитель определился за час до начала торжественной церемонии. Дом-победитель обошел конкурента всего на 15 голосов – собрав 509 оных против 494. Столь страстная борьба придала голосованию соответствующий пиар-эффект (новости о премии выходили на телевидении в день церемонии, как сводки с фронта), однако как не менее серьезный успех эксперты отметили значительное количество голосов, собранных остальными 10 номинантами.
Итак, выбором народа, читай – «Домом года» – стал жилой дом на Ходынском поле, построенный по проекту МНИИП «Моспроект-4» строительной компанией «Стратегия». Его авторам – архитекторам и строителям – были вручены памятные призы, получившие в этом сезоне радикально новый облик. Призами и дипломами были отмечены также все 11 зданий-номинантов. «Выбором редакции» стало здание Арбитражного суда, а компания «Наяда» вручила приз за лучший интерьер среди домов-номинантов: он достался офисному центру «Серебряный Город».
Фотоотчет о церемонии – на следующем развороте. А продолжение, конечно, следует!

Жилой дом на Ходынском поле
Адрес: Улица Гризодубовой, 2
Архитекторы:
Андрей Боков (руководитель авторского коллектива),
Борис Уборевич-Боровский (главный архитектор проекта),
Сергей Нарольский, Алексей Николашин, Татьяна Зайцева
Инженер: А. Егорова
Конструктор: Т. Гусакова
Инвесторы: «Мосфундаментстрой-6», «Интеко»
Заказчик: «Москапстрой», «Тукс-2»
Генподрядчик: СК «Стратегия»

КОММЕНТИРУЮТ ПОБЕДИТЕЛИ:

Борис Уборевич-Боровский,
главный архитектор проекта («Моспроект-4»):

– Мы очень рады, что наш проект оказался в такой замечательной компании архитектурных работ – на мой взгляд, действительно лучших работ года! А то, что он выиграл при голосовании – немного лотерея... Я бы с большим доверием отнесся к какому-нибудь закрытому голосованию архитекторов – они бы точнее рассудили, чем Интернет. Может быть, стоит в следующем году сделать два параллельных рейтинга – народный и профессиональный?

Андрей Шаров,
генеральный директор СК «Стратегия»:

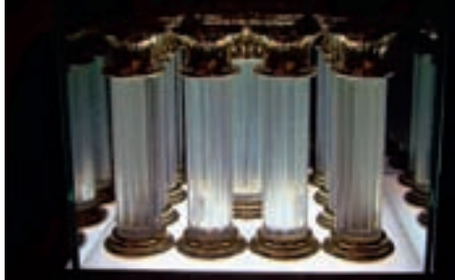
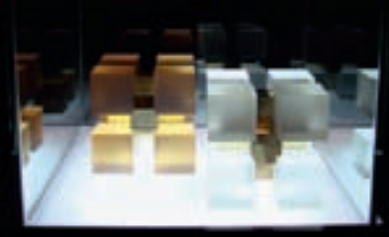
– Не могу сказать, что, начав строить этот дом, мы думали о том, сколько потом он завоюет премий. Я горжусь всеми зданиями, которые мы строим, – и перед детьми, и перед родственниками. Номинирование дома на Ходынке на премию «Дом года» для нас стало неожиданностью, но получить ее было приятно. И мне импонирует способ выбора победителя, когда посредством Интернета голосуют все желающие. У нас ведь демократическая страна и право голоса имеет каждый, а жить в этом доме будут не специалисты, а простые люди. Так что для нас это значимая оценка вложенного труда.

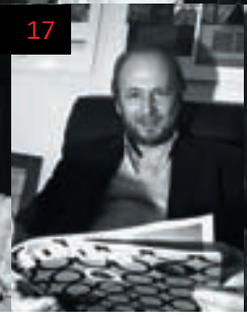
ДОМ ГОДА
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРЕМИЯ

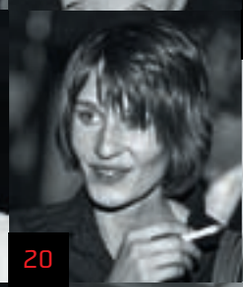
1. Офисный комплекс «Серебряный Город»
2. Здание Налоговой инспекции на Земляном Валу
3. Елоховский пассаж и Детский театр эстрады
4. Театр «Мастерская Петра Фоменко»
5. Жилой дом «Парус» на Ходынке
6. Школа-интернат в Кожухове
7. Жилой комплекс «Город яхт»
8. Кафе «Рафинад» на Стромынке
9. Жилой дом в Брюсовом переулке
10. Жилой дом на Сельскохозяйственной улице
11. Арбитражный суд на Селезневской улице
12. Офисное здание на Бутырке

ДОМ ГОДА
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРЕМИЯ

ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ ПРЕМИИ «ДОМ ГОДА»





26

24 25

27

28

29 30

31

32

1. Борис Уборевич-Боровский («Моспроект-4») и Николай Малинин (Made in Future) 2. Елена Гонсалес («Проект Россия») и Андрей Чернихов (Архитектурно-дизайнерская мастерская А.А. Чернихова) 3. Андрей Шаров (слева, СК «Стратегия») 4. Алексей Полтавец («Алюстэм»), Грант Петросян (Duvils Group) и Владимир Ткачев («Алюстэм») 5. Виктор Бармин («Сергей Киселев и Партнеры») 6. Альберто Конта (Codest) 7. Станислав Кулиш (Лаборатория виртуальной архитектуры) и Всеволод Кулиш (МАрхИ) 8. Виктор Хречко (Archi.ru) 9. Наталия Сидорова (ДНК) 10. Михаэль Майкснер и Дитмар Пресльмайр (FunderMAX) 11. Сергей Гнедовский («Архитектура и культурная политика ПНКБ») и Алена Маркарова (Made in Future) 12. Гайк Агаян (Portal) 13. Екатерина Семихатова (Агентство people2people) 14. Николай Коргин (студия «123») 15. Николай Голованов («Архитектурная мастерская Величкина и Голованова») 16. Александр Змеул и Наталия Алексеева (Агентство P-Arch) 17. Дмитрий Подъяпольский («Моспроект-4») 18. Вячеслав Богачкин («Богачкин и Богачкин») 19. Елена Косоренкова («АСР») 20. Ирина Ирбитская («Платформа») 21. Феликс Тандилов («Система ГАЛС») 22. Мария Капленкова («АМЛ») 23. Сергей Ткаченко (справа, НИИПИ Генплана Москвы) 24. Павел Андреев («Моспроект-2») 25. Антон Надточий («Атриум») и Вадим Липатов (Лаборатория виртуальной архитектуры) 26. Николай Лызлов («АМЛ») 27. Алексей Гинзбург («Гинзбург Аркитектс») и Николай Лютомский («ЭЛИС») 28. Владимир Плоткин (ТПО «Резерв») 29. Геворг Петросян (Duvils Group) 30. Елена Петухова (Агентство архитектурной фотографии FORMAT) 31 Даниил Лоренц (ДНК) 32. Оливье Робер (Terreal)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

Rambler · ORSN.RU НЕДВИЖИМОСТЬ

LENTA·RU НЕДВИЖИМОСТЬ

РБК Недвижимость

cottage.ru загородная недвижимость

архи конкурс

URBANUS .RU кв.артирные метры

www archi . ru

METRINFO.ru

ИНДИКАТОРЫ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ IRN.RU

citytrends .ru НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОРОДА

Этот круглый квадратный метр

«Свобода доступа» открыла доступ в «Дом года»

Текст: Ксения Картовицкая
Фото: Илья Иванов, Владислав Ефимов

Премия «Дом года» стала закономерным итогом того бурного интереса, который вызвал жилой дом на Ходынском поле, спроектированный в 4-м «Моспроекте» Борисом Уборевичем-Боровским. Это редкий случай, когда современная архитектура в Москве становится таким же популярным сюжетом, как и новые постройки Фостера или Нувеля. Любопытство зашкаливало. «Да, снаружи дом необычайно оригинален и эффектен, но как там внутри?» – такими воспросами полнился форум премии. Чтобы удовлетворить народный интерес, новое архитектурное пиар-агентство P-Arch провело в рамках проекта «Свобода Доступа» экскурсию в Дом«Парус» (он же «Ухо», он же «Волна») для всех желающих. Наш корреспондент делится впечатлениями от экскурсии, а заодно расспрашивает руководителей Агентства – Александра Змеула и Наталию Алексееву.

Борис Уборевич-Боровский жмурился от солнца и показывал чертежи, рассказывал о том, где планировали сделать водоем и аллею. Не все удалось, но зато есть дом – единственный во всем мире по форме. Школа в десяти шагах от подъезда, чуть дальше – Ледовый дворец и взлетная полоса со старыми самолетами, где обещают открыть музей космонавтики и авиации. Само здание тоже могло бы стать его экспонатом, потому что когда смотришь на него издалека, то кажется, что с неба упал огромный диск и торчит теперь наполовину из земли. Чем ближе мы подходили к нему, тем меньше я себе казалась. Студент Архитектурного недоверчиво смотрел на отделку: «Такое ощущение, что обвалится через год». «Зато район престижный!» – ехидничала девушка-архитектор.

В подъезде мешки с бетоном: отделка квартир идет интенсивно, почти все проданы. Пока едем на лифте, одна из посетительниц высказывает недовольство: «Покупаешь квартиру за такие деньги – и такие маленькие лифты!» – но риелтор успокаивает, что грузовые просто еще не пустили. На 18-м этаже выходим на балкон и на секунду все исчезает, дыхание перехватывает, и вовсе не из-за запаха краски. Перед глазами половина Москвы, и район, где стоит дом, выглядит прямо как на тех чертежах. Все начинают фотографировать, суетиться, восторженно вздыхать... Однако нас еще ожидало посещение квартиры, расположенной в торце дома. Ее особенность – просторная лоджия с загибающимся над головой стеклянным ограждением. Она потрясала каждого переступавшего порог – правда, тут же возникал вопрос: как же это все мыть снаружи? В остальном – много места, свободная планировка. Легко представилось, как сюда въедут дети и собаки, цветы и стулья, хозяева покрасят стены и будут из окон смотреть на целую половину столицы. Пока экскурсанты оглядывались по сторонам, автор давал интервью какому-то телеканалу: «Понимаете, я не стремился создать просто красивую форму. Это было бы глупо. Для меня, как для архитектора, очень важно, чтобы людям здесь было комфортно жить».
Экскурсией все остались довольны и аплодировали не только архитектору, но и ее организаторам, интервью с которыми читайте на соседней странице.

ПИ ПОД ЗНАКОМ «АР»

– Что сподвигло вас на создание Агентства?

Александр Змеул (А.З.): В России, несмотря на строительный бум, архитектурные процессы находятся на периферии общественного внимания, и потребность в специализированном агентстве, которое бы занималось маркетингом и коммуникациями, очевидна. То, какое количество народа приходит на мероприятия «Свободы Доступа», доказывает, что интерес есть, и не только утилитарный. Не только к тому, где у тебя туалет-ванна и почему у тебя во дворе вырыли котлован. Другой вопрос, что негде взять информацию. Есть, конечно, журналы, сайты, выставки, лекции… Но живьем посмотреть – где, как? В публикациях у новых домов даже адрес порой не написан! Так что приходится засучивать рукава и делать что-то самим. Два года назад я придумал проект «Свобода Доступа»: затея девелоперам нравится, только никто денег не хочет давать. Может, они стесняются того, что делают?

Наталия Алексеева (Н.А.): В идеале мы хотели бы помогать архитекторам и девелоперам правильно позиционировать себя в обществе. Сбор картинок, написание пресс-релизов – подобной пиаровской рутиной сегодня не занимаются практически ни в одном московском бюро. В результате 80 процентов населения вообще не считают архитектуру искусством. Исчисляют ее в этажах, квадратных метрах, долларах.

А.З.: Мы берем на себя роль медиаторов между обществом и архитектурным цехом. Российские архитекторы много проектируют и строят, но никак не артикулируют свою позицию. Тем временем на рынок приходят иностранцы, которые понимают, что при таком подходе можно стать коммерческим архитектором, занимающимся инвесторскими проектами, но не заявить о себе как об авторе.

– Может быть, нашим архитекторам это действительно не нужно?

Н.А.: Именно такое отношение и объясняет наши чудовищные проблемы с городской средой. Мы, мол, такие некоммерческие, гордые, внимания публики нам не надо, а заказчики к нам приходят и так. В итоге имеем то, что имеем.

А.З.: Конечно, проще жаловаться, что все плохи и недостойны – заказчики, подрядчики, журналисты, чем сводить на объекты, провести мастер-класс. Персональных выставок за последний год было всего четыре!

Н.А.: Сейчас мы затеяли в газете «Время новостей» «Клуб архитектурной критики». Это опрос критиков с целью определения самых важных событий квартала – позитива и негатива. Мы пытаемся включить архитектурный процесс в социальный, экономический и политический контексты.

– Чем еще занимается ваше Агентство?

А.З.: Мне ближе всего программа «ПромоПром». Она посвящена индустриальному наследию, ее цель – исследовать и продемонстрировать возможности современного использования производственных зданий и территорий в условиях российской действительности. Это интересно, фактурно, актуально.

Н.А.: А мой любимый формат – экскурсии «Выбор архитектора». Известные современные архитекторы показывают любимые вещи советской архитектуры 50–80-х годов. Это самый некоммерческий из наших проектов, но и самый интересный. А путешествия по провинции – это вообще пласт некопаный, ведь вряд ли кто сам поедет в другой город смотреть советскую архитектуру. А если это делать в коллективе да со специалистами – совсем другой масштаб!

– А как вы собираетесь совмещать коммерческое и некоммерческое?

Н.А.: Нас все время спрашивают, готовы ли мы пиарить то, что нам не нравится. Пока мы только начинаем, хочется уверенно сказать, что нет. Будем поддерживать только то, что соответствует нашим эстетическим пристрастиям.

Мария Фадеева (слева) вручала наш журнал авторам лучших вопросов, заданных автору дома – Борису Уборевичу-Боровскому (в центре), а Наталия Алексеева и Александр Змеул (P-Arch) готовились отвечать на наши вопросы

Из окон «Дома-Уха» видно другое чудо современной столичной архитектуры – «Москва-Сити»…

…а с его крыши открывается вид на букет «Домов-пальм», чей проект выполнен в том же четвертом «Моспроекте»

Возвращение излишеств

Классицизм на Рыбалко

Текст: Евгения Гершкович
Фото: Андрей Ягубский

Район Октябрьское Поле всегда застраивался архитектурой с легким милитаристским уклоном. Повод к тому вполне советский: все улицы здесь названы в честь наших военачальников. Но если раньше то были башни и башенки «ДОН-Строя», то теперь здесь строит Филиппов. Что это означает? Пусть материалы не самые дорогие, зато пропорции уж точно классические.

Многофункциональный жилой комплекс
Адрес: улица Маршала Рыбалко, вл. 2
Генпроектировщик: ОАО «494 Управление «Начальника работ»
Проектная организация: Мастерская М.Филиппова, ЗАО «ЛенПолпроект»
Архитекторы: Михаил Филиппов (руководитель проекта), Сергей Агеев, Алексей Саблин, Елена Строганова
Инженеры: А. Любимов, Н. Моисеенко, Г. Тимофеев
Заказчик: КЭУ г.Москвы ГлавКЭУ МО РФ

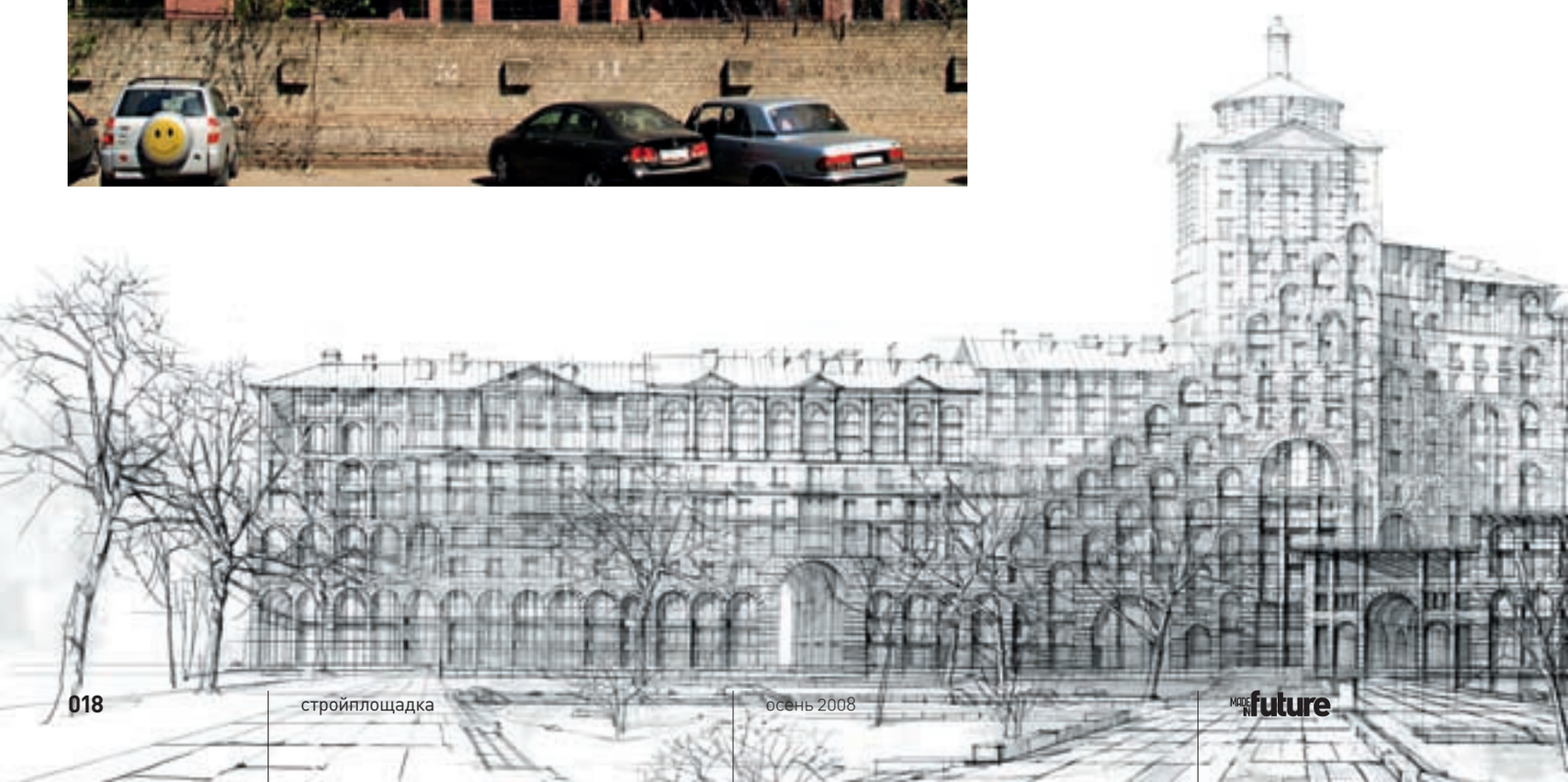
Для вернувшихся с войны увечных солдат Людовик XIV выстроил приют в центре города Парижа. Собор Дома инвалидов Ардуэна – Мансара, украшенный двойной колоннадой и увенчанный огромным куполом, явил собою образец строгого изящества и симметрии. Бывшие военнослужащие, по-видимому, исторически привыкли к обитанию в классических формах. Им они близки и понятны. В Лондоне ветераны тихо и смиренно доживают свой век в Royal Hospital, торжественном дворце с портиком, неподалеку от садов Челси. Самый престижный, между прочим, район. Москва тоже не забывает о своих героях: специально для офицеров-ветеранов город строит жилой комплекс на улице Рыбалко. Чистейшей воды оммаж, при этом – социальное жилье для народа. Площадкой выбран экологически благоприятный и обильно озелененный Северо-Западный округ столицы. Тут тебе и Серебряный Бор, и парк «Покровское-Стрешнево», и поселок художников «Сокол»… Проектировать комплекс пригласили не кого иного, как Михаила Филиппова, главного в нашем Отечестве поборника классики. Благодаря ему мы знаем, что классика жива: он практически единственный, кто с сакральной торжественностью и завидным постоянством продвигает ее в городе. Символично, что к работе над проектом зодчий приступил в 2006 году, когда исполнилось 50 лет знаменитому хрущевскому постановлению о борьбе с излишествами. Эти мероприятия буквально совпали с XX съездом КПСС, полетом спутника, фестивалем молодежи и студентов,

сексуальной и полнейшей революцией в умах людей. Филиппов, который модернизм за архитектуру не держит вообще («Модернизм недостоин называться человеческим жильем, он наносит ущерб человеческой личности!»), считая его не более чем «дизайном, коробкой для бессмысленных вещей общества потребления», вложил в образ нового объекта всю свою страсть к классике.

Пройти военную экспертизу проекту помог упрек, своевременно высказанный президентом Путиным какой-то комиссии: «Жилье для военнослужащих должно быть достойно русского офицера, а вы мне тут какие-то хрущевки показываете...» Вспомнив, откуда президент родом, подумали о колоннах – и вопрос в пользу классики был немедленно решен.

Архитектурные излишества возвращаются здесь победоносным шествием. Любопытно, что даже с экономической точки зрения дома с «излишествами» оказались выгоднее, чем панельные «машины для жилья». Это доказали смета и федеральная экспертиза по стоимости.

По плану к 2009 году город приобретет масштабную градостроительную композицию с четко выделенными центром и доминантой. В качестве последней – «улитка», она же – спиралевидный объем ступенчатой формы



с повышением от 4 до 17 этажей. Каре из 8–12-этажных жилых корпусов, выходящих на улицу Маршала Рыбалко, образуют не только парадные фасады, но и камерный круглый двор. Будет где прогуляться ветеранам и членам их семей. Филиппов настойчиво внедряет круглые дворы почти что в каждой своей постройке, считая нелишним напомнить об их существовании в мировой архитектурной практике. Общественно-деловые и развлекательные учреждения – детский сад, супермаркет, парикмахерская, ресторан, оздоровительный центр – предусмотрены на первых этажах вдоль уличного фронта.

Филиппов, по своему обыкновению, затеял в рамках отдельно взятого здания «игру в город». По его замыслу, силуэт комплекса в целом должен напоминать массовую застройку берегов реки Арно, то есть флорентийские кварталы где-нибудь в районе Понте Веккио. Знак Флоренции архитектор запечатлел и в колористическом решении здания. В покраске фасадов оставлены одни только ее излюбленные цвета – желтый и терракот. Уличные фасады решены мощными аркадами, смахивающими на акведуки Древнего Рима, а если быть точнее – на грандиозный акведук в испанской Сеговии, возведенный во II веке при императоре Траяне. Центральное место в композиции отведено легкой башне с бельведером, по пропорциям явно отсылающей к башне Морвокзала, построенной Каро Алабяном в Сочи. Алабян возник в этой истории тоже отнюдь не случайно. Комплекс общей площадью 200 тыс. кв. м расположен в непосредственной близости с алабяновскими кварталами в районе Ленинградского проспекта и зданием Академии Красной Армии.

Михаил Филиппов:
«Вернуть в архитектуру красоту можно только путем смирения перед тем, что уже создано веками. Перед тем, что мы уже видели, и нам оно понравилось настолько, что захотелось тут же сесть и это нарисовать. Моя позиция с классикой в каком-то смысле утопическая, поэтому то, что я сейчас много работаю в городе, – чудо!»

Немаловажно и его соседство с так называемой «Немецкой слободой», построенной в 1944 году пленными немцами, любовно спроектированной именно во флорентийской традиции, великолепной по своей архитектуре, с большими арками, окруженной зеленым парком. Этот квартал очень похож на центры Красногорска и Звенигорода, Твери, Тулы, Торжка. Все эти памятники социального жилья для народа так до сих пор и не объявлены памятниками архитектуры.

И именно в этот камерный масштаб Филиппов стремился попасть со своим домом: 17-этажный в окружении шести близлежащих 30-этажных небоскребов, он отнюдь не стал высотной доминантой.

«Люди должны жить именно в таких домах и видеть именно такую архитектуру», – утверждает ревнитель классики. Он очень ждет окончания работ, ибо убежден, что комплекс на Рыбалко ответит наконец на все вопросы в вечном споре между классиками и модернистами. В реванше Филиппов не сомневается. За ним стоят русские офицеры. ftr

ВЫИГРЫВАЕТ ТОТ, КТО ИГРАЕТ

Текст:
Екатерина Богданова

ПОЧЕМУ БОРИС БЕРНАСКОНИ ПОБЕДИЛ ЗАХУ ХАДИД В КОНКУРСЕ PERMMUSEUMXXI

Если бы не Путин, быть бы молодому московскому архитектору Борису Бернаскони человеком года! По крайней мере, в апреле одно серьезное экспертное издание включило его в дюжину самых влиятельных людей России по степени их личного вклада в ее будущее.

Хотя еще год назад в интервью нашему журналу (Борис был героем первого номера и автором его обложки) он скромно признавался: «Я не архитектор. Профессия архитектора вообще давно умерла. Современный архитектор – это не тот, кто строит дом. А тот, кто коммуницирует с внешним миром, работает с пространством. Архитектура сегодня – это маркетинг, арт, политика, экономика, девелопмент, все вместе. А архитектор – это тот, кто лучше всех ориентируется. В пространстве, вообще в мире».

И вот эта стратегия принесла наконец результат. Бернаскони почти выиграл конкурс на проект Художественного музея в Перми. Оставлены позади Хани Рашид, Ханс Холляйн, Вито Аккончи, Тотан Кузембаев и Александр Бродский. Заха Хадид однозначно третья. Это невероятно, но факт – как выигранный ЦСКА в 2005 году Кубок УЕФА. Победа ББ – это как успех русского оружия в Бородинском сражении. Вроде бы полупобеда, так как не взял большинства голосов. Но эта ничья равна победе с моральным перевесом. Потому что уже само по себе появление ББ среди участников второго тура вызвало всеобщее недоумение. А как еще можно было отнестись к архитектору без серьезного опыта строительства, хоть и с высоким уровнем рефлексии? Но он не только прошел в финал, но и разделил первое место с швейцарским архитектором Валерио Олджиати. Проект Олджиати как серьезный претендент на реализацию никем не рассматривается. Архитектурная общественность называет его «средневековым донжоном, декорированным как торт». Можно сказать, что это самый свежий тренд: стилизация под социалистическую архитектуру 1970-х годов. Возможно, в Европе она снова модна, но мы пока старое донашиваем. Во многих уголках страны постройки 1980-х годов – это вообще единственный пример современной архитектуры. Поразительно, что председатель жюри Петер Цумтор, большой и тонкий художник, одобрил этот проект своего соотечественника – похожий то ли на райком, то ли на всесоюзную здравницу. Парадоксально и то, что европейские интеллектуалы в жюри были за тортоподобные «навороты», а московско-питерское сообщество отстаивало борзоватую простоту Бернаскони. Придуманный им параллелепипед – прозрачный, светящийся, сползший к реке, как недорастаявший мартовский сугроб, стал предметом не только бурных споров, но и возможным поводом к судебным разбирательствам. У проигравших есть обоснованные претензии к тому, что проект не

отвечает условиям конкурса (нарушена территориальная привязка) и его целям: нет зрелищности формы. Действительно, чтобы использовать на полную катушку «гений места», Бернаскони немного передвинул участок, отведенный под застройку, решив пропустить сквозь здание железнодорожное полотно – ветвь легендарного Транссиба. Дорога придала зданию мифическо-сакральный смысл: она здесь как Лета – печальная река времени, где искусству отведена роль связывать души умерших и живых. Кроме того, дорога вызывает знакомые киноассоциации, настраивая посетителей на особый лад: делает музей некой «зоной», а попадание в него – сталкериадой. Что же касается недостаточной «зрелищности», то проект соответствует авторскому кредо, изложенному Борисом все в том же интервью Made in Future: «Я хочу делать простое аскетичное пространство, без лишних элементов, оставляя только самое необходимое». Зато проект «ГОРИЗОНТ» (таково авторское название) насыщен смыслами. И в этом отличительная особенность творчества «позднего» Бернаскони. Он один из немногих, если не сказать единственный, кто работает над образом, добиваясь максимального выражения мысли минимальными средствами. До этого были изящная надуманность здания Мосгордумы как облака и суровый сюр «Памятника месту» на Лубянке. Но если раньше то была работа над формой-символом («Матрешка», «Усадьбарокко»), то теперь только над содержанием. Ничего личного. В итоге получился параллелепипед света, выхваченный из индустриального мрака российской провинции на берегу Камы. Прием выхватывания пространства можно назвать деструктурализмом. Музей Бернаскони – это, по сути, учреждение соцкультбыта повышенной комфортности, работающее 24 часа в сутки. Оно принципиально никакое. Его архитектурная оболочка не важна, а важно содержание. Впрочем, для Бориса, по большому счету, и реализуемость не важна. Примерно в той же степени, как в свое время для Ладовского, Леонидова, Лисицкого. Но в этот раз, хочется надеяться, она будет. ftr

Пионеры – пенсионерам!

Студенты МАрхИ задумались о старости

Текст: Мария Седова

В середине апреля в Архитектурном институте прошел конкурс студенческих работ на строительство дома престарелых под громким и отчаянным названием «Старость в радость». Студенты предлагают старикам жить на воде, в скворечниках и просто в городских квартирах.

Конкурс «Старость в радость»

Предлагаемые участки:
Спасоглинищевский переулок (Москва),
территория сгоревшего дома престарелых (Краснодар)

Обязательное условие:
обеспечение индивидуального входа в личное пространство

Организаторы конкурса:
выпускники МАрхИ Николай Переслегин и Михаил Бейлин

Количество участников: 14

Жюри: архитекторы Юрий Григорян и Александра Павлова, Александр Бродский, Александр Скокан, Андрей Некрасов, Илья Лежава, Александр Цыбайкин, ректор МАрхИ Дмитрий Швидковский

Приз: поездка в Японию

Жилой кубик-рубик Валерии Пестеревой – это смелый архитектурный ход, даже выходка, а сама идея поселить стариков во вращающийся архитектурный механизм просто фантастична. Цветной и, главное, «отвязный» проект – как заметил член жюри Александр Бродский

Из последних демографических отчетов по России следует, что к 2050 году на одного работающего человека будет приходиться один нетрудоспособный член общества: ребенок или пенсионер. При этом что будет с детьми – понятно, о большинстве все же позаботятся родители, а вот за стариков страшновато. Пока социальная политика страны вяло реагирует на эту проблему: достаточно вспомнить 120 рублей, надбавленных пенсионерам и отосланных ими обратно, лично президенту. Так что конкурс на проект дома престарелых, проведенный в МАрхИ, выглядит весьма актуальным. Учитывая скорость, с которой в нашей стране происходят перемены, можно сказать, что студенты придумывали собственный образ жизни в старости.

Выяснилось, что старость для студентов – тайна. И еще большая тайна – что можно делать и как жить, если ты уже на пенсии. Результат вполне отражает традиционное общероссийское безалаберное отношение к пенсионерам, когда бабушка в лучшем случае ассоциируется с «домиком в деревне», а в худшем – со старой каргой, обругавшей тебя в метро.

Соответственно, многие из конкурсантов прорабатывали тему деревни – как более милый образ. У кого-то она получилась как бы исконно русская – вроде проекта Павла Зельдовича, где ансамбль частных домиков формируется вокруг центральной улицы, правда, храма там нет. Тогда как проект Анатолия Белова отдает китайщиной...

Впрочем, два проекта-победителя, поровну разделившие голоса жюри, – это деревни для мизантропов, для той самой «карги». И там и там личное пространство максимально отделено от соседей, в одном случае – при помощи воды, в другом – высоты. Тот факт, что именно эти проекты стали победителями, говорит многое об отношении жюри к вопросу старости. Так, при долгом рассматривании плавающей деревни начинает казаться, что это не просто территория пожилых людей, а территория уже загробного и закрытого мира.

Впрочем, некоторые студенческие предложения все же направлены на социализацию престарелых и связаны с городской темой – например, проект Анны Белугиной и Сергея Переслегина. Так что будем надеяться, что к 2050 году нам всем найдется место, где пожить красиво, сообразуясь с остальным миром. И что продолжительность нашей жизни окажется выше, чем сейчас в России: а она, по данным Минздравсоцразвития, отстает уже не только от развитых, но и от развивающихся стран... ftr

Проект Артема Китаева и Дарьи Листопад – это несколько домиков, качающихся на воде. Между ними находятся такие же, но уже общественные домики – с кухней, комнатами отдыха и медицинским центром. К ним можно подплыть в случае необходимости, а можно «расплыться» по углам и заниматься своими делами. Когда же приходит время посещения родственников – можно подплыть к берегу. Проект получил большинство голосов, а единственным, кто за него не голосовал, был архитектор Юрий Григорян. Он заявил, что проект сделан по всем правилам выигрывания конкурсов: здесь не возятся с тем, что скучно и нужно, а предпочитают артистизм. Но таким проектам нужно давать поощрительные премии.

Проект Артема Китаева – это тема деревни. Только не простой, а «на ножках», точнее, на сваях. Главная идея здесь – возвращение пенсионеров в детство, к домикам-скворечникам на деревьях. Каждый житель может попасть в свое жилье только по лестнице снизу. «Дом вечной юности» – такое название дано проекту, предполагающему завидное физическое развитие пенсионеров.

Оранжевые домики Анны Белугиной и Сергея Переслегина вписаны в застройку Спасоглинищевского переулка. Учтены перепады высоты: сначала домики двухэтажные, потом, по мере подъема переулка вверх, становятся одноэтажными. Это почти элитный поселок, вписанный в городскую инфраструктуру, а главная его улица является частью существующего квартала города и самым коротким путем к метро. Чем старше человек, тем выше риск остаться в одиночестве – здесь же эта опасность старательно минимизируется. Огромные панорамные окна тоже прибавляют ощущения вовлеченности в городскую жизнь.

«Старость в радость» в интерпретации Александра Голованова, Александра Коробова и Михаила Орлова – это деревенская улица, перекрытая крышей. У каждого домика свой вход (это было одним из главных условий конкурса), а улица соединяет, как главная артерия, этот маленький «пожилой» поселок.

Первая московская архитектурная биеннале

Фото: Наталья Коряковская,
Юлия Тарабарина, Николай Малинин

Самая обойденная вниманием жюри экспозиция: бюро «Атриум» Антона Надточего и Веры Бутко

Самая красивая выставка: «Персимфанс» в Музее архитектуры (макет бюро «Проект Меганом»)

Самая познавательная составляющая биеннале: жилье за рубежом

Архитектор года – Сергей Скуратов

Лучшим общественным интерьером жюри фестиваля «Под крышей дома» (слева – член жюри, главный редактор журнала Made in future Николай Малинин) признало интерьер бизнес-центра «Знаменка, 7» Олега Попова (справа)

Самый главный человек биеннале: куратор Барт Голбхоорн и швейцарский архитектор Кристиан Суми

Самый важный раздел: «Квартальный вопрос» (на переднем плане – макет Ходынского поля от 4-го «Мосгорпроекта»)

Самый лучший, по мнению жюри, проект «Архкаталога»: квартал в Киеве (бюро «Проект Меганом»)

Самая легкая и приятная выставка: Russian Design Show

Фото: Надежда Рыдкая

Николай Лютомский: «Нам есть чему поучиться»

Руководитель бюро «ЭЛИС» – о своем опыте работы с Захой Хадид

Прочитал в прошлом номере Made in Future монолог Бориса Левянта – и захотелось с ним подискутировать. А почему, собственно, уважаемый человек не может вывешивать консоли на 150 метров? Почему это непременно свидетельствует об инфантильности архитектора? Наоборот: во всем мире преклоняются именно перед теми, кто может предложить что-то необычное!

Позвал меня знакомый подрядчик. Хочешь, говорит, немного заработать – сопроводить проект через экспертизу? А потом оказалось – Заха Хадид! Так начался наш интересный и мучительный роман, тянущийся уже три года.

Проект бизнес-центра на Шарикоподшипниковской улице заказали британской звезде с понятным расчетом: уникальное здание может стоить в два раза дороже. Просто потому, что это проект Захи Хадид. Однако, думая о грядущей прибыли, наш заказчик пока не отдает себе отчета в том, что если что-то будет стоить дороже на выходе, то и вложить в него надо больше, чем обычно. Уникальное всегда и везде стоит дороже. А на такой объект, как этот, вообще должно быть открытое финансирование!

Здание действительно необычное: оно похоже на радиатор, поставленный на попа. Пластины этажей смещены относительно друг друга и взаимно перетекают. Правда, побывав у Захи Хадид в офисе, мы узнали, что идея таких смягченных пластин у них существует давно, и они ее оттачивают. Ну да ладно, Фостер тоже свою «юрту» на нас оттачивает.

Но когда дело дошло до деталей – тут все и началось. И началось, как всегда, со снега и теплопотерь. В проекте – большие горизонтальные кровли. Так что можно прямо на террасу из офисов выходить. Стали мы объяснять, что оттуда снег убирать придется, а если их греть, то это значит – улицу топить, деньги на ветер выбрасывать. Потом, правда, сделали расчет энергоэффективности, и оказалось, что это возможно – при использовании соответствующих ограждающих конструкций.

Но так на каждом шагу. Придумали они над входом консоль – огромную летящую поверхность вылетом 20 метров. Красиво, конечно, но уж очень сложно! Наши конструкторы долго с этим боролись. Ставили, естественно, под консоль колонну. Потом наш главный конструктор съездил в Лондон и говорит: «А была не была, давайте сделаем!» Придумали пропустить через офисное пространство стену, которая создаст жесткость и на этом центральном ядре все будет держаться. Англичане сначала были недовольны, но потом согласились! Признали правоту конструктора. То есть при всей своей упертости на соблюдении каждого штриха они чрезвычайно разумны. Профессионалы, ничего не скажешь.

Нам есть чему у них поучиться – например, в плане юридической грамотности подготовки контракта. Наш инвестор рассчитывает получить эскиз и сделать все быстро и дешево. Ан нет: в контракте на эскиз прописаны права авторов и ответственность инвестора за отступление от первоначальной идеи. Это немножко

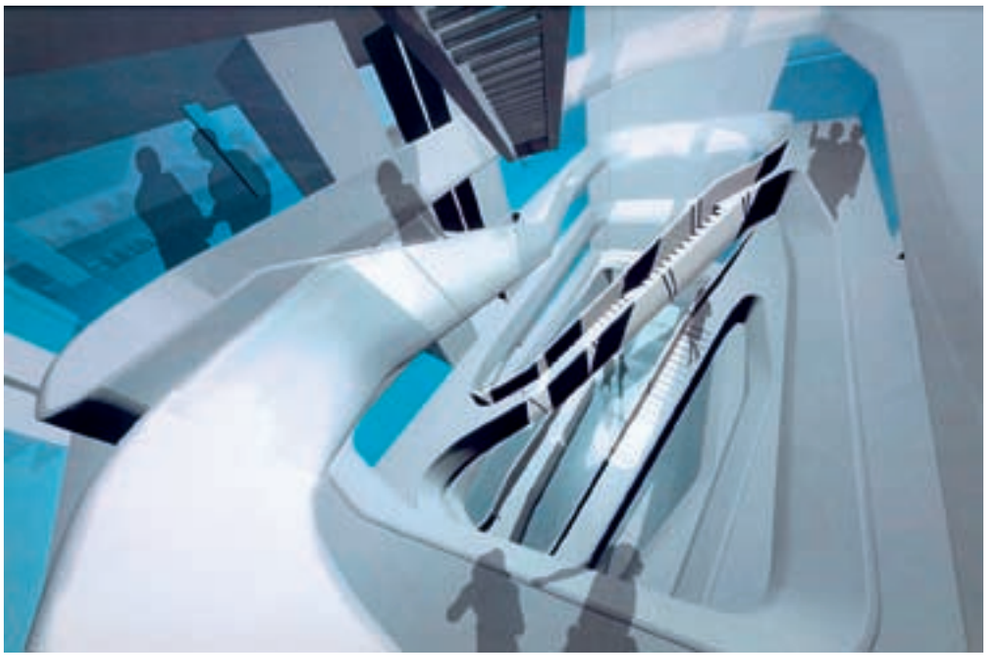
Проект офисного здания на Шарикоподшипниковской улице
Проект: Zaha Hadid Architects
Генпроектировщик: АБ «ЭЛИС»
Архитекторы: Николай Лютомский (руководитель проекта), Ольга Мельник (ГАП), Ольга Мамонтова
Конструкторы: Григорий Вайнштейн, Михаил Алексеев
Заказчик: «Доминион-М»
Генподрядчик: Alpenbau (Австрия)

похоже на наш регламент согласования проекта. Только в московской практике на первое место выходит цифра: ты должен при разработке буклета на АРИ угадать с точностью до квадратного метра, каковы показатели будущего проекта. И потом – ни метром больше. А тут ты обязан ни на йоту не отступить от первоначального эскиза!

Вообще знакомство с работами мастерской Захи Хадид показало, что в мире ценятся последовательность и нонконформизм. Проекты ее мастерской последовательно развивают идеи, заложенные еще в ее самых первых, откровенно деконструктивистских работах.

В случае же с офисом на Шарикоподшипниковской было решено, что здание будет изменчиво. Что оно будет облицовано панелями-хамелеонами – меняющими цвет в зависимости от угла зрения. И к тому же англичане заявили, что не хотят швов в стене. И панель должна быть идеально ровная. А у тех панелей, которые есть на российском рынке, жесткость идет за счет внутреннего наполнения. Там присутствует температурное расширение – и для его компенсации существуют швы. И вся конструкция предусматривает, что панели «дышат». Так вот, в проекте от ведущего архитектора мира этого быть не должно! Англичане дали адрес фирмы, которая может сделать фасад без швов. Я спрашиваю: можете? А они говорят: да мы все можем сделать, просто это будет дороже.

А вообще со всеми участниками процесса очень грамотно организована работа. Есть сервер, на котором



лежат чертежи, и все постоянно обновляется. Каждый мой туда заход является документом. И если я ляп сделал, я должен тут же перед всеми извиниться и сказать: вот вам новая версия. У нас же как? Передашь чертеж – и кто-то непременно потеряет, а тут все очень четко.

Чертили мы лестницы… А они там сумасшедшие совершенно. Атриум ими весь перерезан, при этом не одна над другой, а все друг друга пересекают. Англичане придумали, как это можно сделать из бетона. Но бетонная двухмаршевая прямая лестница весит 50 тонн. И смонтировать ее можно только после завершения основной стройки – что невозможно. Тогда мы решили сделать металлические конструкции, а потом их облицевать чем-то вроде кориана. Такие текучие шехтелевские формы можно сделать… И вот это все очень интересно. Потому что я же на своих проектах такие задачи не решал ни разу. А тут каждый вызов рождает мысль, какой-то необычный ответ.

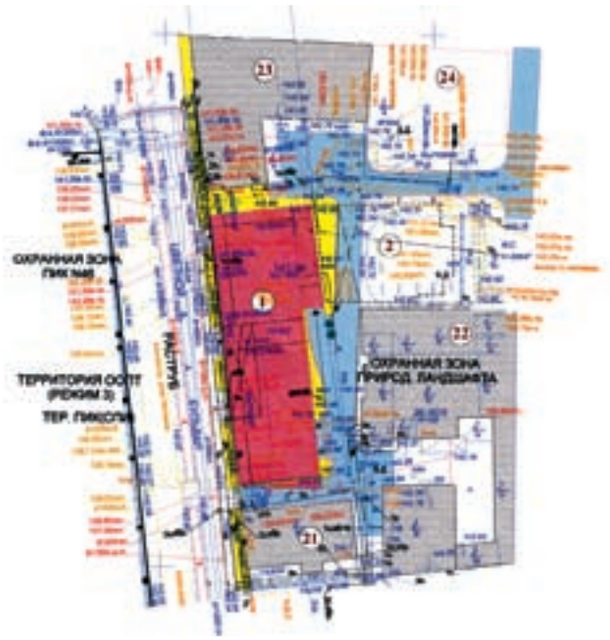
Вроде бы идея заказать проект Захе Хадид – чисто пиаровская. Но в ней есть и профессиональный смысл. Потому что иностранным звездам априори разрешено больше, чем нам. «А вот я ресторан в Греческом зале Пушкинского музея сделаю!» – скажет Фостер – и вдруг окажется, что это может быть. То есть они прокладывают нам в каком-то смысле дорогу, создают прецедент. Работа с мастерской Хадид для меня – опыт использования интересных технологий, материалов, с которыми никогда не сталкивался, а еще, конечно, прецедент взаимоотношений с инвесторами. Ну не бывает у нас такого, чтобы архитектор говорил, а инвестор сидел и слушал. А тут – слушают как гуру! ftr

Текст: Мария Фадеева
Фото: Владислав Ефимов

Классика Цветного

1. Раньше на этом месте, по соседству с редакцией «Литгазеты», стоял ничем не примечательный семиэтажный дом. Но в 1990-е он был признан аварийным из-за появления трещины и снесен. В 1996 году авторам был заказан проект офисного здания, в 2000 году его согласовали. Прошло долгих 12 лет...

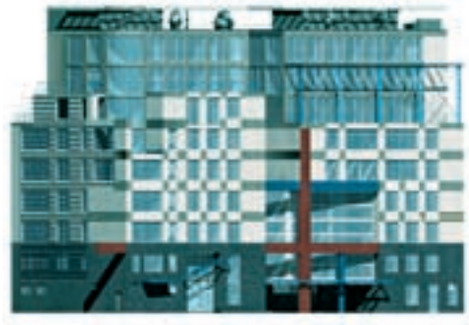
2. Чтобы визуально габариты новой постройки были схожи со старым домом, два верхних этажа проектировали в сплошном остеклении. Но в конце 1990-х считали, что чем меньше стекла, тем меньше затраты на отопление. Так появились импосты из алюкобонда.



3. Поскольку в начале века мэр увлекся строительством парковок в центре города, заказчик решил сделать таковую на месте усадебного сада. Архитекторы идею саботировали, но заказ передали другим. Парковка-этажерка позади здания таки появилась и в некотором смысле спасла дом: за 8 лет нормы расчета машино-мест ужесточились, и двух подземных этажей уже не хватило бы.

4. Исторический центр требовал соответствующего решения, но не заниматься же стилизаторством. Зато можно было поддержать сложившийся ритм бульвара. Объем здания разделили нишей, поддержав характерное для бульвара деление домовладений паузами по 5–6 метров. Близость поворота на Садовое кольцо отметили закругляющимся углом стеклянного верха.

5. Разработку объема продолжили и на поле фасадов. Наружные металлоконструкции декоративны, но задают дополнительный ритм; коричневый крест на фасаде размечает пространство, а еще у здания оттопырилось «ухо», где будут комнаты отдыха: оттуда замечательные виды на бульвар. Алюминиевые же перголы-«кепки» на крыше скрывают технические надстройки.



6. Проблемы проекта начались на стадии реализации. Так, балка, тянущаяся к дому, где Суриков писал «Ермака», вопреки проекту остановилась за 40 см до цели. Кроме того, подрядчик привез серый китайский гранит вместо голубого португальского. Таким образом, разрушили цветовую концепцию, обыгрывающую название бульвара. Теперь косая синяя вставка, призванная предупредить прохожих о приближении к большому перекрестку, слишком ярка...

Административное здание с отделением Сбербанка
Адрес:
Цветной бульвар, 32
Проектировщик:
«АРТЭ +»
Архитекторы:
Владимир Юдинцев, Майя Бургандинова, Александр Гагиев
Конструкторы:
Николай Швецов, Марина Железова
Заказчик:
«Стройсервис»
1996–2008

С первого взгляда кажется, что фасад напоминает тетрадку в клеточку. Это случайность или изначально ваша задумка?
Это скорее тетрадка в линеечку, и это не случайность, а продолжение темы линейности застройки 70-х в этом районе. Кстати, это был один из лучших образцов архитектуры того времени.

«Авеню» (название этого жилого комплекса) в переводе с французского –это «аллея, утопающая в зелени». Означает ли это, что вокруг здания вырастет огромный парк?
Очень хотелось бы в это верить!

Вы выбрали именно бело-голубые тона – это чтобы не отличаться от рядом стоящих зданий?
Не отличаться невозможно, но гармонично сочетаться – пожалуй, да.

В принципе это здание не отличается особенно сложной архитектурой ☺, обыкновенные четырехугольники, но выемки на здании придают ему оригинальность – это дизайн такой или они для чего-то служат?
Мы поставили перед собой задачу визуально облегчить восприятие здания, включив в композицию фрагменты открытого неба – так что этот дизайн служит вполне благородной и полезной цели.

Я заметила, что ваше здание без балконов. Как вы считаете, комфортно ли будут себя ощущать жители без этой важной и нужной в хозяйстве детали? ☹
Вы абсолютно правы, но это, к сожалению, было заданием заказчика.

Алена Маркарова vs Владимир Плоткин

Фото: Владислав Ефимов

Юный корреспондент допрашивает автора жилого комплекса «Авеню, 77»

В комплексе есть все: кино, магазины, рестораны, спортивный центр, детский городок, каток, поликлиника и даже своя школа! Это целый город в городе!!!! Вы сами хотели бы жить в таком ограниченном пространстве, при этом имея все под рукой?
Ну, пространство вовсе не ограниченное – вокруг много воздуха, Битцевский парк, прекрасные виды из окон на всю Москву. А развитая инфраструктура – это здорово!

Ваше здание отражается рядом в пруду и как будто растет как вверх, так и вниз. Не кажется ли оно от этого еще более высоким? ☺
Соседство с прудом позволило обогатить пространственную композицию, иллюзия увеличенной высоты выглядит привлекательно.

Скажите, задумано ли вами как-то использовать крышу дома – может, в солярий или зимний садик?
Нет, это уже чересчур, хотя, Алена, если вы там будете жить, может получиться очень мило, но ветрено.

И наконец, наши фирменные вопросы! Есть у вас что-то особенное, что можно найти во всех ваших зданиях – если «да», то где оно в этом комплексе?
Алена, ищите, мне бы очень хотелось, чтобы вы нашли!

Что в вашем доме MADE IN FUTURE?
Он строен, устремлен вверх, в нем всего много и он очень-очень большой. Наш мир в будущем будет расширяться и расширяться – и это замечательно.

Многофункциональный жилой комплекс с торговым центром
«Авеню, 77»
Адрес: Северное Чертаново, вл. 1а
Проектная организация: ТПО «Резерв»
Архитекторы: Владимир Плоткин, Сергей Успенский,
Вадим Кацапов, Елена Филичева, Сергей Сенкевич, Антон Чалов,
Наталия Толмачева
Конструктор: Виктор Андреев
Подрядчик: «Ант Япы» (Турция)
Заказчик: «Капитал Груп»
Проект: 2004–2005
Строительство: 2005–2008

Текст: Мария Фадеева

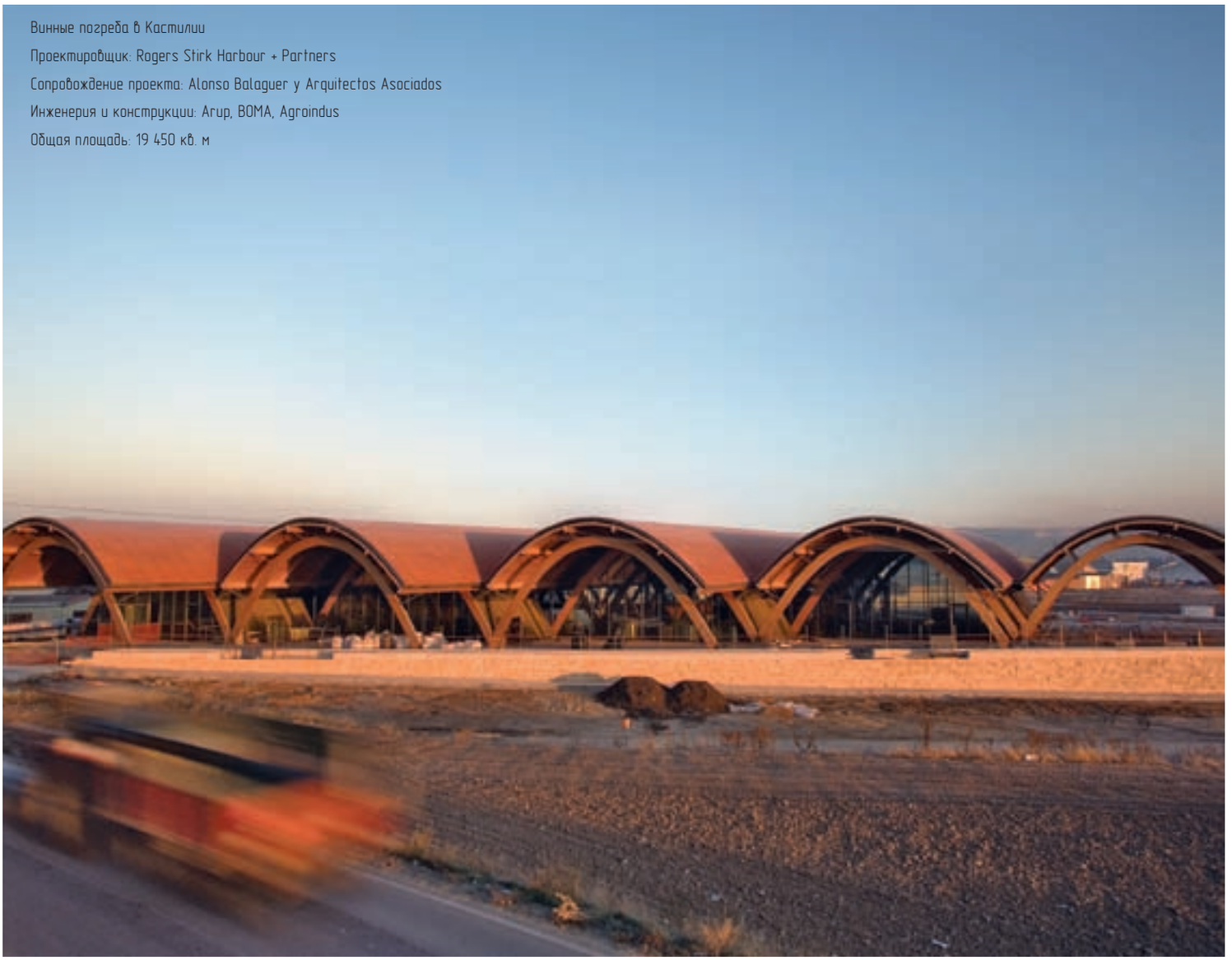
По винным волнам

Ричард Роджерс дегустирует терракоту Terreal

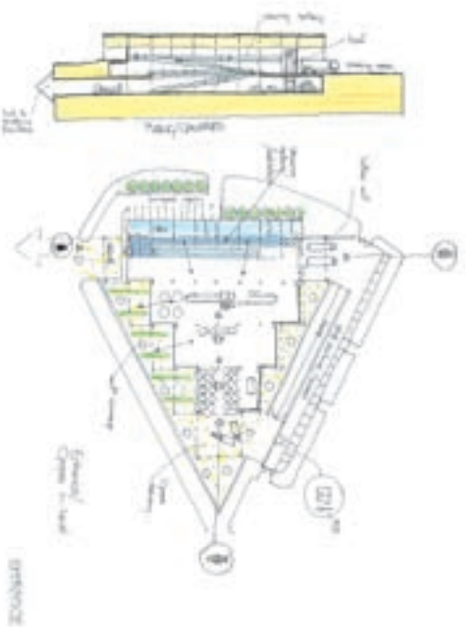
«Интернациональный город».
Renzo Piano Building Workshop

В сентябре в Испании, недалеко от города Вальядолид, закончится строительство нового комплекса винных погребов, спроектированного британским бюро Rogers Stirk Harbour + Partners. Любопытно, что проект великого Ричарда Роджерса удивительно перекликается с работами Ренцо Пиано – его не менее великого соавтора по парижскому Центру Помпиду. И это не только волнообразная крыша, напоминающая пиановский Музей Пауля Клее, но и использованный в отделке материал – а это терракотовая плитка Terreal. Которая, в свою очередь, была отличительной особенностью другого проекта Пиано – «Интернационального города» в Лионе, о котором мы рассказывали в прошлом номере Made in Future.

Винные погреба в Кастилии
Проектировщик: Rogers Stirk Harbour + Partners
Сопровождение проекта: Alonso Balaguer y Arquitectos Asociados
Инженерия и конструкции: Arup, BOMA, Agroindus
Общая площадь: 19 450 кв. м



Снаружи комплекс выглядит как пять длинных параболических сводов. Но под ними скрываются еще два закопанных в землю этажа. Это решение определено в первую очередь технологией: хранение вина требует особой температуры, которую и обеспечивает почва. Но эта необходимость оказалась весьма на руку архитектору.
У Роджерса получился красивый компактный объем с интересными внутренними пространствами. Он состоит из нескольких антресолей и переходов, а под ними – баки с вином. Наверху, под сводами, виноград разбирают и производят вино, а внизу оно бутилируется и хранится. Нашлось место и комнатам для дегустации, презентационному залу и офисным помещениям с собственным, между прочим, садом. А с прежним винным производством, расположенным по соседству, новый комплекс соединен подземным тоннелем.
Волнообразная крыша не только определяет образ постройки, но и работает на качество продукта. Конструкция терракотовой кровли, отнесенная от основного объема на V-образных опорах, является второй оболочкой. Под ней проходят воздушные потоки, не дающие внутренним помещениям нагреваться. А это не только сохраняет столь важный для производства вина температурный режим, но и минимизирует использование принудительного климат-контроля, потребляющего электричество. С требованиями температурного режима связаны и большие выносы



Игорь Сердюк
винный критик, главный редактор журнала Magnum

Protos – одна из старейших виноделен в ныне очень модном и престижном испанском винном регионе Ribera del Duero. С 1927 года она достойно держит уровень качества, постепенно наращивая объем продаж. Сейчас хозяйство производит 3 млн бутылок в год, так что необходимость в новой бодеге у них была жизненная. Авангардные же архитектурные решения – это «пунктик» новой Испании, в том числе и в винной отрасли. В силу исторических причин виноделие этой страны только в начале 90-х всерьез откликнулось на инновации, которые двигали винной мыслью Италии и Франции. И вот они, спохватившись, решили наверстать упущенное – как в качестве самих вин, так и в имидже. Первый «храм вина» вместо привычного винного склада построила в Риохе Bodega Campillo, за ней последовали другие.

Самыми знаменитыми проектами стали бутиковый спа-отель Фрэнка Гери на виноградниках Marques de Riscal и новая бодега Ysios Сантьяго Калатравы – в той же Риохе. Так что появление имени Ричарда Роджерса в этом ряду неудивительно. Тем более что он уже красиво отметился в Испании, построив в Мадриде аэропорт Барахас (кстати, в его отделке тоже использована плитка Terreal – прим. ред.), – как Гери отметился в Бильбао до работы в Риохе.

Самое любопытное в этом проекте то, что новые погреба со старыми будет связывать подземный ход. Получается своеобразная метафора связи поколений. Существует такой дедовский способ омоложения старой лозы: прикопать одну из ветвей старой, слабеющей лозы и подождать, пока она даст новые корни. Качество винограда, снятого с нового куста, уже на третий год будет сопоставимо с качеством старой лозы, а иммунитет, устойчивость к заболеваниям, будет гораздо выше, чем у лоз-ровесниц, посаженных обычным способом. Мистика только в том, что если перерезать ветвь, связывающую молодую лозу со старой, обе вскоре погибнут.

крыши относительно стеклянных стен южного фасада – они затеняют его. Погреба, расположенные в небольшой деревне у подножия холма с величественным замком Пеньяфьел, как бы продолжают существующий рельеф. Силуэт крыши отлично сочетается с холмистыми окрестностями. Словно вырастающие из земли, своды с их деревянными арками напоминают не только Музей Клее, но и крышу четвертого терминала мадридского аэропорта Барахас (см. Made in Future №2), которую Роджерс проектировал, как будто накладывая кальку на окрестные горы. Но кроме этих ультрасовременных зданий, постройка похожа и на традиционные испанские погреба рубежа XIX–XX веков, придуманные известными каталонскими зодчими. Благо вино (оно называется Ribera del Duero и производится тут с 1927 года) хранилось здесь всегда именно в рельефе: холм под замком изрыт переходами и винными хранилищами.

Другой важный сюжет этой крыши – открытость ее взорам посетителей замка. Поэтому так важно было выбрать правильный отделочный материал. Любопытно, что это первый пример того, как фасадная плитка Terreal оказывается на крыше. Впрочем, зная, кто автор проекта, можно не удивляться такому эксперименту. Ричард Роджерс использовал этот материал еще в начале века в проекте многоквартирного лондонского дома Montevetro и, соответственно, знал, что от него можно ожидать. Выбранная им терракотовая плитка теплого землистого оттенка перекликается и с местными полями, и с крышами деревеньки, а заодно обеспечивает качественную защиту от дождей.

Текст: Мария Фадеева

Студенческие пляски

AGS
Учебный корпус школы ROC

Старейший голландский город Нижмеген, история которого насчитывает уже 2003 года, по праву считается одним из крупнейших научных центров страны. Здесь расположены известный университет Radbound, множество исследовательских лабораторий, а также школа среднего профессионального образования ROC, которая в последнее время активно развивается. Так, недавно это учебное заведение построило новое здание для факультетов экономики и медицины. Впрочем, посмотрев на хулиганистые фасады постройки, сложно догадаться, что здесь занимаются наукой. Проект бюро AGS был выбран в результате конкурса. На площади 30 000 кв. м они разместили лекционные и открытые учебные аудитории, преподавательские, мастерские, лаборатории, большую столовую, а в подземном этаже – вместительную парковку для велосипедов и мотоциклов. Здание построено на вытянутом участке между автомобильной трассой и железной дорогой. Поэтому архитекторы решили сделать достаточно закрытые фасады, обеспечивающие необходимую шумозащиту для кабинетов, где

проходят занятия. В результате получилось несколько пятиэтажных «домиков», пространство между которыми остеклено. При помощи мостиков они объединены в две группы, по количеству факультетов. А уличные фасады с косыми окнами, раскиданными в полном беспорядке и сбивающими ощущение масштаба, заходят внутрь получившихся атриумов, создавая эффект городского пространства.

Несмотря на видимую сложность, стены собраны из квадратных элементов заводского изготовления с заранее вставленными окнами. Из-за ограничений бюджета архитекторам пришлось придумать схему, позволяющую создать типовые элементы с минимальным повторением в три раза. Только внешняя отделка выполнялась на стройплощадке. Здесь использованы панели Etalbond: их толщина 0,5 мм, и состоят они из алюминиевой основы, полиэтиленовой прослойки и полимерного внешнего покрытия. В свою очередь, три различных тона серебристого металла создают ощущение игры света на стенах даже в пасмурные дни – что не редкость для Голландии. **ftr**

РЕКЛАМА

композитные панели
Etalbond Fr/A2
Etalbond, Etalbond Light

Европейское качество
Цена ниже европейских аналогов

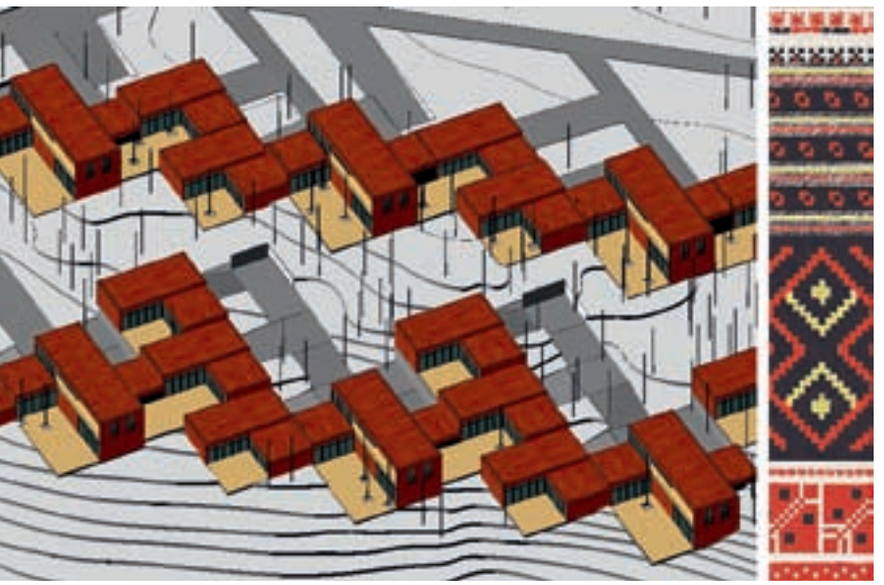
ООО "Термо-Проект"
Тел. +7 (495) 540-7300
www.etalbond.ru

Сергей Гикало и Александр Купцов:

«Архитектурные ошибки надо исправлять»

Текст: Наталия Алексеева
Фото: Александр Медведев

В самостоятельное плавание Сергей Гикало и Александр Купцов отправились в прошлом году. Но имена их были известны задолго до того, как на свет родилось бюро Gikalo Kuptsov Architects. Сотрудничая 10 с лишним лет, они навыигрывали (вместе и порознь) кучу конкурсов и собрали ворох премий – на «Зодчестве» и «Золотом сечении», на «Азбуке загородного строительства» и «Перспективе». Их проекты всегда остроумны, изящны и подчеркнуто гуманистичны. Будь то чистый арт-объект Nevalenki на «Арт-Клязьме 2005», пристань Communication tube на первом фестивале «Города» в Суханове или «Оригами» – складной домик из картона для бомжей. Последний настолько их прославил (попав даже на обложку журнала «Проект Россия»), что архитекторы отказались – к нашему огорчению – публиковать его снова. В чем, впрочем, есть свой резон: проработав много лет в «правильных» мастерских («Сенаб-проект», «Резерв»), они созрели для того, чтобы самостоятельно делать большие проекты. Что доказала их прошлогодняя победа на конкурсе Конгресс-центра в Стрельне. Правда, заказчик в результате предпочел тусклый проект Рикардо Бофилла, но это лишь подтверждает, что, и посолиднев, ребята не утратили остроты и драйва – которые нашими реалиями пока, увы, не востребованы.



Конкурсный проект клубного поселка «Орельское шитье», 2005

Залесненный участок предполагал максимальную аккуратность в обращении с природой, что нашло практическое отражение в блокированной застройке из «г»-образных модулей, а образное – в вышивании стежками. Стежки-блоки струятся между иголками-деревьями, комбинируясь в разных вариантах и образуя узнаваемый паттерн. Единство модуля соответствует равенству возможностей: у каждого жителя есть паркинг, терраса, одна стеклянная стена, одна глухая и т.д. Все дома в обязательном порядке имеют и вид на реку Орель, что достигается за счет использования рельефа, играющего роль амфитеатра. При этом сам рельеф не трогается, что возможно благодаря прокладке подземных связей. Идея мини-туннелей витала в воздухе и пару месяцев спустя после конкурса «Орельский лоджинг» обнаружилась и в проекте Эрика ван Эгерата «Барвиха Хиллз».

Загородный жилой дом HOUSE 4L, 2006. Совместно с Ольгой Шапуровой

Модная тема «дом в разрезе» обыграна, как всегда, на противоходе: разрез есть, но ничего не увидишь – стены глухие. Начинаясь как ирония над культом приватности, история перерастает в плакатную силуэтность. Любимый с детства образ избушки на курьих ножках дрожит и двоится. Нахлобученный на более современные объемы, решенные в современных же материалах, дом торчит во все стороны, соединяя актуальную консольность с привычной балконностью. А эркеры-люкарни дают каждой комнате завораживающий вид на окрестные дома-уроды.

Офисный центр в Магистральном проезде, 2005. Проект выполнен в составе АБ «Сенаб проект» (руководитель – Дмитрий Прокофьев)

Хаотично застроенный промрайон давал возможность сделать высотный и образный акцент, но конкретная ситуация вынуждала тесниться: в границы участка дом не помещался, мешали сети. Отсюда возникло остроумное решение подрезать угол – тогда как Йо Минг Пей в Дефансе сделал это только ради красоты. Красота пришла откуда не ждали: слово «разрез» зазвучало в проекте другим своим смыслом, и зданию захотелось заглянуть под юбку. Что и было материализовано стилобатом с общественной функцией. Разврат не прошел, дело кончилось новым генпланом, в котором этого участка нет вовсе. Хотя, по логике вещей, с генплана все должно было начинаться...

Зачем молодежи Союз архитекторов?

А. К.: Мы же родом из советского времени, да еще и родители – архитекторы. Нам вроде как надо. Это сродни тому, чтобы поступить в нужное время в МАрхИ. Не могу сказать, что по этому поводу есть какой-то страшный энтузиазм, но пусть будет. Вообще люди делятся на два лагеря. Одни считают, что все равно ничего не изменится, все это глупости и надо делом заниматься. А энтузиасты полагают, что если не заниматься, то ничего и не изменится. Мы участвовали в конкурсах, в акциях. Наше вступление в Союз стало результатом активной молодежной жизни. Посмотрим, во что это выльется. Последние выборы в Союз связаны с законом о саморегулировании. Теперь Союз не может иметь собственность, заниматься коммерческой деятельностью, сдавать площади. Может только участвовать в законотворческой деятельности. Те, кто избирался, как раз и говорили о лоббировании цеховых интересов в государстве. Чтобы тебя как архитектора никто не обидел – ни заказчик, ни инвестор.

Мы беремся за любой заказ – но не из-за денег, а потому, что нам пока многое интересно

Фото: Каро Аван-Дадаев

Жилой дом на Новосущевской улице, 2007. Проект выполнен в составе АБ «Сенаб проект» (руководитель – Дмитрий Прокофьев) совместно с Натальей Бирюковой
В соответствии с образом силовика-заказчика жилой дом рассматривался как крепость – элитная по форме, бюджетная по содержанию. Поэтому материалом был избран традиционный и надежный кирпич (изначально красный, он пожелтел в процессе согласований), а художественные решения сдержанны и понятны. Стена напоминает перфокарту, крыша стилобата – палубу, а гордо реющий над нею «флаг» указывает направление поворота при выезде на Третье кольцо. В том же фарватере движутся гигантские рубки-эркеры. Отбрасывая эффектные тени, они дезориентируют потенциального противника и вместе с «флагом» отводят его взгляд от истинной доминанты места – офисного центра Бориса Шабунина.

СНЕБАПАД.
Макет небоскреба, 2007
Концептуальный конкурс, организованный Антоном Кочуркиным и компанией «Триумфальная марка» в рамках выставки «Арх-Москва 2007», дал 16 ответов на вопрос, каким может быть небоскреб. Ответ Гикало и Купцова строится на реальном опыте (см. проект здания в Сити). Дефицит земли диктует парадоксальное нарастание объема вверх, которое может быть трактовано и как ниспадание – откуда и название. Противоречащий классической тектонике образ оправдан современными технологиями и вполне допускает название «Снебатек»: – текучести здесь больше, чем падучести, да и рифма с «хайтеком» тоже вполне актуальна. Падать дом вовсе не собирается: у него прочное ядро и продуманная вплоть до планов структура.

Горожанину все равно, кто строит – русский или иностранец. Ему важно, чтоб было удобно и красиво

Офисное здание в Демидовском переулке, 2006. Проект выполнен в составе АБ «Сенаб проект» (руководитель – Дмитрий Прокофьев)
Типовую ситуацию – участок с фрагментом рядовой застройки прошлого века – архитекторы решали с акцентированной нежностью. Домик не стали превращать в декорацию-аппликацию, а поставили за его спиной башню-жирафа, разведя старое и новое с предельной четкостью. Морда-пентхауз склоняется почтительным кивком в адрес ветерана, но высота, на которой она находится, манифестирует собственное достоинство. Прием, характерный для голландской школы (MVRDV, Neutelings Rejdayk), вызвал неожиданное одобрение у М. М. Посохина, но даже и с его заветной визой проект остался на бумаге.

Фото: Александр Медведев

Павильон журнала «Интерьер+Дизайн» на выставке «Арх-Москва», 2007
Во внутреннем дворике ЦДХ построен временный павильон, напоминающий сам ЦДХ, но из более современных, дешевых и ликвидных материалов. Эти подобия и различия проблематизировали взаимоотношения архитектуры и современных медиа. Архитектура уступает свое место, не забывая, однако, это эффектно подчеркнуть: за счет облицовки поликарбонатом объем растворяется, пропуская через себя потоки информации. Она течет через стены, просачивается под ними, окна, экран – все становится интерфейсом… Но потом, как всегда, что-то ломается – и остается только архитектура.

С. Г.: Тут двойственная ситуация. С одной стороны, все сетуют на то, что профессия в загоне, а с другой – когда наши архитекторы столько строили? Наши мэтры – наверное, одни из самых практикующих в мире. Найдите мастерскую, где не проектируют 100 тысяч метров.
А. К.: Поэтому вторая задача – соблюдать качество. У нас должна быть профессиональная аттестация. Союз хочет взять это на себя, как в других странах – Англии, Франции, Италии. По сути, это выдача лицензии на занятие профессиональной деятельностью.

По поводу проникновения западных архитекторов

А. К.: Мы не считаем, что это проблема. Откровенно говоря, продукт, который они выдают, он лучше. Они не то чтобы готовы к нашим условиям – к согласованиям, откатам, мохнатым лапам и СНиПам, но архитектурный продукт более качественный. Конечно, не все западные архитекторы здесь могут работать. Приживаются в основном самые крупные бюро или самые жуликоватые.
С. Г.: Ехал по Москве мимо стройки – вижу, красивая вещь строится. Прямо в бетоне, в конструкциях видно, что интересно получается. Не то чтобы бетон другого качества или он как-то особенно отлит. Просто совсем другую архитекторскую голову видно. Возможно, он даже потом, когда достроится, будет хуже смотреться, но все равно. Оказалось, Вильмот спроектировал. Так же и иностранный интерьер отличается от русского. От нашего, даже самого хорошего, все равно есть ощущение огурца с салом. Ну пусть даже курвуазье – но все равно с салом.

А. К.: В любой стране существует система согласований. Ты не можешь просто так приехать и построить здание. Везде есть ограничения, проект должен пройти местную экспертизу, но если он сделан по нормам страны и хорош, то почему нет?

С. Г.: У нас западные архитекторы приглашаются на всякие дико амбициозные проекты. Поэтому к ним автоматически привлекается отрицательное общественное мнение. Ах, этот Фостер построил здоровенную шишку, нам такое не нужно, мы сами сделаем лучше. Кто? У нас нет таких проектных технологий, нет таких мозгов. Ну, Чобан из Германии может построить. А больше, наверное, никто. Они-де не чувствуют нашей среды, не понимают русской души... Можно подумать, русские проекты лучше отражают нашу душу! Лучший, на наш взгляд, проект прошлого года – это плоткинское здание Арбитражного суда. Стоит как белый лебедь, с чем там оно взаимодействует? Проект прекрасный, но просто суперзападнический.

О конкурсах

А. К.: Мы сейчас, наученные опытом, делаем заказные конкурсы. Например, в Черногории. Это жилье на море, с диким рельефом, с которым мы никогда не работали. Уклон 45 градусов. Это тот уклон, когда вы, поднимаясь, руками касаетесь склона. На нем нужно поставить дома.

С. Г.: Надо получить определенное количество метров тогда, когда этого сделать практически невозможно. Если ты сможешь решить этот ребус, под этим соусом можно провести какую-то крутую творческую концепцию, на которую заказчик среагирует положительно, потому что ты купил его квадратными метрами. Мы пользуемся таким приемом. Идея всегда есть с самого начала, но она меняется внутри проектного процесса. Мы сейчас говорим только о коммерческом здании, а не о вилле для миллионера на 3 гектарах. Это отдельная сфера проектирования.

О городе

С. Г.: Вкус меняется и у отдельных людей, и в обществе в целом. Это надо понимать. Но сегодня изменился масштаб. Он чудовищно покрупнел. Можно выйти у любого метро – те 17-этажные дома, которые задавали масштаб, сейчас в два раза меньше того, что строится. Причем они все с проработанными деталями, с декором. Современный горожанин, на мой взгляд, человек глубоко больной. Он атакуем совершенно гигантоманской поступью современного проектирования и строительства. Это же все монстры. Сегодня у нас агрессивная среда. Гораздо агрессивнее той, что сейчас все пытаются разрушить и которая нам так надоела в советское время. Тебя все время окружают полукруглыми зданиями, приглашают и отталкивают бесконечными стилобатами. Все сложно, ступенчато, в чудовищном цвете. Архитектуру, которую построили в 90-е годы, надо сносить. И строить заново по конкурсу. Архитектурные ошибки надо исправлять. ftr

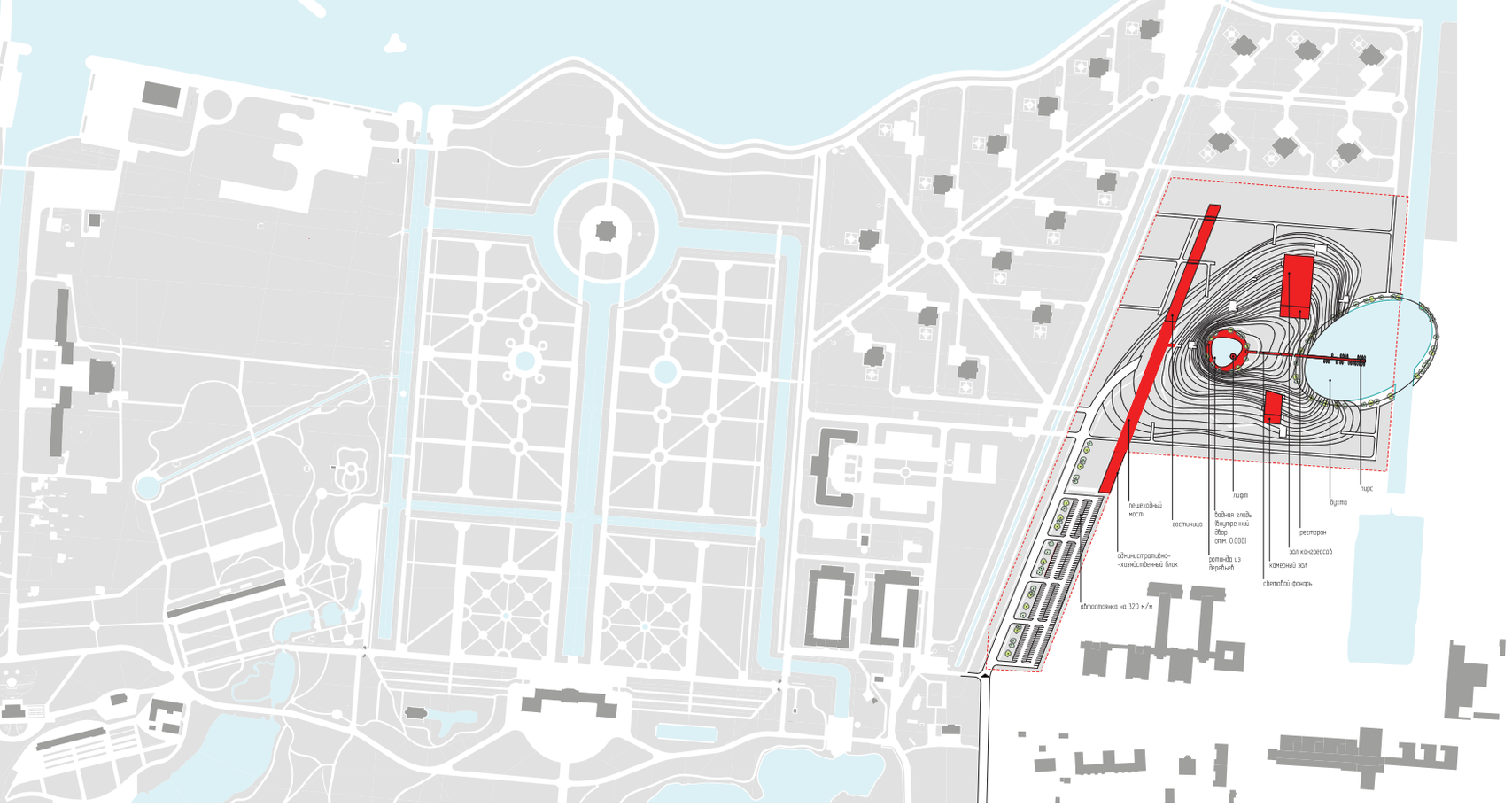
Загородный жилой дом HOUSE 1, 2004
3-е место на конкурсе «Май.Дом. Азбука загородного строительства»

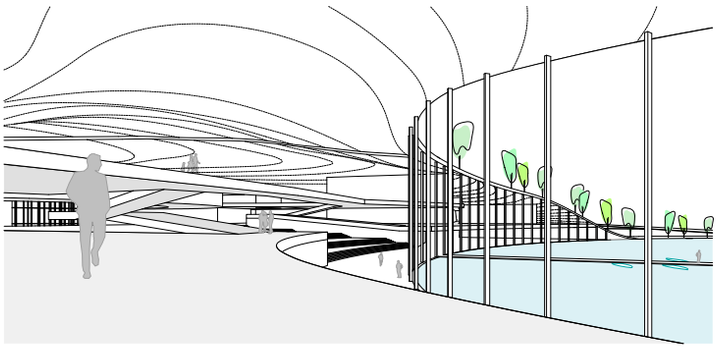
Проект делался для конкурса «ДомЗаГородом», но премию получил на выставке «Азбука загородного строительства» – что парадоксально: радикальность решений предполагает идеального, а не реального заказчика. Дом наследует модернистской традиции (плоская кровля, жесткая геометрия), а вот традиции русской дачи следует лишь в отделке. Впрочем, структура дома роднит его с книжной этажеркой (хорошо читать на даче): фрагменты объема, заполненные понятной функцией (спать, есть, работать), чередуются с пустотами, оставляющими простор для воображения. Пустоты открываются в сад террасами и лоджиями, к улице же «библиотека» обращена эффектными «корешками» из патинированной меди. Вставая стеной на границе публичного и приватного, дом не делает культа из последнего, но сообщает первому (за счет своей «мебельности») вполне интимное настроение.

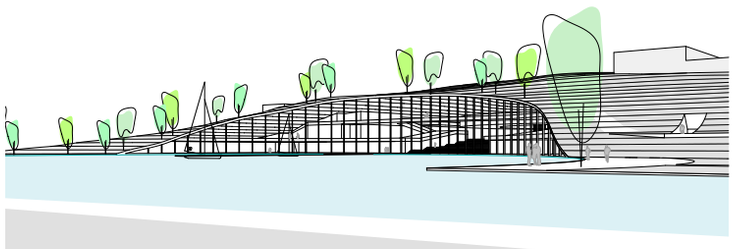
Узнав о победе в Стрельне, мы, конечно, не верили, что все пойдет гладко. Но и такого подвоха тоже не ждали!

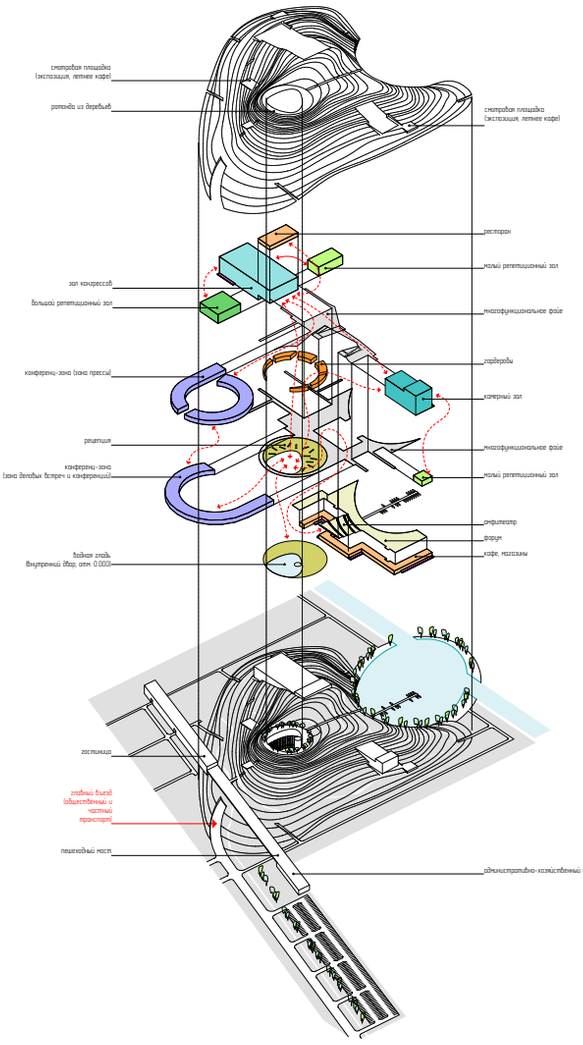
«СердцеСтрельни».
Конкурсный проект Конгресс-центра в Стрельне, 2007.
Совместно с Михаилом Тюленевым и Ольгой Шапуровой

Обстоятельства времени и места, сложившиеся вокруг конкурса, были крайне противоречивы. С одной стороны – парк, который хотелось не испортить, с другой – безнадежно испортившие его стада представительских коттеджей. С одной стороны – желание делать современную архитектуру, с другой – только что прошедший конкурс на здание Газпрома, ее скомпрометировавший. Образ, который нашли в этой ситуации Гикало и Купцов, был идеальным, хотя надо признать, что близкие идеи посетили многих конкурсантов. Здание представляет собой искусственный холм (полуземлянка-полуакрополь), который глядит на искусственное же озеро стеклянными стенами, а в небо – прозрачным куполом атриума. Решенное в виде сердца, оно «стреляет» в окрестности видовыми площадками, откуда рядовые граждане смогут наконец-то посозерцать угодья власти. Прозорливая власть провела параллельно открытому конкурсу закрытый, позвав на него звезд (Нувеля, Фуксаса), и выбрала из всех проектов самый худший.


пешеходный мост
гостиница
водная гладь
внутренний
двор
отм. 0.000
лифт
пирс
бухта
ресторан
зал конгрессов
камерный зал
ротонда из деревьев
световой фонарь
административно-
-хозяйственный блок
автостоянка на 320 м/м






смотровая площадка
(экспозиция, летнее кафе)
ротонда из деревьев
ресторан
малый репетиционный зал
зал конгрессов
большой репетиционный зал
многофункциональное фойе
конференц-зона (зона пресс)
гардеробы
камерный зал
решетка
многофункциональное фойе
конференц-зона
(зона деловых встреч и конференций)
малый репетиционный зал
амфитеатр
форум
кафе, магазины
водная гладь
внутренний двор, отм. 0.000
гостиница
главный въезд
(общественный и
частный
транспорт)
пешеходный мост
административно-хозяйственный блок

ДЮРАМИКА – новый класс облицовочных материалов

Природный камень издревле использовался людьми в строительстве и декоративной отделке зданий и интерьеров. Его отличает неповторимая красота, любоваться которой можно бесконечно.
Запасы камня велики, но добывать его нелегко и дорого. Мрамор, оникс, травертин – роскошь, которая доступна далеко не всем. Значительный вес камня ограничивает возможности его применения. Но, несмотря ни на что, интерес к камню среди архитекторов и строителей всегда оставался высоким.

Современные технологии позволили создать новый класс уникального отделочного материала – дюрамика.

Дюрамика StoneCeramic – состоит из двух слоев: основы – керамогранита толщиной 10 мм и лицевой части – слоя натурального камня толщиной 3-7 мм. Поскольку дюрамика с использованием даже самых дорогих пород камня гораздо дешевле цельного камня, расширяются возможности ее использования. К неоспоримым преимуществам дюрамики следует отнести то, что она легче монолита в среднем в полтора раза, это позволяет использовать ее в отделке фасадов и интерьеров зданий там, где вес отделочных материалов имеет особое значение. Благодаря гидроизоляционным свойствам дюрамика может применяться в помещениях с повышенной влажностью (бассейнов, саун, ванных комнат). Декоративный потенциал дюрамики практически безграничен. Благодаря наличию подосновы возможно создание каменных декоративных мозаик и паркета.
Также основой для слоя камня может стать стекло (дюрамика Stone Glass), что сделает дюрамику светопроницаемой и позволит создать объекты с внутренней подсветкой.

Фонд Картье. Париж. 1991

Текст: Ксения Аксельрод

Жан Нувель: куда приводят мечты

Жан Нувель родился 12 августа 1945 года в маленьком городке Фумель на юго-западе Франции. Окончив Ecole des Beaux-Arts в Париже, в 25 лет начал самостоятельную практику. В 1981 году выиграл конкурс на проект здания Института арабского мира. Эта постройка – его первый крупный проект – принесла ему международное признание.

В 1985 году Нувель открывает бюро Jean Nouvel et Associüs, в 1994-м – Atelier Jean Nouvel, которым руководит по сей день. Только парижский офис ателье насчитывает 140 сотрудников, а его филиалы расположены в Лондоне, Копенгагене, Нью-Йорке, Риме, Мадриде и Барселоне. На счету бюро более 40 построек в 13 странах.

Наиболее известные работы – парижские Фонд Картье и Музей цивилизаций на набережной Бранли, Оперный театр в Лионе, Галерея Лафайетт в Берлине, развлекательно-деловой центр в швейцарском Люцерне, Дворец юстиции в Нанте, комплекс Torre Agbar в Барселоне, реконструкция газгольдеров в Вене, театр Гатри в Миннеаполисе (США).

В 1991 году Нувель стал вице-президентом Французского института архитектуры (IFA), с 1993-го – почетный член Американского института архитекторов (AIA). Обладатель многочисленных наград, в этом году он получил и самую престижную в архитектурном мире премию – Притцкеровскую.

Жан Нувель – убежденный идеалист. Точное воплощение замысла для него первостепенно. Если он хочет, чтобы вода стала частью Конгресс-холла в Люцерне – озеро «выходит» на берег двумя рукавами-каналами. Если он придумал, что все континенты, представленные в Музее цивилизаций на набережной Бранли, должны быть видны невооруженным глазом – на фасадах отразятся водопады и джунгли, пирамиды и подвесные мосты, охра и индиго. Если он решил, что здание Газпрома в Петербурге – это горизонтальная композиция, пронизанная шпилями, желание устроителей получить башню отходит на второй план.

Жан Нувель – убежденный материалист. Эксперименты с материей и материалами, взаимоотношения архитектуры с воздухом, светом, звуком – любимая тема. Этим объясняется «мимикрия» Галереи Лафайетт, отражающей в идеально зеркальной оболочке берлинскую Фридрихштрассе. Или «растворение» стеклянных поверхностей Фонда Картье в городском пространстве. Или «светочувствительность» Института арабского мира, стены которого реагируют на движение солнца всеми 240 панелями-диафрагмами.

Но при этом назвать его архитектуру хай-теком язык не поворачивается. Особенно в сравнении с хай-теком сэра Фостера. Оригинальные технические затеи часто не срабатывают: диафрагмы ломаются, а Лионская опера течет. Социальный мессианизм трещит по швам: дешевые дома в Ниме обитатели разносят в щепки. Последние проекты для Дубая явно повторяют предыдущие находки... И тем не менее Нувель получает в этом году архитектурную «нобелевку»! Парадоксы французского гения обсуждают его российские коллеги:

Сергей Скуратов, «Сергей Скуратов Architects»

Алексей Гинзбург, «Гинзбург Аркитектс»

Тимур Башкаев, АБТБ

Олег Попов, «Попов и Архитекторы»

Никита Токарев, «ПАНАКОМ»

Наталья Сидорова, ДНК

Театр Гатри. Миннеаполис. 2006

ХАЙ-ТЕК НУВЕЛЯ И ХАЙ-ТЕК ФОСТЕРА

Сергей Скуратов:
Нувель – однозначно не хай-тек. Инженерное решение у него не ставится во главу угла. Объекты Нувеля – это огромные артефакты, гигантские игрушки. И обращается он с ними как большой ребенок.
Если их сравнивать, то один – художник, а другой – бизнесмен. За Фостером – огромный завод, за Нувелем – максимум свечная фабрика. Нувель, Колхас, Херцог и Де Мерон – интеллектуалы, архитекторы от-кутюр, аФостер – хорошее, очень дорогое прет-а-порте. Они – концепт-кары, а Фостер – это близкие аудитории машины представительского класса, образы, которые может понять каждая домохозяйка.

Алексей Гинзбург:
Хай-тек – это прием. Его не надо смешивать или ассоциировать со стилем. Архитектура Нувеля – это архитектура света. Мне очень нравился его проект башни для Дефанса – не реализованный, к сожалению. Антрацитовая внизу, она уходила вверх, в прозрачность, и растворялась в небе. Это было здорово и очень характерно для Нувеля.

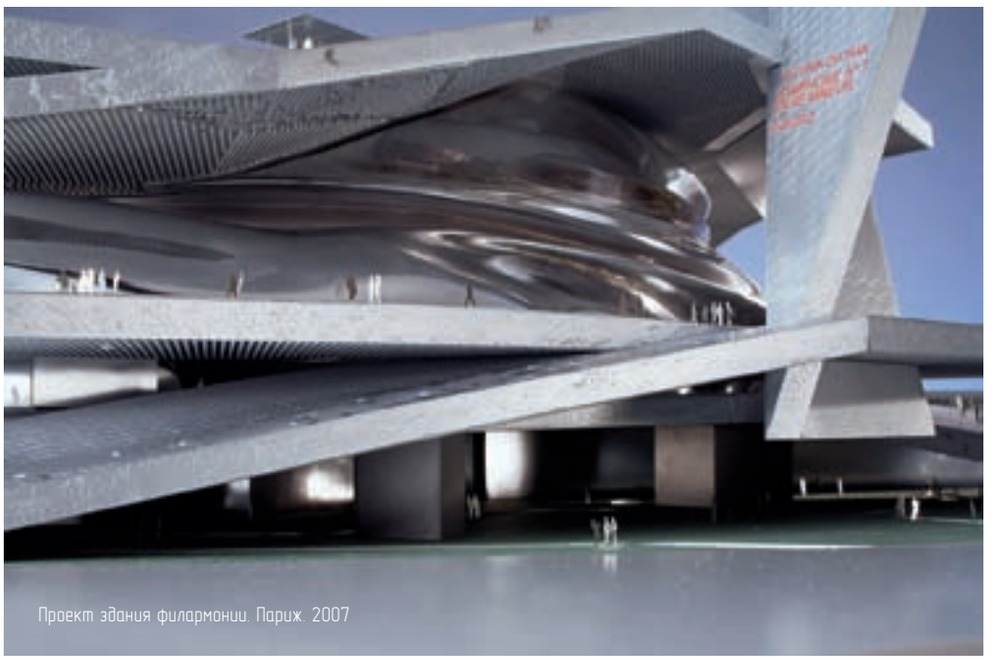
Наталья Сидорова:
Почти вся современная архитектура – это высокие технологии. Но я не уверена, что Нувель – это хай-тек. Если абстрагироваться от масштаба, то его проекты ассоциируются у меня, скорее, с ювелирными изделиями.

Олег Попов:
Архитектура Нувеля – один из наиболее ярких художественных образов современных технологий. Но если британский рафинированный хай-тек Гримшоу, Роджерса и отчасти Фостера рассказывает языком архитектуры о технических достижениях, то Нувель берет похожие костюмчики, но проектирует совсем с другими целями. Он эмоциональный художник, который не думает о рациональности или экономике. Он не станет рассказывать, как проект будет освещаться или дышать. Его увлечение хай-теком – это увлечение формой. А стекло и металл – не высокотехнологичные решения, а просто любовь к этим материалам. Фонд Картье – все эти краны, выносы стекла, слоистость – это только затем, чтобы здание растворялось в небе. Он работает с материалами очень артистично и превращает их в художественно осмысленную форму.

Никита Токарев:
Если сравнивать Нувеля и «Фостера» (пишу в кавычках, потому что Фостер – это скорее корпорация, чем человек), то ярким примером разницы может служить башня Aqbar в Барселоне и фостеровский «огурец» Swiss Re в Лондоне. Вроде бы на одну и ту же тему обтекаемого небоскреба, но в Лондоне все понятно с первого взгляда и подходить ближе не хочется: готовая открытка, а барселонский фаллос радует переливами цвета, в разную погоду и время суток выглядит очень по-разному, и хочется разобраться, как что устроено.

Тимур Башкаев:
Нувель – это безусловно хай-тек, только такой чувственный… В его люцернском Конгресс-центре есть гигантское зеркало, и в нем отражается озеро. А еще там – за счет гигантского выноса кровли – обыгрывается тема буферного пространства между городом и зданием, которое вроде и к зданию относится, а вроде и часть города, – и получается некое напряжение. Здание не обосабливается от города, оно одновременно и с городом, и с природой, – очень интересно. И ты понимаешь, что этот прием – с бешеным выносом кровли – он не ради того, чтобы продемонстрировать технические возможности. Это не жест ради консоли, а консоль ради жеста – а жест этот очень человеческий, гуманистский. То же самое в Музее Бранли, я специально приехал на его открытие. Этот объект входит в город не по принципу «побольше захватить» (что характерно для Москвы), наоборот: он освобождает территорию для сада, для прогулок, для жизни! А стоило это колоссальных усилий, там огромный перерасход конструкций, идут фактически две фермы: первая несет пол, вторая – перекрытия. Но зато получается диалог: здание возвращает городу пространство, но по-новому организованное.

Музей на набережной Бранли. Париж. 2006


Проект здания филармонии. Париж. 2007

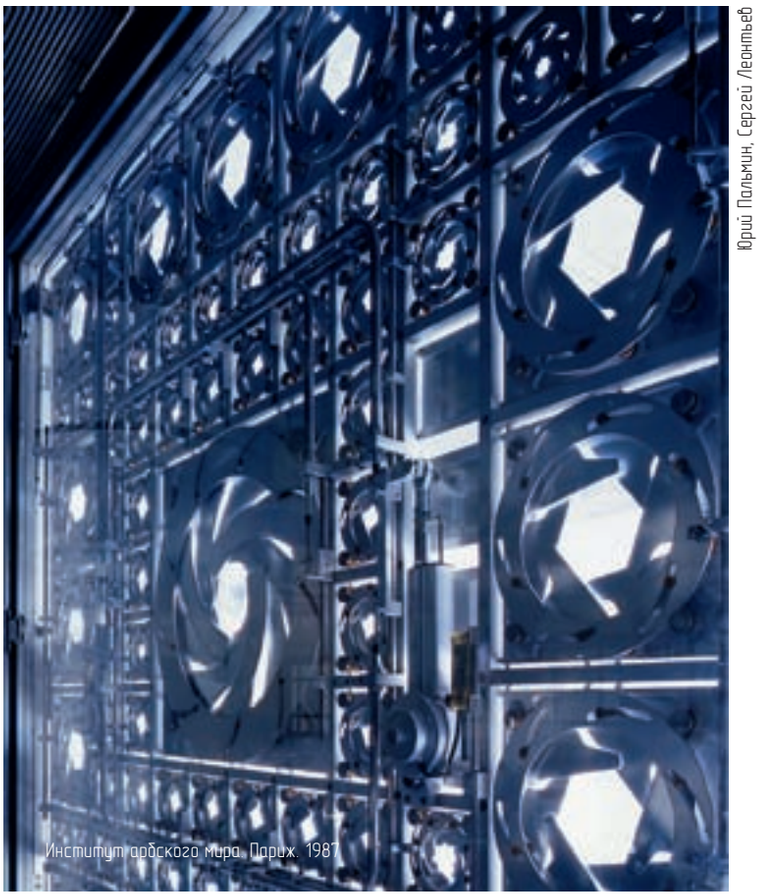
Владислав Ефимов

Башня Aqbar. Барселона. 2005

Павильон выставки Expo-2002. Морат (Швейцария)

Отель Puerta America. Мадрид. 2005

Марк Зисельсон



Институт арабского мира. Париж. 1987

Юрий Пальмин, Сергей Леонтьев

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИЛИ ТЕХНИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО?

Олег Попов:
Нувель рассматривает технологию как способ воплотить свою идею. И ему не важно – будет работать или нет. Он хотел сделать здание, реагирующее на свет, – и сделал. И идея такого здания для него важнее, чем то, как это будет работать.

Наталья Сидорова:
Видимо, есть легенда о сломанных светоотражающих панелях в Институте арабского мира. А для меня это как раз было самым сильным впечатлением от Парижа. Мы пришли к зданию, солнце коснулось фасада – и он затрепетал у нас на глазах. По всему фасаду прокатилась волна из закрывающихся ламелей. Очень здорово!

Олег Попов:
Пару лет назад провели масштабную реконструкцию здания. А до этого панели не работали пятнадцать лет.

Тимур Башкаев:
Вы думаете, что если не ломается – значит, высокие технологии? Наоборот, если ломается – значит, идут какие-то еще не отработанные решения, новаторские, не опробованные. И не секрет, что все это безумно дорого. Не всегда бюджеты сопоставимы с теми идеями, которые архитекторы предлагают.

Алексей Гинзбург:
Есть ситуации, когда первостепенен пафос технической мысли. Когда необходимо решать сверхзадачи. А есть внутренние задачи по конкретному объекту. И здесь не всегда совершенство технического решения должно быть главным. Поэтому не так уж и важно, что не все задуманное Нувелем работает. Не в этом суть, собственно.

Сергей Скуратов:
Если человек не делает ошибок – это странно. Мне нравится, что у него есть проколы. У художника они должны быть!

Владислав Ефимов

Интерьер башни Agbar. Барселона. 2005

ПОЛЕТ ФАНТАЗИИ ИЛИ НАБОР ФИРМЕННЫХ ПРИЕМОВ?

Оперный театр. Лион. 1993

Тимур Башкаев:
Свести Нувеля к двум-трем приемам нельзя, он очень креативный, его проекты очень разные. Да, есть отдельные, где-то мелькающие темы. Большой вынос кровли, как в мадридском музее. Но там совсем не такая аранжировка, как, скажем, в Люцерне, она расположена довольно высоко и работает иначе. Еще есть комбинация объемов, подчиненных зданию, – горизонтальных, как в Каннах, или артикулированных цветом, как в том же Мадриде. Еще одна тема – оболочка, ее фактура, узоры, структура. Но в Институте арабского мира оболочка не менее важна, чем то, как выполнена форма.

Никита Токарев:
В сплоченном коллективе архитектурных мегазвезд Жан Нувель выделяется нерастраченным артистизмом, нельзя исключить, что свои проекты он придумывает сам. Он, конечно, не великий интеллектуал, но чуткий художник, его «Луизианский манифест» – тому свидетельство. От Нувеля можно ждать неожиданностей, он способен к каждому проекту подойти как к новой задаче и сделать непохоже на себя вчерашнего. Поэтому бренд «Нувель» как набор узнаваемых приемов и подходов, слава богу, не сложился, к нему не липнут расхожие клише типа хай-тека, хотя любимые темы, конечно, присутствуют во многих проектах.

Сергей Скуратов:
Он модный, острый человек. Он провокатор. Вот его Опера в Лионе, например, смотрится просто вызывающе. Среди скатных старых крыш вдруг такая «мыльница» возникает! У него вообще все жесты – это вызов. Он – настоящая звезда. Но при этом у Нувеля есть мировоззрение. Он работает с восприятием здания, с отражением, с зеркальной поверхностью, со взаимоотношением человека и пространства. Он не боится быть экспериментатором. А результат может быть и странным, как Музей Бранли например. Но Нувель считает, что имеет право на все, что придумает. Что люди к тому, что он сделает, привыкнут – и они привыкают! А сегодня Нувель становится таким «брюзжащим занудой». Он полюбил цвет, включился в модную монументальность, дигитальность, моногамность формы, он заинтересовался предельным лаконизмом. Но, как большой художник, он лишь коснулся этого. Мейнстрим обжигает не всех.

Башня-менгир. Виго (Испания). 2007

Башня в Дохе (Катар). 2006

Алексей Гинзбург:
Нувель – один из лучших современных архитекторов. Есть те, кто делает архитектурные вещи как художник. Есть те, кто делает коммерческие, лапидарные, но тоже профессиональные вещи. А Нувель – интеллектуальный архитектор.
В его проектах работает замысел. Там всегда существует некий дополнительный слой восприятия. Я бы дал его архитектуре определение sophisticated. Достаточно посмотреть на его сайт, который сделан по принципу интеллектуальной игры, чтобы оценить подход. В каждом проекте Нувеля есть определенная структура замысла. Это не выражается как-то формально, как у Либескинда, например, с его «кусками мировой коры». У Нувеля, мне кажется, более глубокая внутренняя история.

Проект башни для «Газпром-сити». Санкт-Петербург. 2006

Проект Лувра в Абу-Даби. 2007

СЛИШКОМ ХОРОШ ДЛЯ РОССИИ?

Наталья Сидорова:
Я думаю, что Нувель менее политизированный, престижный и понятный, чем, например, сэр Норман Фостер. А сотрудничество с Россией, особенно на уровне государственных объектов, – это прежде всего политика. А почерк чувствуется. Нельзя сказать, что в этих проектах он что-то открыл, но, например, его проект здания Газпрома из всех конкурсных работ мне наиболее симпатичен.

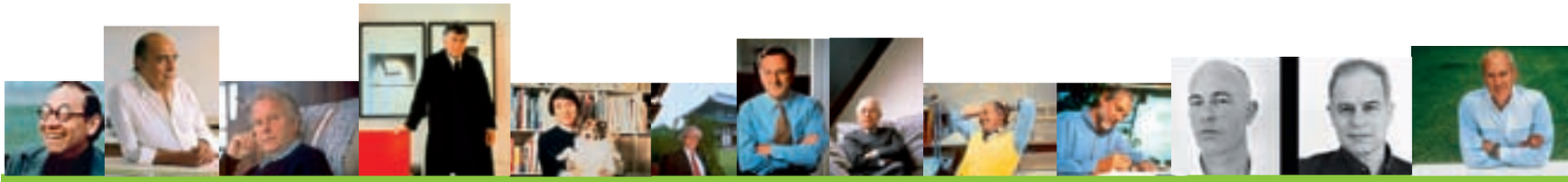
Никита Токарев:
Я видел два его проекта для России: Дворец конгрессов в Стрельне, на две головы выше победившего Бофилла, и совершенно неожиданное предложение для Гута-банка на «Золотом острове» – органическую криволинейную форму из красного кирпича. Оба проекта слишком остры и необычны, чтобы победить. Но я думаю, что неуспех Нувеля здесь – временный. Мы пока осваиваем ту архитектуру, которую пропустили в 1970–1990-х годах, то есть нечто уже опробованное и принесшее успех. В скандальном конкурсе на небоскреб Газпрома в Петербурге Нувель хотя и не отказался от участия, но был единственным, кто не стал строить башню, а предложил горизонтальный объем.

Алексей Гинзбург:
Как бы нам ни было это неприятно, европейцы не считают нас Европой. Например, то что Фостер делает в России и в Дубае, имеет много общего. Но заметно отличается от того, что он творит, скажем, в Швейцарии. Это нормально и, возможно, более удачно для нас. Потому что вне европейского региона архитекторы идут на эксперимент, провокацию. Это более острые работы, чем они делают для Европы. Но Фостера я упоминаю скорее как нарицательное имя. Это образ коммерчески успешного европейского архитектора. Фостер – «супермеханизм», а Нувель – «гений тайного знания».

Сергей Скуратов:
Нувель привез в Россию произведения высокого концептуального уровня, и его просто не поняли. Тем не менее я считаю, что это лучшие проекты, сделанные для России. Он изобрел для нас совершенно новые вещи. Просто, как любому хорошему архитектору, Нувелю нужен адекватный заказчик. А здесь произошла нестыковка интеллектуальных уровней, образов, функций.

Алексей Гинзбург:
Его проекты интеллектуальны, а не пафосны. Поэтому они плохо идут здесь или в Дубае. При том что постройки его – для людей и он делает массовые вещи (мебель, светильники), к массовой культуре его архитектура имеет меньше отношения, чем у многих. Его проекты требуют четкого исполнения, а не огрубления. Его идеи не для всех.

Олег Попов:
Мне кажется, Нувель в меньшей степени, нежели другие звезды, подвержен идеям глобальной мировой архитектуры. Он – французский архитектор. И то, что у него не очень сложилось с Германией или с Россией, понятно. Его выездные проекты – скорее исключение, подтверждающее правило. Он успешнее строит в родственной среде. Конечно, как звезда, он участвует в конкурсах. Но он не перелетный архитектор. ftr



Текст: Анастасия Коробкова

Архитектурная «Нобелевка»

Что такое премия Притцкера

Всю свою жизнь Джей Притцкер увлекался приобретением домов. Невинная забава миллионера, главы гостиничной империи Hayatt, вылилась в учреждение международной премии по архитектуре, ставшей со временем самой главной. Слова, определяющие суть премии, вроде бы самые общие. Она вручается за существенный вклад в улучшение жизненной среды посредством архитектуры, за инновационные решения, оригинальность сооружений, гармонию строений с окружающей средой и природой. Как же так получилось, что, говоря об этой премии, непременно поясняют, что это – аналог Нобелевской премии?

Невзирая на обилие архитектурных премий, зодчие всегда были обижены на то, что Нобелевский комитет архитектуру игнорирует. Его роль взял на себя благотворительный фонд The Hyatt Foundation, который и учредил в 1979 году Притцкеровскую премию. Цель премии, по словам президента фонда, состоит в том, чтобы показать значимость современной архитектуры в меняющемся мире – важно здесь именно слово «современной». Ведь вручается премия за совокупность заслуг перед мировым сообществом, а не за какое-либо отдельное здание. Получается, что Притцкеровский комитет берет на себя ответственность определить в быстротекущей современности того, кто обязательно войдет в историю. Поэтому здесь так важна точность выбора. И именно эта точность обеспечила Притцкеру бешеный престиж. Первый лауреат премии, американец Филипп Джонсон, получая награду, призвал: «Фантазируйте, друзья, ваше время пришло!» Его призыв был услышан. За 28 лет премии были удостоены люди из 15 стран мира с исключительно неординарным сознанием, но профессионально управляющие полетом фантазии. Каждый из них олицетворял самое актуальное на тот момент стилевое направление. В 80-е премию получали исключительно постмодернисты (Альдо Росси и Роберт Вентури, Джеймс Стирлинг и Ханс Холляйн), в 90-е – неомодернисты: Тадао Андо и Фрэнк Герри, Ренцо Пиано и Алвару Сиза. В 1999 году премию получил отец хай-тека Норман Фостер, в 2004-м – лидер биоморфизма Заха Хадид, в 2005-м – главный деконструктивист Америки Том Мейн. Но именно в начале века вокруг 20 главных имен сложился столь явный ажиотаж, что Притцкеровский комитет как-то расхотел быть заложником этой глобалистской пиар-кампании (основы которой сам же и сформировал). И в стройную череду предсказуемых лауреатов стали врываться недооцененные или непризнанные. В 2002 году премию получил мало кому известный Гленн Меркатт, который признается, что не видит свои здания вне Австралии и работает на допотопном компьютере. В 2003 году приза неожиданно удостаивается Йорн Утцон, автор хрестоматийного здания Сиднейской оперы, которое начало строиться аж в 1950-е годы! Когда же в 2006-м «Притцкера» получил скромный бразилец Пауло Мендес да Роша, сообщество окончательно возроптало и все вернулось на круги своя. 2007-й – Ричард Роджерс, 2008-й – Жан Нувель.

На бронзовой медали, сделанной по эскизу американского архитектора Луиса Салливана, выбита известная триада Витрувия: Firmitas, Utilitas, Venustas (польза, прочность, красота). Церемония вручения премии происходит каждый год в разных местах и сопровождается выставкой, рассказывающей о работах лауреата. Материальная сторона премии – 100 тысяч долларов, статуэтка великого скульптора Генри Мура дополняет «джентльменский набор» лучшего архитектора Вселенной. Медаль – как у «Нобелевки», статуэтка – как «Оскар», но, в отличие от первой, от «Притцкера» ни разу никто не отказывался. «Мы даем премию тем, кто еще жив», – был по-американски прямолинеен Томас Притцкер во время вручения награды Захе Хадид, которое впервые прошло в России – в Петербурге. Черный юмор магната вполне понятен нам: Мельников и Леонидов заняли бы достойное место в этом списке. ftr

Бритва Оккама в умелых руках

Текст: Николай Малинин
Фото: Юрий Пальмин

Собственный дом архитектора – что это такое и как эту тему закрыл Владимир Плоткин

Я писал об этом доме для журнала AD и злился, что меня попросили умолчать о том факте, что это здание – личный дом архитектора. Не только потому, что без образа хозяина дом теряет половину смысла, но еще и потому, что тема эта важна в истории архитектуры. Недаром немецкое издательство Taschen уже дважды переиздало книгу «100 домов 100 архитекторов», которой мы воспользуемся, чтобы показать историю жанра и то, какое место занимает в ней дом Плоткина.

Михаил Филиппов, дом в Кратове. 2007

Константин Мельников, дом в Москве. 1928

Дмитрий Гейченко, дом в Подмосковье. 2006

Федор Шехтель, дом на Большой Садовой. 1909

Эрих Мендельсон, дом под Берлином. 1930

Франсин Хубен, дом под Роттердамом. 1991

Строя собственный дом, архитектор имеет уникальную возможность продемонстрировать свои вкусы и принципы. В этой ситуации он избавлен от главного врага – заказчика. На которого так удобно ссылаться, рассказывая о неудачах, недоработках и прочей невоплощенке. С другой стороны, «заказав дом самому себе, неизбежно попадаешь в ловушку, – жаловался архитектор Никита Бирюков, – смущает отсутствие ограничений». В ловушку, видимо, попадаются многие – Григорий Ревзин тонко отметил, что «мы знаем дом Фрэнка Гери, но не знаем дома Захи Хадид, знаем дом Фуллера, а дом его гораздо более состоятельного ученика Нормана Фостера нам неизвестен».

Те же дома, которые мы знаем, авторы сознательно превращали в манифест. Константин Мельников создал главный шедевр авангарда – революционный не только по форме, но и по тому, как он решительно отстаивал право на частную жизнь в эпоху коллективизации. Австриец Гюнтер Доменик продемонстрировал, что такое деконструктивизм – задолго до первых построек Гери, Мосса и Coop Himmelb(l)au. Михаил Филиппов уточнил авторское понимание классицизма – как, прежде всего, города: поэтому главную роль в его подмосковном доме играет большой круглый двор, окруженный колоннадой.

Федор Шехтель успел построить себе три дома – и каждый из них олицетворял самое модное на тот момент стилевое направление: историзм, модерн, неоклассику. А вот дома Алвара Аалто выглядят как некие антиманифесты. В них комбинируется все со всем: кирпич – с деревом, прямые углы – с плавными линиями, большие светлые пространства – с камерным полумраком.

Часто начинающий архитектор строит свой дом как промоакцию – рассказывая потенциальным клиентам, кто он и что может: именно после необычного дома в Санта-Монике к Гери повалили заказчики. А вот как в наших условиях 30-летнему Дмитрию Гейченко удалось изваять себе брутальный бетонный зигзаг – загадка! Но тоже сработало.

Строя собственный дом, архитектор избавлен от своего главного врага – заказчика. Врагом себе становится он сам. Иногда – жена...

Филипп Джонсон, «Стеклянный дом» в Нью-Кейнане. 1949

Вернер Собек, дом в Штутгарте. 2000

Но если Гейченко и специализируется на коттеджах, то Плоткин – мастер больших домов в городе. Каждый из них – рационально организованная структура с четким ритмом, перебои в котором придают ей особый шарм. Плоткину не было нужды привлекать заказчиков, ему было важно доказать, что придуманная им «матрица» может работать в любом масштабе. И он это сделал: отлично спропорционированная сетка фасада разбивается элементами хаоса – из нее выезжают то консоль спальни, то объем бассейна, то мост. Ось мостика прошивает дом и вылетает на другом фасаде единственным окошечком – геометрией проверяя гармонию.
Бескомпромиссный модернизм дома на Николиной горе (геометричность, плоская кровля, панорамное остекление, белый цвет) продолжает линию отцов стиля. Прост как правда дом Вальтера Гроппиуса, основателя Баухауза. Такая же белая коробка, но уже с панорамным окном – жилище Эриха Мендельсона. Разве что план почище да коридоров поменьше. Современные технологии дали возможность делать окна еще больше – и уже голландская модернистка Франсин Хубен проектирует себе прозрачный кубик, жесткие линии которого сглаживаются отражением в озере. Правда, житье на виду не стало залогом семейного счастья: муж, шумно известный ныне Эрик ван Эгерат, вскорости сбежал.
Впрочем, по части прозрачности никто не перещеголял Филиппа Джонсона – построившего себе дом-павильон, где все стены стеклянные. Только санузел прячется в кирпичный цилиндр, а так – абсолютный аквариум, из которого видно все, но и тебя тоже все видят. Жест в чистом виде, статичный и простодушный, – и очень характерный для метеозависимого Джонсона. Не дожив пару лет до ста, он умер, дом открыли для туристов, и они раскупили билеты на год вперед.
Гениальный немецкий конструктор Вернер Собек развивает тему, умножая джонсоновский дом на три и сшивая этажи хай-тековскими железяками. Техника развивается: декларируя прозрачность, можно порой нажать кнопочку и затянуть все стекла в жалюзи.
Дом Плоткина тоже радикально открыт – но лишь во двор. Сплошная стеклянная стена, взятая в благородную черную раму, открывает обитателям сад. Однако со стороны улицы дом – полный интроверт. Сюда он смотрит длиннющим глухим фасадом с единственным окошечком. И, как метко заметил фотограф, будто бы бритвой отсекает пространство частное от публичного.
Тут сразу вспоминается «бритва Оккама» – методологический принцип, сформулированный в XIII веке монахом-францисканцем Уильямом Оккамом: «Не стоит множить сущности без основания». Дом Плоткина построен словно бы из этих слов: он прост, рационален и радикален. Каждая

Дом в ландшафте

Алвар Аалто, дом в Мункниеми. 1936

Владислав Городецкий, «Дом с химерами» в Киеве. 1902

Сергей Киселев, дом в Подмосковье. 2002

Наталия и Александр Сохацкие, дом в поселке Трудовая. 2003

Минимализм

Джон Соун, дом в Лондоне, 1837

Ричард Роджерс, дом в Лондоне. 1987

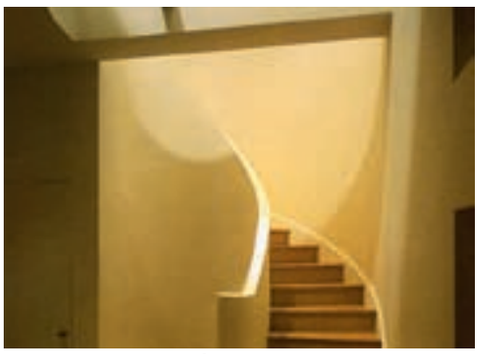
Джон Поусон, дом в Лондоне. 1996

Крещатиком и засиженным каменным зверьем. При всей своей внешней комичности «Дом с химерами» чрезвычайно интересен с точки зрения конструктива: это одновременно и здание, и опорная стена – для решения этой задачи автор использовал новый для своего времени литой бетон. Любопытна и двуликость здания: снизу оно выглядит как суровая романская башня-донжон, а со стороны Банковой улицы – как роскошный купеческий дом с лепниной и колоннами. Наконец, интересно, что дом функционировал как доходный, а в свой бельэтаж Городецкий сделал отдельный вход. Легенда гласит, что однажды он незаметно покинул дружескую пирушку и исчез на год, отправившись в Африку на охоту…
Но у нас продолжаются стилевые строгости – естественно, и в интерьере. Внутри дом Плоткина абсолютно белый. Настолько стерильный, что зоил бы сказал: операционная. Или – музей со-

из этих составляющих доведена до предела, но при этом – компенсирована другой. Можно было бы сказать, что дом чудовищно прост, если бы он не был так радикален. Или – что он слишком радикален, если бы не был при этом столь рационален. И наконец, что он угрюмо рационален – кабы не был так сокрушающе прост.
Рациональность олицетворяет постановка дома. Он заполняет всю ширину участка, от забора до забора. И это абсолютно логично: объем прижат к улице, зато сад максимально свободен. Нельзя не взгрустнуть об ограниченности территории – хотя, например, архитекторы Сохацкие были в еще более трагической ситуации: рядом с участком грохотала железная дорога, и это был юг. Чтобы ловить солнце, пришлось настругать в глухой стене маленьких окошечек. Сергей же Киселев имел возможность сориентировать свой дом на речку и церковь за нею, открывшись туда большими окнами и балконами.
Но это все, конечно, ерунда по сравнению с домом Владислава Городецкого, зависшим как утес над

Ле Корбюзье, дом в Париже. 1933

Белый цвет



Ричард Майер, дом в Нью-Йорке. 1972

Дэвид Чипперфилд, дом в Лондоне. 1985

Современный во всем, материал для своего дома Плоткин выбрал один из самых прогрессивных – макс-панели

Фрэнк Гери, дом в Санта-Монике. 1978

Федор Рожнев, дом в Снегирях. 2000

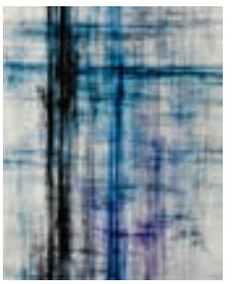
Борис Левянт, дом в Подмосковье. 2002

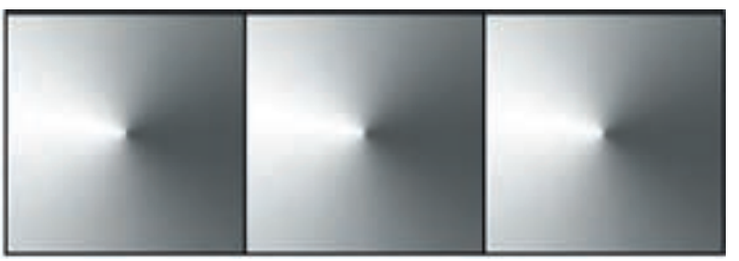
временного искусства. На такую белизну отваживались разве что Ричард Майер (но он вообще только белое строит) да Дэвид Чипперфилд – у которого в квартире еще и мастерская. А вот кумир Плоткина Корбюзье – при всей своей беломании – в собственном доме дал разгуляться красному с синим. Поэкспериментировав на доме, идею совмещения локальных цветов с белым он перенес и в свои лучшие постройки: капеллу Роншан, «Марсельскую единицу», Ля Турретт…

Ассоциации с музеем возникают не только потому, что все стены белые, но и потому, что пространство чисто. Здесь нет ничего из того, что составляет лирическое обаяние загородного дома. Ни уютной террасы, ни огорода с клубникой, ни печки, ни бабушкиных сервантов… Никакого уюта в привычном его понимании. Такой же чистый дом построил себе главный европейский минималист Джон Поусон, только он еще суровее подчеркнул горизонтальную вытянутость всех объемов – один кухонный стол длиною метров 10 чего стоит. А квартира Ричарда Роджерса, такая же белая и залитая светом, кажется музеем уже с полным основанием: на стенах – Уорхол, мебель – Мис ван дер Роэ и Корбюзье. Человек Центр Помпиду построил, что вы хотите, и отцом хай-тека считается – отсюда фирменные железяки: лесенки, стол и крашенные в синий балки. Впрочем, по части музеефикации всем им далеко до Джона Соуна, в доме которого есть копия фриза Эрехтейона, пистолет Наполеона, египетский саркофаг, Каналетто и Пиранези, Хогарт и Тернер. Свалено все это без хронологии, а детали нагромождены с постмодернистской иронией: капитель стоит на капители, колонна оказывается на антаблементе, а база и вовсе висит под потолком! Стены вдруг раскрываются, как ставни, а куча кривых зеркал превращает все это в кошмарный, но забавный сон…

Материалы, из которых тачают себе сапоги наши сапожники, тоже свидетельствуют о фирменном стиле, хотя чаще все-таки о бюджете. У Фрэнка Гери это было гофрированное железо, оцинковка и металлические сетки. Федор Рожнев построил себе парадоксальную избу: родной материал (бревна) контрастирует с неожиданной формой – восьмигранник с башней. Борис Левянт пошел на компромисс: его дом из газобетонных блоков отделан деревянной рейкой. Ну а Владимир Плоткин, как архитектор, современный во всем, выбрал один из самых прогрессивных материалов – макс-панели. Интересно, что им же он облицовывает свои последние постройки в городе: и там и там материал выглядит на удивление органично. Забавно, что Плоткин с Филлиповым – лидеры совершенно противоположных направлений – закончили свои дома одновременно. Посетившая их профессиональная публика тут же задалась вопросом: а в каком из этих двух домов она предпочла бы жить? И дружно склонилась к филлиповскому. «А в доме на Николиной горе, складывается ощущение, жить может только сам архитектор». Именно этой фразой я вынужден был закончить ту свою статью для AD – и рад, что сейчас, не скрывая факта принадлежности дома, могу сказать честно: а я бы выбрал этот дом. ftr

Картина в Вене – больше, чем картина. Это кружка и ложка, футболка и трусы, браслеты и конфеты. Если, конечно, речь идет о картине Густава Климта. Но дело тут не только в ушлости потомков, тиражирующих своего гения. Он и сам был декоративно-прикладным по определению. В детали не вдавался, заполнял пустоты орнаментом, мыслил ритмом... Логично, что именно в Австрии век спустя были изобретены макс-панели – облицовочный материал, позволяющий не наносить на стены рисунок, а производить стены уже с рисунком. Этот рисунок может быть любым, в том числе и картиной Климта. Может ли он лечь на стены Нового Арбата – судить вам, мы лишь фантазируем. Но вспомним коллегу Климта, нашего Михаила Врубеля, который выкладывал мозаику на фасадах гостиницы «Метрополь». И говорил при этом, что «музей – это по-койницкая». А место картин – на стенах домов!





Один верный способ борьбы с плохим климатом, скучной архитектурой и дурным настроением

Почему, интересно, русская архитектура – построив буйных красок храм Василия Блаженного – так брезговала цветом?
Откуда такое смирение перед лицом дурного климата?
Или это гордость, не позволяющая одной музе, Архитектуре, побираться у другой – Живописи?
Или просто красок хороших не было?
А может, дело в том, что разукрашивание стен в национальной традиции всегда воспринималось как нечто подозрительное. Как попытка что-то приукрасить. Как косметика, призванная скрыть огрехи лица, а значит, и души. Выдать за лицо личину.
И правильно! Потому что не нужно стены красить. Баловство это.
Есть способ куда более надежный. И называется он так: «макс-панели с индивидуальным декором».
Во-первых, этот рисунок никогда не исчезнет. (Если только вы сами не захотите его поменять.) Потому что это не краска, нанесенная на стену, а готовая стена, на которой изображение напечатано заводским способом.
Во-вторых, этот рисунок вы можете выбрать из массы существующих, представленных, в частности, на этой страничке.
И более того, в третьих: вы можете сделать его сами!
Почувствуйте себя Бармой и Постником. Только глаза берегите.

Прессинг по всем полям

Текст: Денис Браницкий
Фото: Юрий Пальмин, Сергей Леонтьев

Российские футбольные клубы соревнуются, кто построит более красивый стадион

После того как швейцарские гении Херцог и де Мерон свили в Пекине олимпийское «Гнездо», а в Мюнхене надули «Бублик» Allianz-Arena, все как-то забыли, что перед этим они построили в Базеле стадион «Сант Якобс Парк». Но после того как российская сборная разгромила на нем голландцев, его образ занял прочное место в наших сердцах. Непривычная форма, жилой дом, являющийся частью стадиона, оригинальная подсветка – все это стало частью нашего триумфа.

...Стадион – это, по сути, театр. Где газон – это сцена, трибуны – зрительский зал, гримерные – раздевалки. Есть привилегированные ложи – для важных гостей, прессы. И галерка – для плебеев. Ясно, что футбольный стадион представляет собой копию общества в миниатюре. Именно стадионы создают такому, в общем-то, незамысловатому виду спорта, как игра в ножной мяч, необходимое обрамление, в отсутствие которого зрелище теряет всю свою остроту и привлекательность. Возьмите телерепортаж с какого-нибудь межсезонного сбора мадридского «Реала». Двадцать здоровых мужиков уныло бегают по газону, обнесенному металлической сеткой. Тоска. Но когда они же появляются на поле залитого светом и заполненного до краев ревущей толпой стадиона, понимаешь, почему их называют «галактикос». Чем сильнее и благополучнее держава, тем больше и респектабельнее ее футбольные арены. Чем выше претензии клубных владельцев, тем краше и современнее проекты их стадионов. Проделав двадцатилетний путь от нищеты и убожества к финансовому благополучию, обретя новых хозяев в лице могущественных корпораций, наши футбольные клубы один за другим принялись демонстрировать друг другу степень своей состоятельности. И строительство новых футбольных арен как нельзя более подходит для этого. Появление новых стадионов означает переход к качественно новому этапу в истории отечественного футбола. Только наличие суперсовременных, отвечающих всем требованиям арен позволит России претендовать на проведение главных футбольных турниров – чемпионатов мира и Европы. И вот ведущие российские клубы дружно (даже как-то подозрительно одновременно) приступили к сооружению новых арен. Чем же они будут отличаться друг от друга и как соответствовать образам и мифам своих клубов?

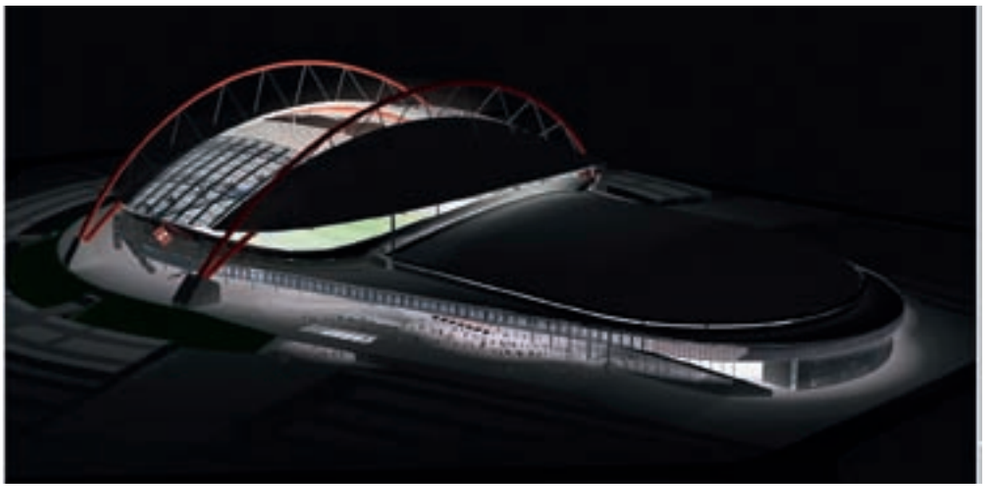
Старый «Локомотив» (справа вверху) и новый, построенный по проекту Андрея Бокова, Дмитрия Буша, Сергея Чуклова и др.

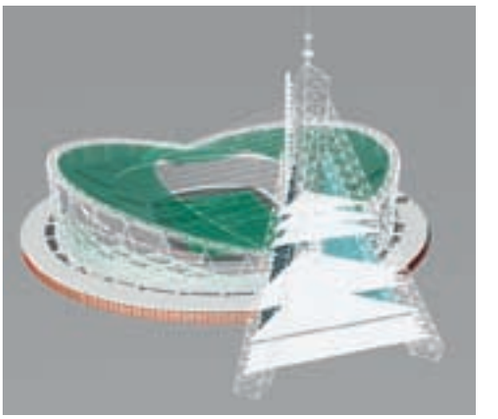
«Локомотив»: ласточка на рельсах

Первой ласточкой надвигающихся перемен стал московский «Локомотив». Когда-то его пренебрежительно называли «пятым колесом в телеге московского футбола». Многие годы он оставался в тени именитых столичных соперников, добиваясь сомнительного звания середняка. И даже его стадион расположен дальше всех, да еще рядом с железной дорогой – как, впрочем, и положено ведомственному клубу Министерства путей сообщения.

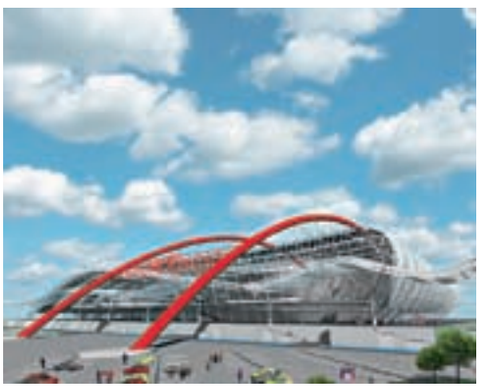
Прежний, по-советски уютный, 30-тысячный стадион «Локомотив», построенный в 1966 году, был оборудован деревянными лавочками, имел легкоатлетические беговые дорожки, а весной и осенью его газон превращался в непроходимое болото. Стадион лишь однажды прославился на всю Европу, да и то при обстоятельствах, вызывающих ироническую улыбку. Осенью 1997 года малоизвестный швейцарский клуб «Сьон» подал протест на результат своего еврокубкового матча против московского «Спартака», мотивируя это несоответствием футбольной арены «Локомотива» мировым нормативам. Швейцарцы произвели замеры футбольных ворот, и те действительно оказались на несколько сантиметров ниже, чем требуется. УЕФА протест удовлетворила, заставив команды заново сыграть спорный матч на том же стадионе. Разгневанные спартаковцы разгромили швейцарцев со счетом 5:1, а спортивные чиновники в очередной раз продемонстрировали футбольной России ее место на карте Европы.

На рубеже нового тысячелетия, когда мощная монополия в лице РЖД обратила наконец внимание на один из своих непрофильных активов, на свет появился простой, но очень красивый стадион, построенный по проекту Дмитрия Буша – главного русского спеца по стадионам. Это был первый в России спортивный объект, предназначенный исключительно для игры в футбол. Его строительство стало событием не только в истории клуба, который к этому моменту сумел выдвинуться на первые роли в российской премьер-лиге, но и знаменовало переход отечественного футбола на более высокий уровень. Теперь большинство столичных команд стремится проводить все свои значимые матчи именно на этом поле. А для сборной России этот небольшой, по европейским меркам, стадион, стал, по сути, домашней ареной. Своих болельщиков у «Локомотива» всегда было мало, но появление нового стадиона породило новую генерацию поклонников. Значительную их часть составляют девушки, для которых поход на футбол перестал быть синонимом экстремального приключения.





Андрей Боков, Дмитрий Буш, Сергей Чуклов и др. Разные версии «спартаковского» стадиона: на проспекте Вернадского (справа вверху), в районе ВДНХ (справа), в Тушино (внизу). И окончательный вариант, сделанный в Тушино же, но уже по проекту немецких архитекторов из фирмы Hochtief (слева вверху)



«Спартак»: метро – бездомным

«Спартак» с рождения оставался бездомным. Команда, имевшая самую большую армию болельщиков, никогда не имела собственного стадиона, адекватного ее статусу и успехам. Возможно, это было напрямую связано с идеологией клуба, больше похожего на секту, пропагандировавшую простые и понятные каждому ценности: справедливость, достоинство, честь, волю к победе. В условиях тоталитарного государства это казалось прямым вызовом власти. И власть реагировала на успехи независимой футбольной команды доступным ей образом. После очередной спартаковской победы над динамовцами, одержанной на глазах их покровителя Лаврентия Берии, братья Старостины на десятки лет отправились в лагеря. Какие уж тут стадионы…

Десятилетиями «Спартак» мигрировал по московским спортивным площадкам. Играя домашние матчи, сам оставался гостем. Но даже формально выездные игры команды фактически становились домашними за счет количественного превосходства спартаковских болельщиков. В восьмидесятые годы «Спартак» играл на олимпийском стадионе «Лужники» и постепенно стал ассоциироваться именно с этой футбольной ареной, вмещавшей тогда более 100 тысяч зрителей и неразрывно связанной с самыми громкими успехами отечественного спорта. В этом была своя логика – где же еще должна играть самая любимая и талантливая команда мегаполиса, как не на главном спортивном сооружении страны? Российский период истории клуба начался чередой чемпионских титулов, сопровождаемой катастрофическим материальным положением. Новым владельцам команды достались лишь старый автобус и легендарная, но сильно обветшавшая база в подмосковной Тарасовке. Помимо этого, в их распоряжении оказался один из самых раскрученных брендов, превосходивший по известности вес его новых правообладателей. Но даже казавшиеся безграничными финансовые возможности новых хозяев «Спартака» по-прежнему не могли сдвинуть с места вопрос о строительстве собственной арены. Проекты и предполагаемое место ее расположения менялись по нескольку раз в год.

От безысходности ситуации даже рассматривался вопрос о возможном строительстве за пределами МКАД… Наконец, по старой советской традиции, проблема была решена на самом высоком уровне. В историю, казавшуюся бесконечной, вмешался лично президент Путин. И проект стадиона обрел наконец реальные очертания. Вознаграждением за терпение для болельщиков будет новый даже не стадион, а многофункциональный комплекс, разработанный нашими архитекторами совместно с немецкой компанией Hochtief. Помимо самой футбольной арены, вмещающей 42 тысячи зрителей, он включит в себя крытый универсальный зал на 12 тысяч мест и даже отдельную станцию Таганско-Краснопресненской линии метро!

Реализуемый сегодня проект Кише Курокавы (слева), его автор (справа в центре), пустырь на месте старого стадиона (вверху), конкурсный проект Андрея Бокова, Дмитрия Буша, Алексея Орлова и др. (внизу)

«Зенит»: футболистам – от метаболиста

История российского футбола начиналась в Петербурге. Начиналась, естественно, с крупных поражений заграничным командам. И первый чемпионат России вышел тоже отсюда. Но после революции город на Неве долго оставался периферией отечественного футбола. Хотя единственную профессиональную команду во втором городе страны по-настоящему обожают. Если не сказать больше. Даже в самые безнадежные годы «Зенит» не оставался без поддержки поклонников. Во всех неудачах петербуржцам традиционно виделась «рука Москвы», а редкий выигрыш любого трофея, не говоря уже о чемпионстве, оборачивался феерией.

Но именно «рука Москвы» оказала Северной столице неоценимую помощь. В Петербург был перенесен головной офис национальной газовой монополии, которая, осмотревшись на новом поле, быстро поняла, что если «Зенит» выйдет с ее помощью на новый уровень, то им за это простят многое, включая, может быть, даже небоскреб на Охте. И вскоре почти все, связанное в Питере с футболом, стало соответствовать рекламному слогану Газпрома: «Мечты сбываются».

Город, помешанный на сохранении истории, почти без боя сдался новым хозяевам жизни. Мощные финансовые потоки смыли один из главных памятников советской архитектуры – стадион имени Кирова, спроектированный конструктивистом Александром Никольским и носивший в народе добродушное имя «Мироныч». Именно ему принадлежал рекорд посещаемости русского футбола: в июле 1950 года на его трибунах собралось 110 тысяч зрителей!

Уникальный архитектурный ансамбль держал оборону до последнего, прикрываясь сертификатами соответствия, выданными Европейским футбольным союзом. Последнее в его истории мероприятие стало символическим. Сюда, как в концлагерь, в дни проведения саммита «Большой восьмерки» согнали антиглобалистов, протестующих против разгула транснациональных корпораций. По окончании же саммита стадион был снесен силами одной из этих корпораций – тем же Газпромом.

Проект новой футбольной арены, вмещающей 72 тысячи зрителей и по форме напоминающей летающую тарелку, принадлежит японскому метаболисту Кише Курокаве и уже вовсю строится на месте уничтоженного памятника. Мудрый японец не мог не знать о том, что новые проекты в России проходят унизительную процедуру внесения поправок и изменений в существующий проект, и, будучи морально подготовленным к этому, во всем соглашался с заказчиками. Так из проекта почти сразу исчезли опускающиеся гидравликой лестницы, без которых образ НЛО померк. Встал вопрос и о целесообразности футбольного поля, выдвигающегося из подтрибунных помещений, что позволило бы газону получать максимальное количество света и вентиляции. Доводы противников этих технических новаций звучат так: в России это не может эксплуатироваться, слишком сложно. Странный аргумент для страны, полвека запускающей космические корабли и использующей атомные электростанции…

Архитектор Дмитрий Буш,
автор почти всех новых стадионов:

– Нет-нет, я не болельщик. Никогда в футбол не играл и смотреть его тоже не люблю. Хотя заказчики все время спрашивают: «А ты за кого?»
– Стадион – это большой объем, который трудно показать. Подходишь к «Лужникам» и идешь, идешь, идешь... Сориентироваться невозможно, не говоря уж о том, что вблизи форма не считывается. Поэтому всегда хочешь сделать структуру акцентированной.
– Мне нравится Олимпийский комплекс в Мюнхене. Хотя эксплуатировать эту красоту сложно и дорого...
– Крупные спортивные объекты не окупятся никогда. Во всем мире процентов 15 окупается. Поэтому их стараются сделать многофункциональными. Мы и на «Локомотиве» закладывали раздвижную сцену.
– А раздвижная крыша – очень сложная конструкция. И это не только точность, но еще и образ мышления людей, которые ее эксплуатируют. У японцев она будет работать, у итальянцев – нет. И у нас не будет. Трансформируемая конструкция, да еще при габаритах в 200 метров, – сложнее этого только космический корабль.
– В мире строительство стадионов поставлено на поток, один от другого не отличишь. Берется отработанная технология, вносятся изменения в фасад и в конструкцию козырька. А вот если это попадает к новому человеку – Кендзо Танге или Херцогу с де Мероном – вот тогда получается вещь!
– Мы исходим всегда из контекста. Сначала надо понять: прятать стадион или, наоборот, вытаскивать. Хотя «Локомотив», например, только сейчас стало видно, когда ларьки на площади снесли.

Андрей Боков, Дмитрий Буш, Сергей Чуклов и др. Проект стадиона ЦСКА на Песчаной улице.

«ЦСКА»: памятник Кубку

История Центрального спортивного клуба армии вполне соответствует истории организации, давшей ей свое громкое имя. В послевоенные годы он носил гордое название «команда лейтенантов» и выигрывал из года в год практически все чемпионаты. Но пребывание клуба в структуре военного ведомства чревато крайностями. В случае победы – слава и почет. Поражение же неминуемо влекло категоричные выводы. После неудачного выступления сборной СССР на Олимпиаде в Хельсинки армейская команда, составлявшая основу сборной, была попросту расформирована.
Долгие годы ЦСКА пребывал в середняках, а команда формировалась за счет талантов призывного возраста, которым это давало возможность избежать армии. Но по окончании службы они старались покинуть команду. Эта практика негативно сказывалась на имидже клуба, с завистью наблюдавшего за успехами соперников. Близкое к власти руководство было способно обеспечить дисциплину и надежную материальную базу, но не способно удержать игроков, стремящихся достичь большего. Как только неэффективная система координат была разрушена, новые хозяева команды смогли за считаные годы построить коллектив европейского уровня, сумевший в 2005 году выиграть первый для России Кубок УЕФА.
Для полноты успеха и закрепления статуса одного из лидеров армейцам не хватало только современного стадиона. В отличие от своих «заклятых врагов» спартаковцев, у ЦСКА всегда был пусть небольшой, но зато свой собственный стадион, удобно расположенный на Песчаной улице. Главной сложностью для проектировщиков нового армейского «дома» была задача корректно инсталлировать огромное сооружение в сложившуюся застройку. Принятый к реализации проект включает в себя не только стадион на 30 тысяч зрителей, способный принимать матчи любого уровня, вплоть до четвертьфинала чемпионата мира, но и офисно-гостиничный центр, удачно вписанный прямо в здание строящейся арены. Правда, его форма, напоминающая завоеванный армейцами Кубок УЕФА, двусмысленно намекает противникам команды на то, что свой главный трофей армейцы уже выиграли. Решив строить новый стадион на месте старого, прагматичные руководители клуба получат небольшой, но очень стильный и уютный домашний стадион, расположенный в центральной части города и тесно связанный с историей армейского клуба. А болельщики этой команды надеются вскорости увидеть пристроенную к стадиону еще одну башню – напоминающую уже Кубок европейских чемпионов.

Проект реконструкции стадиона «Динамо». Архитекторы: Андрей Боков, Дмитрий Буш, Александр Тимохов и др.

«Динамо»: реконструкция легенды

При всем своем славном прошлом и нынешнем, нескончаемо долго продолжающемся игровом бессилии московское «Динамо» остается командой, от которой ждут только высоких результатов, соответствующих ее статусу в истории отечественного футбола. Огромную роль в этом сыграло наличие у клуба собственного стадиона. Внушительная часть всей парадной советской эстетики связана с этим сооружением, построенным в Петровском парке в 1928 году по проекту Александра Лангмана и Леонида Чериковера. В дни самых интересных матчей его трибуны вмещали более 50 тысяч зрителей. На этом поле сыграно бессчетное количество международных игр, в разные годы он становился домашней ареной почти для всех московских команд.

«Динамо» стало первой советской ведомственной спортивной организацией – командой Министерства внутренних дел. Отсюда – престижное месторасположение стадиона, длительный период стабильности и благополучия. Но за 80 лет стадион устарел и, являясь памятником архитектуры федерального значения, требует дорогостоящей реконструкции.

Различные проекты переустройства возникали в ходе всей его эксплуатации. Фигурировали в них и навесные козырьки над трибунами, и раздвижные перекрытия, и даже разворот футбольного поля на 90 градусов согласно рекомендациям Европейского футбольного союза. Отказавшись от идеи максимальной вместимости, проектировщики остановились на концепции небольшого, но максимально комфортного и уютного стадиона с сохранением существующего парка и реконструкцией многочисленных спортивных сооружений на его территории. Исторические фасады легендарной арены останутся неприкосновенными и, более того, будут воссозданы утраченные элементы. А уже за этими фасадами возникнет новое тело стадиона, обнесенное предельно нейтральной стеклянной ширмой. Старые мачты демонтируют, а прозрачный козырек будут держать легкие вантовые конструкции. Разрабатывает проект, как всегда, главный в России по стадионам – Дмитрий Буш. ftr

Хельсинки

Текст:
Николай Малинин
Фото:
Владислав Ефимов

Недавно журнал «Афиша» вышел с характерной статьей: «25 вещей, которые раздражают в Москве». Так вот, Хельсинки – это такой город, где ничто не раздражает. Недаром Финляндия считается самой некоррумпированной страной, а воздух Хельсинки – самым чистым среди мировых столиц. Конечно, можно сказать, что оборотной стороной этой чистоты, комфорта и спокойствия является то, что ничто безумно и не восхищает… Тем не менее фанатов этого города я знаю много. Он действительно кажется родным: то ли потому, что это самая ближняя к нам столица (помните, у Довлатова: «А где ближайший магазин, где можно купить молнию? – В Хельсинки»), то ли потому, что климат здесь схожий. Сравнения напрашиваются сами собой и, увы, не в нашу пользу. К архитектуре это все имеет самое непосредственное отношение. Почему в Москве все время говорят, что, мол, «в нашем климате это невозможно», а в Хельсинки возможно все? Но хотя могут тут действительно все, пользуются этим очень аккуратно. Понты не являются особенностью национальной архитектуры, поэтому каких-то феерических шедевров здесь не найти. Но при этом финская архитектура абсолютно не похожа на немецкую или голландскую и вообще узнается на раз. Основы этого своеобразия сложились сто лет назад: обретение Финляндией независимости стало мощным импульсом для формирования собственной культуры, которая как раз в архитектуре и отобразилась ярче всего. А кульминацию нашла в творчестве своего главного гения – Алвара Аалто. Поэтому мы сочли невозможным обойтись в нашем путеводителе как без него, так и без лучших образцов северного модерна.

2
6
10 11

12 13 14
9
5
8
4
1
3
7

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ

Элиэль Сааринен. 1914
Rautatientori, 1

1

Хельсинки дает уникальную возможность составить полное представление обо всех своих архитектурных стилях буквально в течение 20 минут. Для этого надо просто обойти пару кварталов вокруг вокзала – чем, как правило, турист и занимается. А самым ярким шедевром национального романтизма является как раз сам вокзал. Подлинно монументальный – при скромных размерах, внешне суровый – при полнейшей понятности и гостеприимности, выполненный из модных по сей день материалов (красный гранит и медь) – хотя это было первое в стране здание из железобетона...

ЦЕРКОВЬ В СКАЛЕ

Тимо и Туомо Суомалайнен. 1969
Lutherinkatu, 3

2

Шаг в сторону от вокзала – и плоский приморский город вдруг начинает карабкаться в гору. На самой ее вершине, в центре жилого квартала, обнаруживается громадная скала. Чтобы довести эту странность до полного сюрреализма, в скале вырубили круглую церковь... Ни с чем не сравнимое ощущение пребывания в пещере на вершине горы.

СТЕКЛЯННЫЙ ДВОРЕЦ

Нийло Кокко, Вилио Ревел, Хеймо Рийхимяки. 1936
Mannerheimintie, 22

3

Гениальный образец того, что в Финляндии зовется «функис» – то есть функционализм. В России это конструктивизм, но ничего от нашего радикального авангарда в финском нет: все очень уютное и буржуазное. Как нет тут ничего и от «дворца». Крохотный, элегантный, упоительно деревянный внутри, он так распластан по гигантской площади, что у любого московского застройщика просто слюнки потекли б: сколько всего на его месте можно залудить! Но финны деликатно строят торгово-развлекательный центр «Камппи» метрах в 300 за ним…

ГЛАВПОЧТАМТ И МУЗЕЙ ПОЧТЫ

Ярви и Линдроос. 1938
Elielinaukio, 3

4

Официально главной площадью города считается Сенатская, где стоит кафедральный собор Карла Людвига Энгеля, застроившего в XIX веке полгорода. Но по-настоящему главная – конечно, Elielinaukio, доминантой которой остается здание почтамта. Удивительно сдержанный вариант финского ар-деко. Все построено на одном ходе, но как работает! Вытянутые по вертикали окна разной высоты, изящные пилоны и несколько горизонталей из меди. Блестящий образец того, как при минимуме художественных средств можно добиться максимума выразительности. И 7 миллионов почтовых марок в качестве символа этого минимализма! Млейте, филателисты.

Фото: Юсси Тиайнен © Museum of Finnish Architecture

СМОТРОВАЯ БАШНЯ В ЗООПАРКЕ

5

Вилле Хара. 2002
Korkeasaari Zoo

Формальных примет у современной финской архитектуры как бы и нет. Все очень просто, строго, рационально и геометрично. Но, видимо, порой это смертельно надоедает – и тогда смотровая башенка в зоопарке скручивается в такую вот лампочку! Но материалы все равно самые традиционные: дерево и воздух. Плюс 600 болтовых соединений. Звери тут почти на свободе, а это как бы клетка для людей. Но всем нравится.

ОФИСНЫЙ КОМПЛЕКС В РУОХОЛАХТИ

6

Кай Вартиайнен. 2001
Tammasaarenkatu

Такое впечатление, что местный мэр вдруг сказал: «А что это у нас хай-тека в городе нету? Непорядок, товарищи, отстаем!» Архитекторы честно выполнили заказ, но сделали это очень иронично. Получилась, скорее, пародия на хай-тек – при этом очень жизнерадостная и веселая. Нужны инженерные рекорды? Вывесим консоль на 20 метров! Но подопрем ее толстенными колоннами. Яркий цвет, говорите? Раскрасим! Но тогда уж каждую кучку в свой цвет. В моде биоморфное? О-кей, пустим загогулину. Но по крыше, чтобы видно этой гадости не было! Ну и чтоб подчеркнуть свое отношение к хай-теку, строят все это на таком отшибе, что ни добраться, ни выбраться!

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС НА КАТАЯНОККА

7

Юрки Таса. 2006
Kanavakatu, 7–9

Ничего сверхъестественного в этом жилом комплексе вроде бы нет. Но и придраться не к чему: идеальная планировка, большие окна, гуманная этажность. Пятый этаж самый необычный – как внутри, так и снаружи, а сверху он еще прихлопнут гигантской перголой, объединяющей все здания в единый двор. А учитывая, что стоит это жилье на самом берегу моря, то ощущение уюта возникает буквально одним взмахом этого крыла.

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «КИАСМА»

Стивен Холл. 1998
Mannerheiminaukio, 2

8

Евросоюз регулярно осуждает Финляндию за то, что она не слишком охотно принимает иммигрантов. На искусы глобализма страна не ведется, логично, что и строят в Хельсинки исключительно местные архитекторы. Единственный шедевр, сделанный иностранцем, – «Киасма». Но замечательно, что при наличии всех фирменных ходов знатного американца дом оказался абсолютно «финским»: маленький, теплый, камерный и вообще в каком-то смысле – задник к памятнику маршалу Маннергейму. Хотя именно об уместности такого соседства долго спорили.

ДВОРЕЦ «ФИНЛЯНДИЯ»

Алвар Аалто. 1975
Mannerheimintie, 13

12

Не самая характерная постройка Аалто и тем не менее – блестящий образец государственного публичного здания. Считается, что с него делались многие советские парт-дворцы – но трудно сопоставить их помпезность с элегантностью здания. Ослепительно белое, из каррарского мрамора; модернистски-угловатое, похожее на айсберг; совершенно непафосное внутри, с забавным синим декором в главном зале – и что конгресс, что концерт Рахманинова идут здесь на ура.

МАСТЕРСКАЯ ААЛТО

Алвар Аалто. 1955
Tiilimaki, 20

13

Мастерская зодчего, где сегодня работает Фонд Аалто, находится в пригороде Хельсинки – по духу это наше Кратово. Но за забором начинается Греция: открытый амфитеатр и белая стена, на которой сотрудники мастерской смотрели кино. Здание эффектной дугой обходит зеленый зал и глядит на него панорамным окном. Дом и двор сливаются в тихом экстазе.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Алвар Аалто. 1964
Espoo, Otakaari, 1

14

Здания такой формы в мире не найти: кратер в разрезе. Восходит идея все к тому же греческому амфитеатру, только здесь он уже стал домом. Впрочем, есть версия, что это образ финского озера, окруженного соснами... Сосны тоже есть, но с другой стороны – и кажется, что второй фасад здания сделан именно как фон к ним. И совершенно непонятно, какой из фасадов эффектнее. Но ясно, что популярная в XX веке идея всефасадности именно здесь стала подлинным откровением.

Фото: Олег Попов

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ВИЙККИ

9

Ханну Хуттунен, Маркку Эрхольц. 2003
Viikki, Kevatkatu

Если вычленять формальные особенности финской архитектуры трудновато, то с социальными все ясно. Для детей, как завещал Лев Кассиль, писать (строить) надо так же, как для взрослых. Только лучше. Эта школа – простая, ясная, современная и чрезвычайно комфортная внутри. Тут просторно, удобно и красиво. А особенно чарует столовая, которая больше похожа на выставочный зал – столько тут предметов современного искусства. И сразу понятно, почему школьное образование в Финляндии считается лучшим в Европе.

ЦЕРКОВЬ ВИЙККИ

10

Асмо Яакси, Тееми Куркела, Самули Миттинен, Юха Мяки-Юлиля. 2005
Viikki, Agronominkatu

Неофитский трепет, с которым строят новые церкви в России, не дает архитекторам повода экспериментировать. А в Финляндии каждый новый храм абсолютно оригинален при всей скупости художественных решений. Церковь Вийкки – это три глухих объема, обшитых гонтом. А внутри – симфония из деревянных балок и потрясающий орган.

ИНФОЦЕНТР ВИЙККИ

11

Ханну Хуттунен, Маркку Эрхольц, Пентти Кареоя. 1999
Viikki, Viikinkaari, 11

Биофак университета – это целый городок современной архитектуры. Самая последняя (и самая интересная) постройка – инфоцентр. В плане круг, из которого вынут сегмент (ради уютной площади), снаружи – стеклянная оболочка, за которой по-нувелевски мерцают и манят синие стены, а внутри – изысканно японский атриум: жесткая графика ограждений пересекает четкие прямоугольники стен… Все-таки у финской и японской архитектуры странным образом много общего.

Директор Музея архитектуры Финляндии Севери Блумстед: «Подумай интернационально, но сделай национально»

Интервью: Николай Малинин

Собираясь в Хельсинки, мы долго решали, что же все-таки снимать: только новую архитектуру или старую тоже – чтобы показать истоки ее необычности. В чем вы лично видите своеобразие современной финской архитектуры?

Я бы ответил известным афоризмом: «Подумай интернационально, но сделай национально». Да, уже в начале века финская архитектура дала нам это обостренное чувство национального. Но важен баланс: быть открытым всему новому – но при этом без национальной спеси, гордыни.

В русских книгах о финской архитектуре есть много хороших слов: простота, чистота, функциональность, сдержанность... Но все эти слова можно применить и к другим национальным школам...

О вещах, среди которых находишься, трудно говорить определенно. И все же я думаю, именно забота о человеке и близость к природе – это «товарные знаки» финской архитектуры.

Выставка Райми Пьетиля, которая прошла в вашем музее, открыла нам совершенно новый облик финской архитектуры – странной, чудаческой, экстравагантной... Но почему последователей нет не только у Пьетиля, но и у Аалто?

Самобытную архитектуру – как и любое другое значимое искусство – невозможно копировать. Ее надо создать самому. Задам встречный вопрос: где последователи таких оригинальных мастеров, как Мельников, Леонидов, Родченко, Татлин? Разве эти всемирно известные господа не были создателями стиля, которому стоило бы следовать?

Нас поразило, что в Финляндии очень мало строят иностранные архитекторы. Особенно на фоне России, куда косяком повалили звезды... Почему?

Наверное, в Финляндии плохая почва для того, чтобы индивидуум представлял себя и свое «искусство» за чужой счет. И разве не пора вообще звездным архитекторам прекратить эгоистичное паясничанье? Это явление – starchitects – противоречит этическим и социальным потребностям. Непостижимо, что сегодня, когда глобальное потепление и другие экологические угрозы являются настоящей проблемой, звезды продолжают проектировать гигантские дорогостоящие небоскребы, которые расточительно используют энергию. Я не утверждаю, что Финляндия свободна от всего этого. У нас тоже умеют создавать бесчеловечное и уродливое. Но фактом является и то, что финская архитектура имеет непрерывную традицию этики и гуманизма. Может быть, именно это отпугивает иностранных архитекторов? А может быть – отдаленность, темнота и холод Финляндии... Однако не стоит забывать, что центр Хельсинки создал немец – Карл-Людвиг Энгель.

Еще нас удивил финский функционализм – очень милый, комфортный, сдержанный... На фоне русского конструктивизма – резкого и страстного – он выглядит как забота о человеке, а не о коллективе...

У нас никогда не было никакого рабства. Всегда было равенство. Даже крестьяне всегда были свободны. А еще у нас все очень маленькое: во всей стране живет 5 миллионов человек – столько же, сколько в Петербурге. И всем все видно – кто ты, куда идешь. И тебя видно, и ты все видишь. И хотя у нас в стране есть разные политические партии, но есть общие принципы – равенства и братства. И если кто-то сильно богат, то на него смотрят косо. И обучение в Финляндии бесплатное – причем с раннего детства и до университета. Поэтому у нас считают, что как в России, так и в США слишком большая разница между людьми.

То есть получается, что наш авангард насильно загонял людей в царство свободы и равенства, а вам этого делать было не надо – потому что вы и так уже там были.

Да, но при этом русский конструктивизм очень сильно повлиял на финскую архитектуру. Мы видим это и сегодня: взять школу в Вийкки.

А еще Финляндия для нас – немой укор. Когда архитектор в России хочет сделать что-то интересное, ему говорят: «Нельзя! Климат не тот». А сделает – и правда, все течет. Не тот климат. А рядом есть Финляндия, где почему-то все можно... Как вам кажется, в чем тут дело?

Повторю, что создание цирковых декораций, чтобы люди им поражались, не является первоочередной задачей архитектора. Для этого существуют жонглеры и клоуны. И я не знаю, обязательно ли заказывать такой товар за границей. Задачей архитекторов должно быть, говоря словами американо-финского архитектора Эзро Сааринена, создание и поддержание веры людей в достоинство собственного существования. А ссылка на климат связана все-таки с какими-то совсем иными проблемами...

Благодарим за помощь в организации материала Посольство Финляндии в Москве, лично атташе по культуре Посольства Черстин Кронвалл, сотрудницу отдела культуры Аллу Богомолову, а также директора Музея архитектуры Финляндии Севери Блумстеда и координатора по культурным вопросам Министерства иностранных дел Финляндии Аули Карвонен.

НЬЮ-ЙОРК

Фото: Грант Петросян

Текст: Карен Шахгалдян

Существует известное высказывание Фридриха Шеллинга, ставшее штампом: «Архитектура – это застывшая музыка». Как всякий штамп, оно провоцирует желание подискутировать. Скорее всего, мои суждения об архитектуре вызовут у архитекторов ироническую улыбку – как, наверное, внутренне улыбнулся бы и я, услышав рассуждения дилетанта об игре на скрипке.
В свое оправдание хочу заметить: архитектура является одним из видов искусства, и это делает возможным мое непрофессиональное высказывание. Ведь любое искусство состоит из двух половинок: объективного мастерства (ремесла, умения) и чистого творчества, которое по сути своей субъективно донельзя. Вот этой самой субъективностью я и попытаюсь воспользоваться.
Как человек, всю сознательную жизнь (за исключением первых трех лет) профессионально живущий музыкой, окружающий мир я воспринимаю эмоционально. Связей между музыкой и архитектурой можно найти много. Самое первое и явное – это здания музыкальных театров и залов. Отдельная тема (больная для меня) – их акустика. Никогда не забуду свои впечатления в развалинах римского амфитеатра в Турции, где слышен буквально каждый шепот. И наоборот: играя концерт в некоторых современных залах, вспоминаешь нехорошими словами архитектора (что, безусловно, вредит погружению в выступление), который решил, что акустика – это не так уж важно…

Посетив много стран и континентов, я понял, что каждый город рифмуется у меня с определенным музыкальным жанром, стилем или даже произведением. Гуляя по улицам до или после концертов, останавливаясь взглядом на потрясающих (замечательных, хороших, обычных, корявых, уродливых…) сооружениях, ловлю себя на мысли, что они складываются в определенный звукоряд, в некую звуковую палитру.
Я так их и помню: короткие, изысканные, но выдержанные в одной тональности пьесы маленьких городов Франции; логичные, сдержанные прелюдии и фуги Германии; яркие, взрывные, неожиданные танцы Альбениса и де Фальи Испании; оперные арии и тотальное бельканто Италии…
Помню свое первое впечатление от Нью-Йорка. Бросив вещи в гостинице, где-то в районе Десятой авеню и Пятидесятых улиц (знаменитый квартал Hell's kitchen – «адская кухня»), я пошел искать приключений. На улице возникло чисто театральное ощущение, что за сценой тихо играет оркестр. Я устремился на звук, по ходу движения поражаясь той абракадабре, которую они тут играют, и еще больше удивляясь тому, что мне это, похоже, нравится. Имея за плечами классическое воспитание Европой, чистым стилем, гармонией, я не мог понять свою связь со всем «этим».

Карен Шахгалдян – скрипач, выпускник Московской консерватории (класс Виктора Третьякова, аспирантура Майи Глезаровой). Стипендиат фондов Ростроповича, Ойстраха, Янкелевича. Лауреат Международного конкурса имени Пабло Сарасате в Испании. Играл в оркестре «Виртуозы Москвы» под руководством Владимира Спивакова. Выступает в Большом и Малом залах Московской консерватории, регулярно дает концерты в России и за рубежом.

Тем временем звук усиливался: я уже где-то рядом, растет ожидание чего-то. Через сто метров улица закончилась, а у меня начался припадок. Огромный оркестр и хор на десять тысяч человек одновременно исполняли Девятую симфонию Бетховена, «Валькирию» Вагнера, «Немецкий реквием» Брамса, «Реквием» Верди и «Кармен» Бизе, здесь же пробивалась китайская пентатоника, что-то японское, Оскар Питерсон со своими импровизациями, Эминем и Джастин Тимберлейк, а сверху кто-то явно вытанцовывал «Камаринскую»!
С тех пор я несколько раз был в Нью-Йорке, исходил его вдоль и поперек и очень люблю этот сумасшедший город. И как же было грустно попадать в города, которые молчат, в которых нет мелодии, а если и пробивается какой-то голос, то сразу тонет в безликости и тишине. ftr

Вилла «Панорама»
Проектная организация: архитектурная группа «А-ГА»,
ООО «Проектный центр Экотектура»
Архитекторы: Владимир Гуманков, Рустам Керимов, Елена Манулова
Конструкции: ОАО «Атомэнергопроект»
Генеральный подрядчик: «А/К ++ компани лтд»
Площадь: 800 кв. м
Проектирование и строительство: 2006–2008

Архитектурная группа «А-ГА» создана в 2005 году. Генеральный директор и главный архитектор проектов – Рустам Керимов. Архитекторы работают с проектами различного масштаба: загородное жилье, общественные интерьеры, реконструкция районов. Последние два года бюро сотрудничает с мастерской № 22 ОАО «Моспроект». В 2007 году авторский коллектив виллы «Панорама» был награжден дипломом Совета смотра «Золотое сечение», а летом 2008 года проект получил 1-е место на фестивале «Под крышей дома...» в номинации «Реализованный жилой дом». Сейчас двое из трех авторов проекта организовали собственное бюро Hi ! arch

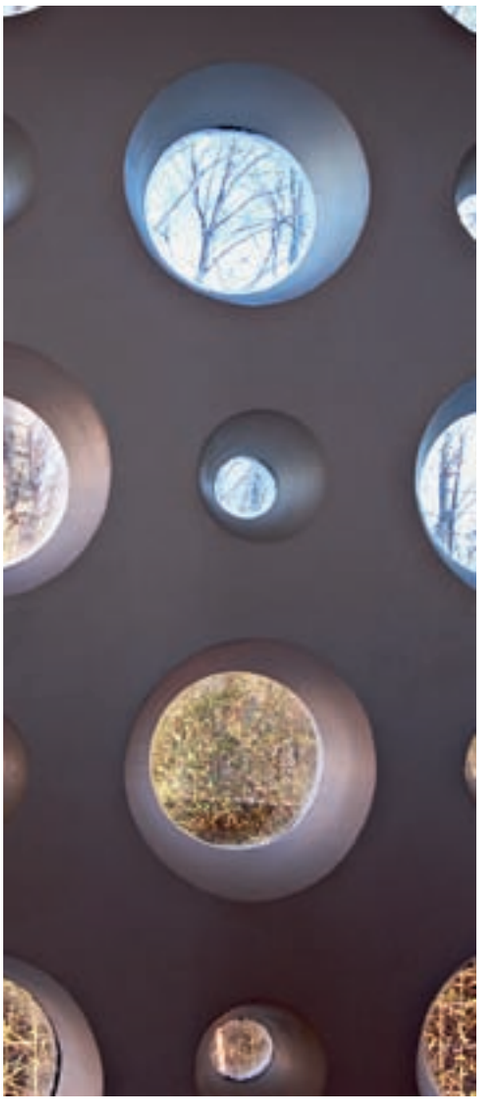
Галька на склоне

Первая неомодернистская вилла в Краснодарском крае

Текст: Мария Фадеева

Фото: Илья Иванов

Хотя цены на землю на российском побережье Черного моря в последнее время сравнимы с рублевскими, новости о шедеврах частной архитектуры отсюда приходят не часто. Путешествуя в феврале по окрестностям Сочи, мы не смогли обнаружить ничего увлекательного, хотя интересных проектов современных домов для этих мест вроде бы много. Так что виллу «Панорама» можно считать явлением абсолютно уникальным.



Эта вилла — своеобразная пирамидка. Друг на друга поставлены четыре почти автономных домика с собственными кухнями, террасами и несколькими отдельными входами. Так, напоминающая «рубку», верхушка отдана кормильцу и «капитану» семейства, второй этаж — его детям, а первый — родителям

Авторы утверждают, что, придумывая эту виллу, вдохновлялись самой обычной галькой. Даже прислали картинки, где камушки по-разному разложены. Но мне «Панорама» больше напоминает морскую пену: такая она легкая, белая, кружевная… Растеклась по склону и вот-вот растает. Останется одна лужа бассейна, дырочки даже уже появились.

Можно, конечно, подумать, что это у автора такое поэтическое весеннее настроение, но море вообще располагает к лирике, да и модно это сегодня — чувственный дизайн. Так возникает парадокс: смотришь на виллу — абсолютно модернистская штука, строгая, без излишеств, крыша опять же плоская (не то что на соседних участках — коттеджики игрушечные). А несущее ядро в центре — округлое и с башней внутри — это уже почти цитата из «Стеклянного дома» Филиппа Джонсона. Но обтекаемая форма настолько эмоциональна, что сразу вспоминается термин Андрея Иконникова, родившийся в связи с мендельсоновской башней Эйнштейна в Потсдаме: «эластичный динамизм».

Секрет же, по словам архитекторов, в том, что они проектировали дом-ландшафт. Им достался не самый удобный для строительства участок: сильный уклон, ходить по которому практически невозможно. Поэтому множество террас в данном случае не роскошь, а компенсация за отсутствие на участке комфортных площадок для отдыха. Форма же просто вторит окружению. Она выступает со склона, но старается при этом выглядеть естественно.

Впрочем, природа сама оказывается частью дома: на террасе третьего этажа растет дерево, в зимнем саду про-

Архитекторы сочинили целую симфонию из линий, изгибающихся в соответствии с местным ландшафтом, заворачивающихся за солнцем, устремленных к недостижимому сверху морю. При этом тут нет избыточности, столь характерной для архитектуры южных побережий, а лишь врастание в рельеф

должается каменное мощение (как на дорожках участка), а палубная доска террасы приходит в общую гостиную, минуя стеклянную стену – будто ее и нет. Стену, кстати, действительно можно почти полностью убрать: специальная конструкция, разработанная компанией Dorma, позволяет сложить ее гармошкой. И тогда гостиная превращается в открытую веранду, плавно переходящую в морской горизонт.

Эта вилла работает как бинокль: каким-то удивительным образом она визуально приближает море к зрителю. Кажется, что достаточно разбежаться, прыгнуть – и ты уже плаваешь. Удивительно, как архитекторам удалось создать это ощущение – учитывая, что до побережья отсюда час езды. Но и композиционно это сравнение небезосновательно: повернувшись стеклянной частью в сторону волн, дом именно что смотрит вдаль. Это решение обусловлено не только видовыми характеристиками участка, но и инсоляцией: глухая часть стены обращена в сторону наиболее активного солнца и призвана защитить дом от перегрева, что актуально в климате Краснодарского края.

Дырочки же, отдаленно напоминающие самую главную российскую «виллу» XX века – дом Константина Мельникова, призваны разнообразить стену и обеспечить интерьеру естественное освещение. Такой вот обжитой, облагороженный и местами утепленный ландшафт с цитатами. ftr

Семь уроков травертина

ИСТОРИЯ

Самое большое месторождение травертина в мире находится в Италии. В I в. до н. э. травертин был известен под именем lapis tiburtinus, что означает «камень из Тибура». Тибур - древнее название города Тиволи, который находится неподалеку от Рима. Поначалу травертин использовался только для фундамента и опорных стоек. Но начиная с I в. н. э. он широко идет в ход как самостоятельный строительный материал. Римляне быстро распознали достоинства травертина: он легко резался, имел приятный цвет, был устойчив к непогоде и пожарам - а пожары в древнем Риме случались каждый день. Из него строили всё: мосты и ворота, акведуки и бани, амфитеатры и дворцы. Постепенно травертин стал символом романской архитектуры. А качества этого камня определили ее стиль. Его пористость не давала возможности сделать колонну такой же совершенной, как мраморная, но благодаря этому постройки из травертина обретали модный по сей день привкус «незавершенности».

ФИЗИКА

Травертин - это промежуточный между известняком и мрамором вид камня. Если известняк остается под большим давлением на долгое время, из него может получиться травертин (как из торфа - уголь). Если травертин, в свою очередь, остается под большим давлением на тысячелетия, из него может получиться мрамор (как из угля - алмазы). Травертин нельзя назвать твердой породой: он легко режется. Происходит это потому, что образуется он недалеко от поверхности и в отличие от скальных пород не подвергается сжатию и тектоническим сдвигам. Травертин изменчив: при контакте с воздухом он твердеет. Более того, даже цвет его может меняться: блед ные травертин становится желтее из-за окисления входящих в него солей железа.

ХИМИЯ

Травертин – это осадок солей кальция. Он образуется на дне водоемов – там, где подземные источники вырываются на свободу. Потоки воды, рожденные вулканами, несут в себе много углекислого газа (CO_2). Выходя на поверхность, богатую известняком, он вступает в реакцию с преобладающим в почве бикарбонатом кальция $Ca(HCO_2)$ и воздухом. В результате в осадок выпадает карбонат кальция $CaCO_3$. Качества возникающего травертина зависят от температуры воды и воздуха, содержания CO_2, интенсивности света, турбулентности потока и других факторов. Например, чем больше разных частиц биологического происхождения (листья, ракушки, остатки скелетов) участвует в процессе, тем больше будет пористость материала. В стоячей воде образуются цельные травертины, а губчатые и желваковые – у водопадов и в местах с сильным течением.

ГЕОГРАФИЯ

Модным в наше время травертин сделала его неповторимая фактура. Она возникает при искусственном состаривании камня – а именно такая эстетизированная старина актуальна сегодня в частных интерьерах. Состаренный травертин при этом не полируется, а лишь вощится как паркет, приобретая благородный матовый отлив антикварной мебели. Используется такой камень для облицовки полов, стен, иногда потолков. Слоистость создает на поверхности обработанного камня рисунки, подчеркивающие его фактуру и цвет. Травертин с рисунком окаменелого дерева отлично смотрится в малых архитектурных формах – таких, как балясины, шары, декоративные вставки, плитка.

Но этот пористый, мягкий и красивый камень пригоден также и для внешней облицовки: он не меняет цвет под воздействием урбанизированной атмосферы.

ПСИХОЛОГИЯ

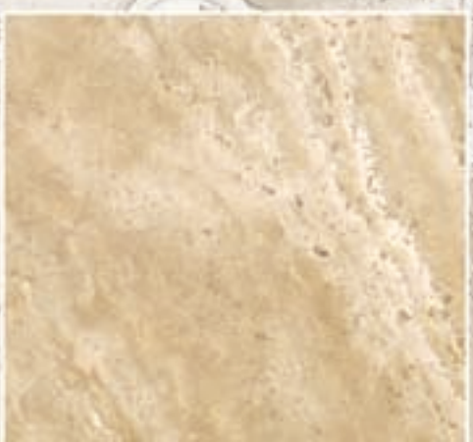
Чаще всего травертин бывает белого или желтого цвета. Белый оставляют не полированным его теплый тон выгодно отличается от холода полированного мрамора. Желтый напоминает мрамор из Вероны. Встречаются и темные, коричневые травертины, а также красные – в Иране. Палевые травертины выглядят интереснее, если использовать дополнительные материалы, которые могут улучшать внешний вид и защитить от воздействия воды и пыли.
Окраска травертина определяется так: если в процессе осаждения карбонат кальция не подвергался дополнительным внешним воздействиям, его цвет будет приближен к белому. Но в природе это встречается редко. Большая часть травертинов имеет оттенок от светло-бежевого до орехового. Более темные травертины имеют лучшие технические качества, они способны выдерживать большую нагрузку трения. Некоторые травертины имеют в составе коричневые крапинки или даже слои глинянного происхождения. Серый же травертин – это всего лишь слой белого травертина, измененный частицами речного происхождения.

ФИЛОСОФИЯ

Еще десяток лет назад травертин не был знаком в России даже специалистам. Его часто путали с мрамором – хотя он совершенно не похож на него по своим уникальным механическим свойствам. Образуясь в горячих вулканических источниках, структура травертина представляет не отдельные кристаллики, как у мрамора, а длинные спутанные кристаллические нити. Поэтому по прочности он значительно превосходит мрамор, а поморозостойкости - известняк и доломит. Что особенно актуально в России, где из-за сложных климатических условий далеко не все камни прошли экзамен на выносливость. Конкуренцию травертину составляют здесь гранит, известняк и песчаник, но по декоративным качествам он выше их. Благодаря им травертин применим в любом жанре: будь то цоколь или тротуар, беседка или ваза, подоконник или ступени, камины или порталы, балясины или столешницы.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Имени архитектора Колизея история не сохранила, а вот имена тех, кто использовал травертин в XX веке, широко известны. Один из лучших образчиков модернизма – павильон Германии на Всемирной выставке в Барселоне построил в 1929 году из травертина великий Мис ван дер Роэ. Продолжатель его традиций, знаменитый Ричард Майер, строит из травертина Гетти-центр в Лос-Анджелесе, это 1997 год. Звезда советского модернизма Виктор Егерев использует травертин в облицовке здания ТАСС у Никитских ворот, а его коллега Андрей Меерсон – уже в новые времена – строит из травертина гостиницу «Арарат Хайят» на Неглинке.



Архитектура и власть

Разъяснения младшему поколению

Текст: Грант Петросян

Если исходить из книги Бытия (главы с 6-й по 9-ю), первым крупным сооружением, созданным руками человека, было судно, построенное Ноем.
Заказчиком, архитектором и дизайнером Ковчега являлся сам Господь Вседержитель. То есть самая что ни есть наивысшая власть.
Следующая грандиозная стройка была предпринята потомками Ноя при полном безвластии и по собственной инициативе. Называлась она – Вавилонская башня.
Чем закончилось это наивное предприятие – ныне известно даже школьнику. Столпотворение и сумятица разбросали род людской по всей земле, наделив их, однако, понятием «местная власть». Человечество же извлекло из этого события урок – не строить что попало и где попало без прямого на то указания свыше.
Так власть стала напрямую управлять всеми более или менее важными стройплощадками и контролировать любую инициативу, исходящую от простых смертных. Будь то пирамиды, висячие сады, Тадж-Махал, Санкт-Петербург или современная Москва.
О Москве разговор особый.
Даже неопытному глазу власть в Белокаменной видна пластами. Здесь безмолвно сосуществуют все периоды нашей истории: и монархия, и сталинизм, и хрущевская «оттепель», а ныне – феодализм.
Москва в смысле архитектурной композиции – город уникальный. В его облик вписался продукт диктата тоталитарной власти, который миновал большинство европейских городов. Массовое жилищное строительство – так называемые типовые серии домов сильно разбавили и размыли ожидаемую самость, целостность и равновесие города. Столица разрастается как на дрожжах, сметая своими новыми границами девственные леса и поглощая все новые деревеньки, села и поселки. Ясное всем прежде название Подмосковье утратило свое первоначальное значение.
Власть же, или точнее – ее олицетворение, расположилась в центре мегаполиса, как и полагается центральной власти, указывая оттуда, что и где строить.
Власть – не Господь Бог и, случается, допускает ошибки. Она же их по-своему исправляет.
Бывает, новая власть дает распоряжение снести грандиозное сооружение, воздвигнутое усилиями прежней власти. На месте взорванного архитектурного шедевра появляется бассейн общественного пользования.
Затем приходит иная власть и повелевает убрать бассейн и вновь воздвигнуть тот самый шедевр. Происходит восстановление исторической справедливости… До поры до времени, конечно. Во власти ведь тоже люди, а человек грешен и непостоянен.
История помнит случай, когда волею власти с лица земли сметались целые города. Это происходило даже, казалось бы, в просвещенном прошлом веке (Дрезден, Хиросима, Нагасаки…).
Катаклизмам и стихиям не под силу так прицельно наносить раны телу и душе человечества, как это с легкостью удается власти.
Вот и получается, что она (власть) одной рукой сносит – другой возводит.
Человечество – в ожидании третьей руки. Руки свыше, хватающей сносящую, которой должно стать общественное мнение.

Автор – руководитель Duvils Group

ПРОЕКТ ДОМА-МОНУМЕНТА
ДЛЯ ФЕДОРА БОНДАРЧУКА

Семеро в лодке, не считая Иофана

Текст: Анатолий Белов

Сталинское ар-деко в исполнении студентов МАрхИ

Возможен ли сталинизм без Сталина? В смысле – полноценное сталинское ар-деко? Что побудило меня задаться таким вопросом? Дело в том, что за последние три-четыре года в Архитектурном институте появилось несколько студентов, чьи проекты явно наследуют сталинской архитектуре. Кто-то из них ограничивается одним проектом, а кто-то, напротив, всячески декларирует свою приверженность традициям: пишет тексты, создает сайты и все подряд стилизует под сталинизм. Но прежде чем разобрать эти проекты, интересно было бы понять причины, вызвавшие столь неожиданный всплеск интереса к сталинскому ампиру.

Причин, на мой взгляд, две. Первая заключается в коммерческом потенциале стиля, а он огромен. Спрос на декорированную архитектуру сегодня велик – наиболее востребована она в сфере элитного жилья и усадебного строительства. А из наших мэтров в «неосталинизме» почти никто не работает – то есть ниша свободна. Есть и другой фактор, доказывающий рентабельность темы. В последнее время к нам зачастили иностранцы (Фостер, Хадид, Курокава), и все они хотят строить. А большая часть наших архитекторов проектирует в том же стиле, что и приезжие знаменитости. И зачем тогда нашему заказчику какие-то местные «западники», если к нему в дверь с обезоруживающей улыбкой стучится реальный Запад? А вот противопоставить куль-

Слева: «Дети Иофана», проект дома Федора Бондарчука. Справа: Никита Голышев, проект жилого дома. Рядом – жилой дом на площади Восстания (архитекторы Михаил Посохин, Ашот Мндоянц. 1948)

турной интервенции Запада классику мы можем: кто в Европе умеет рисовать капитель? Один Квинлан Терри. А у нас в МАрхИ студентов этому еще на первых курсах учат!

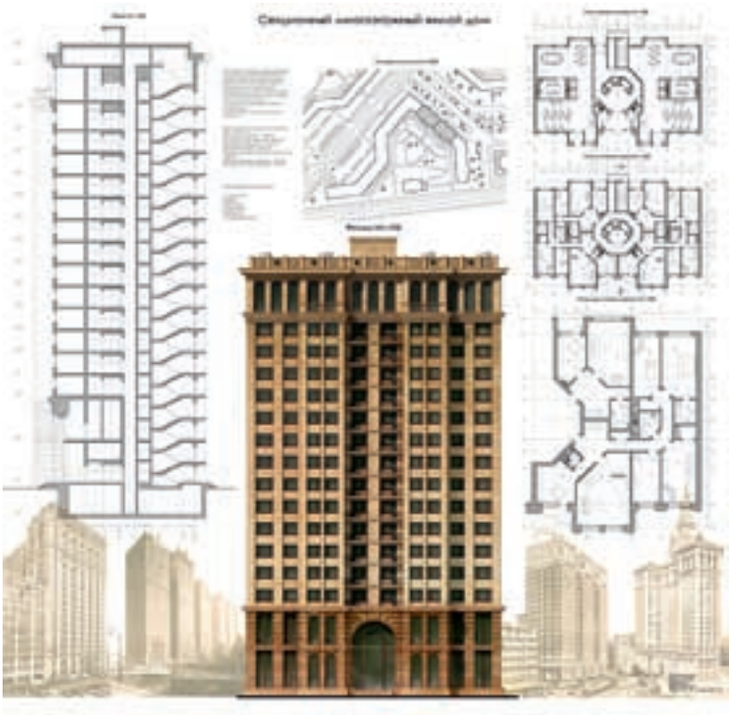
Вторая причина – политическая. Тут все проще. При президенте Путине страна вернула себе былой авторитет на мировой арене. Народ стал уважать себя, свою страну, у него просыпается национальное самосознание. Имперские настроения не обошли стороной и представителей интеллигенции.

А как еще начинающему архитектору их выразить? Не стекляшки же вычерчивать. Хотя я не утверждаю, что все, кто тяготеют к традиционализму, обязательно ратуют за империю… Забавно, что сами студенты-«неосталинисты» говорят, что им просто-напросто интересен этот период. И правильно: кто же признает, что для него на первом месте деньги или возрождение русской империи? Обе эти декларации элементарно вызовут бурю негодования: первая – в творческой среде, вторая – у либералов.

Итак… Никита Голышев оформил жилой дом под сталинскую высотку: центр композиции формирует башня, увенчанная шпилем, по бокам от нее симметрично расходятся два блока с этажностью поменьше. Фасады сделаны довольно лаконично и со вкусом: мощь объема подчеркивают пилястры, идущие от цоколя здания до самого верха, местами их пересекают массивные карнизы. В пропорциях очевидных огрехов вроде бы нет, хотя элемент неказистости и присутствует.

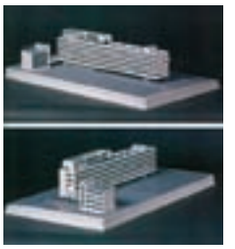
Дмитрий Светлов спроектировал жилой дом скорее в традициях американского ар-деко. Дом имеет башенную структуру, но с боков к нему ничего не прилеплено. Вертикальность композиции задает заглубление по центру главного фасада, растянутое на всю высоту здания. Похожий прием использовал Луис Салливан в здании Union Trust Building в Сент-Луисе (1883). Только у Салливана заглубление шло от цоколя, а у Светлова оно и его разрывает. Что же позволяет нам отнести этот проект к «неосталинизму»? Да то, что и сам сталинизм частично срисован с американского ар-деко. Как стилизация проект представляется вполне удовлетворительным, а особенно трогает то, с каким тщанием автор выбирал материал наружной облицовки – то ли это песчаник, то ли туф. В любом случае цвет у здания вполне себе «сталинский».

Гараж Максима Неймохова на Петровке выполнен в очень строгой, сухой стилистике, характерной для сталинской архитектуры середины 1950-х. Его прообразом можно считать универмаг «Детский мир» Алексея Душкина (1957). А вот гараж Никиты Витика на площади Гагарина напоминает уже гибрид Дворца Советов Бориса Иофана (1933) и Академии Фрунзе Льва Руднева (1937): фасады удеданы кессонами и издалека выглядят как вафли с квадратными ячейками. А к одному из торцов приделана башня цилиндрической формы. Что ж, остроумно и более чем уместно в контексте. Но вместе с тем как-то сыро… Возможно, положение исправили бы декоративные элементы или какие-



Слева: Дмитрий Светлов, проект жилого дома
Справа: Union Trust Building (архитектор Луис Салливан, Сент-Луис, США, 1883)

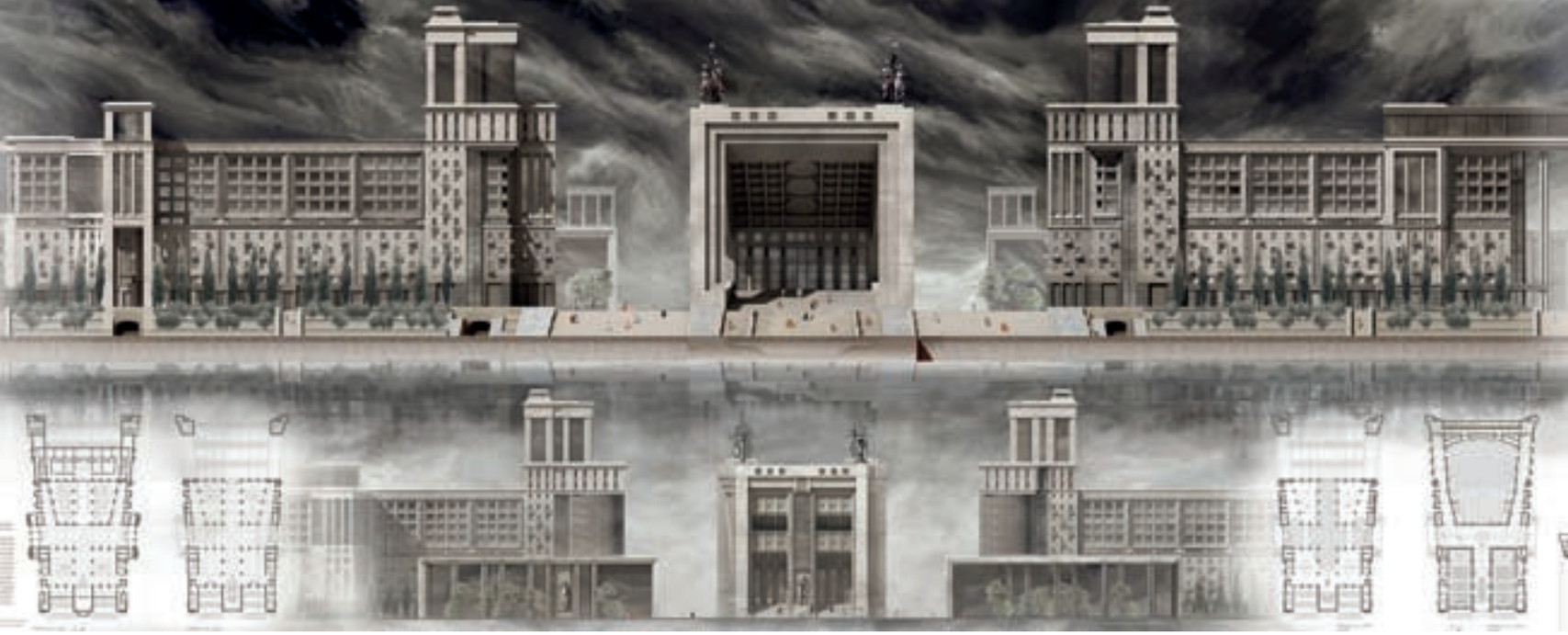
Вверху: Анатолий Белов, проект жилого дома
Внизу: Никита Витик, проект гаража. Справа: здание «Детского мира» на Лубянке (архитектор Алексей Душкин, 1954)
Справа внизу: дом Наркомфина (архитектор Моисей Гинзбург. 1930)



нибудь скульптурные композиции. Как-либо оценивать свой проект мне здесь не очень удобно: критика в любом случае будет субъективной. Наиболее же последовательны в своих пристрастиях участники группы «Дети Иофана». Из названия следует, что их кумиром является Борис Иофан, автор главного, но так и не построенного здания сталинской эпохи – Дворца Советов. Они сделали в «неосталинизме» две инсталляции для фестивалей: «Город-крепость» и «Шаман-город», но есть еще дипломный проект Степана Липгарта и два проекта для конкурса «Дом для звезды» (2006 и 2007). Самый интересный из них, на мой взгляд, – диплом Липгарта.

Это многофункциональный комплекс на набережной Тараса Шевченко, на месте Бадаевского завода. Доминирует в композиции Центр культуры и искусства. Главный его фасад представляет собой гигантскую раму, образованную двумя мощными столбами, в которых размещаются лестнично-лифтовые узлы, и перекрывающим их аттиковым этажом. Входная группа заглублена относительно рамы метров на двадцать. Над этим пространством (назовем его «антипортиком») нависает, как здоровенное бетонное брюхо, наклоненная градусов на тридцать стена, украшенная крупными, брутальными кессонами. В «брюхе» находится концертный зал на 1000 человек. Забавно, что во всем этом чувствуется что-то мельниковское: в Клубе Русакова зрительные ряды тоже выпирают на главном фасаде массивными блоками со скошенными нижними плоскостями.

Сначала я думал, что кессонированное брюхо – вещь стопроцентно новаторская. Но потом порылся в периодике и обнаружил как минимум три аналога. Дом ВЦСПС Александра Власова на Ленинском проспекте (1937): грузный кессонированный карниз размером с этаж, под которым этажерками выстраиваются тоненькие, словно игрушечные, помпейские колонны. А водная станция «Дина-



Вверху: «Дети Иофана», проект многофункционального комплекса на набережной Тараса Шевченко
Внизу справа: водная станция «Динамо» (архитектор Георгий Мовчан, 1938)

мо» Григория Мовчана (1938) и эскиз театра Мейерхольда Георгия Гольца (1933) по форме и вовсе идентичны зданию Липгарта. Ну хоть и не новаторство, но все равно здорово.
Специфика представления проектов «иофанами» заслуживает отдельного разбора. Среди студентов они первые (и пока единственные), кто так умело сочетает компьютерную подачу с ручной. При этом их манера запоминающаяся и оригинальная: фон рисуется гуашью, затем сканируется и компонуется в фотошопе на планшете с экспозицией. Холодное колористическое решение антуража, основные цвета (иссиня-черный, серый, фиолетовый), размашистость мазков – все это вызывает ассоциации с аутентичной подачей сталинской эпохи. Но и архитектура рядом с такой подачей смотрится отнюдь не блекло.
Из инсталляций наиболее любопытными представляются «Врата духов». Это три побеленные и скрепленные между собой деревянные арки, которые раскрываются на Байкал. На верхушках арок закреплены красные флаги, живописно развевающиеся на ветру. На ночных кадрах они явственно напоминают языки пламени. Этим проектом Липгарт и Кондаков продемонстрировали блестящее чувство пространства: водруженные на верхушку холма «Врата» производят совершенно мистическое впечатление. Хотя связи со сталинизмом тут маловато, разве что есть нечто от парадов 1930-х годов. Да и без декоративности не обошлось: арки венчают сильно упрощенные в пропорциях антаблементы.
«Дом Андрона Кончаловского» был чуть ли не первым опусом «иофанов» в «неосталинизме», а первый блин, как известно, комом. Проект занятный, но ляпов и несуразностей в нем слишком много, чтобы подвергать его вдумчивой критике. А вот «Дом Федора Бондарчука» – это их последнее произведение. И наверное, наиболее программное. Я бы даже назвал его манифестационным. Но архитектура тут настолько странная, что я даже не знаю, как ее описать. Формально привязка к сталинскому ар-деко присутствует: контраст горизонтали пропилей и вертикали самого дома явно отсылает к павильону СССР Иофана на Парижской выставке 1937 года.
Но детали, детали! С ними произошло что-то необъяснимое: они раздулись, распухли, погрубели. Подобная брутальность еще относительно неплохо смотрится в экстерьере пропилей: это две стены с крупным рустом, смахивающим на костяшки домино. Постепенно они превращаются в колоннаду, которая формирует небольшую пьяцетту

с памятником Бондарчуку в центре. Однако облик самого дома оставляет желать лучшего: неуклюжая бетонная консоль, выдвигающаяся из главного фасада эдаким шнобелем, и восьмидесятнические окна а-ля Юрий Платонов перечеркивают, на мой взгляд, почти все достоинства пропилей. Для меня этот проект – скорее издевательство над сталинизмом, чем стилизация под него. А напоминает он такую, знаете ли, типично «моспроектовскую» реконструкцию: уважение к наследию имеется, но руки кривенькие. Тем не менее вещь важная: это первый проект «иофанов», в котором они позволили себе напрямую цитировать своего кумира.
…В общем, для качественной стилизации одного чувства формы и заинтересованности мало – необходимо еще умение красиво прорисовывать детали. А с этим пока беда. Но все впереди. Путь, избранный студентами, мне кажется правильным. И это главное. **ftr**

Дмитрий Чечулин. Конкурсный проект Управления Аэрофлота на площади Белорусского вокзала. 1934

© МУАР

Белый дом серого времени

Текст: Лара Копылова (DOMUS),
Иван Матвеев
Иллюстрация: МУАР

Таких смысловых кульбитов история русской архитектуры прежде не знала. Проект, воспевавший подвиги советских летчиков, оказался по духу самым нацистским во всей архитектурной сталиниаде. Воплощен же он был лишь спустя 40 лет, совсем в другую эпоху, – но очень похоже и тем же зодчим. Был сначала символом брежневского застоя, потом – на два года – стал символом свободы, а потом вернулся почти к отправной точке, оставив от тех двух лет имя чужого символа власти...

В 20-е годы в Большом театре ставили «Бориса Годунова». На парчу денег не хватало, и тогда юный художник Дмитрий Чечулин придумал выкрасить костюмы алюминиевой краской. Сверкали, говорят, как настоящие.
Профессора ВХУТЕМАСа, склонные к конструктивизму, не оценили талантов юноши, обожавшего, в свою очередь, передвижников. Зато его полюбил Щусев. Наставлял, благословил, мастерскую свою передал, а главное – научил чуять дух времени. Правда, так ловко, как мэтр – и в модерне, и в конструктивизме, и в сталинском ампире – Чечулин работать не умел, но зато в последнем был дока. Высотка на Котельниках, «Пекин», метро «Динамо» – отменные образцы стиля, мало вяжущиеся с оценкой современного критика, данной Чечулину: «послушный бездарный исполнитель». После недавней (2002 года) выставки в Музее архитектуры ему вообще здорово досталось: жирный, жадный, ловкий, ушлый,

тупой, примитивный – как только его не обозвали! Понятно, что в лице Чечулина критики обличают эпоху. Отвратительную, как руки брадобрея, в которую архитектура воплощала не авторское, а государственное начало и которой Чечулин был действительно ярким представителем. Знаменательно, что после Сталина он так уже не смог: на месте своей неосуществленной высотки построил унылую гостиницу «Россия», на месте непостроенного Дворца Советов – разлил лужу бассейна «Москва». А вот свой проект 1934 года протащил-таки в 70-е!

...Дом Аэрофлота напротив Белорусского вокзала задумывался как монумент советской авиации, спасшей экипаж ледокола «Челюскин». Основной его объем – пластина с закругленными торцами – выглядел весьма авиационно: обтекаемо и аэродинамично. От самолетов же – иллюминаторы портала и упругие капители колонн. А на них – фигуры семи летчиков. Скульптурных портретов живых современников не было ни на одном здании сталинской эпохи, но тут это понятно: проект олицетворял тот почти эротический энтузиазм, который царил в стране по отношению к летчикам. Да и сам был вполне эротичен – за счет обтекаемости, ажурности, ярусности и какой-то очевидной «заграничности»...

Он совершенно не похож на все то, что было вокруг, – ни на «пролетарскую классику» Фомина, ни на постконструктивизм Руднева, ни на неоренессанс Жолтовского. В нем есть самое настоящее ар-деко: вытянутые арки, квадратная сетка фасада, скругленность углов, обилие стекла. Но все это соединяется с не менее явными чертами архитектуры нацистской: помпезность, симметричность, декорированность, а уж эмблема Аэрофлота наверху читается исключительно как фашистский орел. Сладость подачи (нарядная публика, лакированные авто, глянец асфальта) явственно соседствует с тревожностью: шарят по небу прожектора, тянут руки аллегорические статуи...

А дальше произошло нечто совершенно удивительное: проект был отправлен в стол, а реализован в другую эпоху, в другом месте, с другой функцией – но тем же зодчим! Он легко узнается в здании Дома Правительства РФ, хотя изменения тоже характерны. Силуэт, скругления торцов, формы основных частей, квадраты окон – все это осталось. Но явились призмы флигелей, кубик-башенка, частокол верхнего яруса, корреспондирующий с забором пилонов в стилобате. Ушли ажурность, легкость, декоративность – вместо них явились строгость, монументальность и монолитность. Вытянутость сменилась приземленностью, овальность – квадратностью, авиационность – корабельностью, – даром что встал дом над рекою.

Любопытно, что не только постановка его вдоль реки, но и сама по себе форма – нечто круглящееся над мощным стилобатом – отсылают к проектам Дворца Советов. Как, впрочем, и название. Правда, именно поза его, равно как и его полная индифферентность к соседям – зданию СЭВ и гостинице «Украина», – вызвала немало нареканий. Чечулин называл это «островным принципом» – что характерно вообще для модернизма. Другое дело, что дом обладает центральной симметрией (тоталитарность у него в крови), а рядом летит Кутузовский проспект – и в этом смысле здание пространства не держит, проскальзывает. Но автор и не собирался никуда вписываться: достал из сундука завалявшееся, стряхнул пыль и водрузил на полку. Характерно, что часы на башенке остановились от первого танкового залпа в октябре 93-го – и были заменены гербом РФ.

Облицован дом белым мрамором, что, конечно, благородно, но в московском климате он быстро сереет. Забавно, что в советские времена никому и в голову не приходило назвать его Белым домом – но после того, как Штаты из врага превратились в образец для подражания, имя это надежно приросло к зданию. Демократию оно и символизировало – правда, всего два года. В 1993 году, во время абсурдного штурма, никто об архитектуре не всхлипнул. Теперь же, с переездом сюда нового премьера, здание прирастет новой символикой. Но еще любопытнее, что на площади Белорусского вокзала строится офисный комплекс, который был описан как образец запоздало проклюнувшегося «путинского» стиля в архитектуре. И который своими скругленными углами удивительно напоминает чечулинский дом Аэрофлота... ftr

Дмитрий Чечулин, Павел Штеллер и др. Дом Советов РСФСР на Краснопресненской набережной. 1965–1979

«Каза ди фашо» – здание горкома партии (1932)

ЦВЕТ ТЕРРАНЬИ.

Модернизм на отдыхе

Текст: Сергей Никитин
Фото: Ирина Кайдалина

В конце 1920-х в Италии появилось поколение молодых мастеров. Либера, Пагано, Моретти и Ридольфи создали свой собственный вариант современной архитектуры, который стал известен как итальянский рационализм. Самой яркой звездой этого направления был Джузеппе Терраньи (1904–1943), успевший за свою недолгую жизнь построить несколько шедевров, в том числе дом фашистской партии в Комо.

Жилой дом «Новокомум» (1928) явственно напоминает московский Клуб Зуева на Лесной. Только построен он все-таки годом раньше

Памятник павшим в Первой мировой войне (1933) спроектирован под влиянием главного итальянского футуриста Антонио Сант-Элиа

Место отдыха

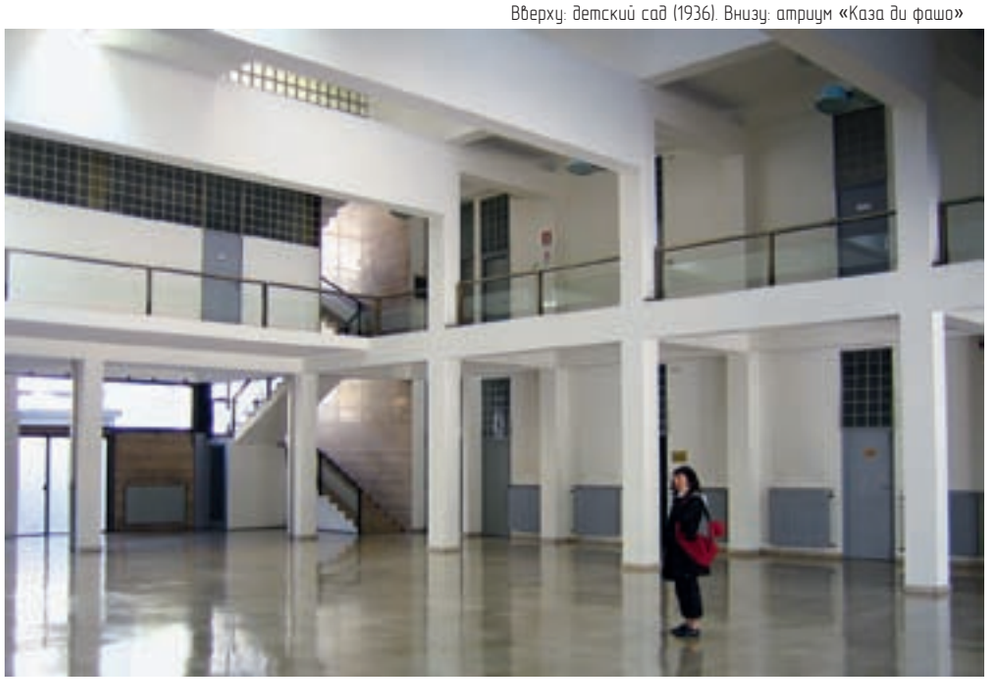
Самые значимые постройки Джузеппе Терраньи находятся в небольшом ломбардском городе Комо, на севере Италии, близ границы со Швейцарией. Этот городок знаменит прежде всего одноименным озером, на котором издревле любили жить и отдыхать знаменитые личности. Здесь родились древнеримские интеллектуалы Плинии, архитектор-футурист Сант-Элиа, ныне тут любят подолгу останавливаться актер Джордж Клуни и певица Мадонна. В отличие от южной Италии, Комо – вслед за Венецией – культивирует не жару, а изысканную негу, прохладу, отдохновение. Атмосфера и стиль жизни – «праздничная деловитость» – определяют архитектурный облик центра, ныне застроенного, как бы у нас выразились, «в стилях». В этой архитектурной суматохе рубежа XIX–XX веков неоклассика незаметно переходит в необарокко, неготику и обратно: в неоклассику и итальянский модерн – стиль «либерти». Терраньи начинает строить здесь в 1926 году, окончив миланский Политехнический институт – главную архитектурную кузницу Италии. Одна из его первых работ – перестройка фасада гостиницы «Метрополь-Свис» (1926–1927) на главной площади. Что такое главная площадь Комо? Зимой и летом ее восточную сторону украшают качающиеся яхты. Гостиница должна была понравиться богатой публике своей сдержанной и в то же время неоклассической манерой, вставками гротесковых деталей. Некоторая скованность – не только свойство молодости, она обусловлена и тем фактом, что фасад делался для старого, уже существующего здания. В другой ранней постройке Терраньи, гостинице «Почта», явственно чувствуются уроки венской архитектуры – Лооса и Вагнера.

Модернизм домашний

Два года спустя 24-летний Терраньи заканчивает строительство жилого дома «Новокомум», своей первой знаковой работы. Постройка связана со скандальным и в то же время характерным для истории современной архитектуры (в частности, московской) эпизодом: на конкурс Терраньи представил проект в традиционалистском ключе, сходном с соседним домом, построенным незадолго другим архитектором. Но в результате в центре курортного городка появилось здание в рационалистическом стиле. «Ну и что нам теперь делать?» – заказчики и горожане потребовали сноса здания, в муниципалитете была собрана специальная комиссия, которая в конце концов решила все-таки сохранить постройку. Полагаю, дело не обошлось без участия старшего брата Терраньи, Аттилио, – известного фашистского политика, также архитектора по образованию, который чуть позже, в 1934–1943 годах, был мэром Комо. Запоминающееся объемное решение со стеклянным цилиндром, прорезанным пластиной балкона, историки справедливо сопоставляют с московским Клубом Зуева Ильи Голосова, законченным в 1929-м – через год после «Новокомума», и немного более поздним зданием Наркомзема Алексея Щусева, тоже в Москве.

Интересно вот еще что. Характерные для рационализма элементы, в частности аскетичные балконные решетки, здесь напоминают не об абстрактных заграждениях на палубах кораблей, а о конкретных яхтах

Вверху: детский сад (1936). Внизу: атриум «Каза ди фашо»



на озере. И еще одна важная вещь: вопреки растиражированной классической черно-белой фотографии 1920-х годов, на которой он предстает довольно агрессивной формальной композицией, реальный «Новокомум» производит вполне домашнее впечатление. Недавно восстановленная оригинальная окраска – сероватых, пастельных тонов, а стилобат и первый этаж покрыты мрамором и мраморной соломкой. Это не офис, а настоящий жилой дом.

Форум отдыхающих

В самом центре Комо, на тогдашней площади Империи, Терраньи построил «Каза ди фашо» – городской комитет фашистской партии. Главное в «Каза ди фашо» – не выполнение каких-то административных функций, а создание принципиально новой среды, новой ситуации. В его центре – многометровый атриум, занимающий едва ли не большую часть всего объема здания. Белые стены, зеленоватый стеклобетон. Но это не зал

Терраньи ходил по улицам опустевшего Комо и просил у всех прощения за то, что своим искусством поддерживал фашизм...

ожидания, не место записи на прием к чиновнику, а застекленная агора; вне сомнения, по мысли архитектора, здесь должны были собираться «лучшие головы», чтобы обсудить политику своего города. Не случайно проход через фашистский дом был всегда открыт (к сожалению, после войны здание было отдано органам правопорядка, в связи с чем теперь попасть внутрь можно, только получив специальное разрешение). Еще одна семиотически значимая деталь: дом поставлен напротив главного городского собора – точнее, напротив его алтарной части – и таким образом «новый центр» противопоставлен традиционному центру города.
Итак, в центре здания – огромный атриум, в дневное время залитый ровным прохладным серовато-зеленым светом (эта гамма хорошо знакома нам по советским и европейским интерьерам 1960–1970-х годов). Буквально через несколько мгновений становится ясно, что если это и форум, то форум отдыхающих; просто очень приятное, прохладное место. Атриум при курзале. Какая тут еще политика? Какие демонстрации? Эстетизированный отдых. В здании нет ничего от фашистского митинга (для которого он, вообще-то, строился) и бережливого рационализма европейских мастеров рубежа 1920–1930-х годов. В какой-то степени это совершенно антидогматическая архитектура, которая в упрощенных формах кубизма увидела прежде всего (и только!) красоту.

Как и русский конструктивизм, «Каза ди фашо» традиционно представляют себе «черно-белым», четким, линейным. В реальности впечатление совсем иное. Вопреки принципам Ле Корбюзье, культивировавшего эстетическую выразительность железобетонной поверхности, стены дома облицованы тонкими листками карского (по-итальянски – это карсо; это не каррарский мрамор) мрамора с рыжеватым и сероватым оттенками. Из горного местечка Брунате, находящегося в нескольких сотнях метров от швейцарской границы, открывается знаменитый вид на Комо: оттуда «Каза ди фашо» выглядит сверкающим высокотехнологичным гаджетом, случайно очутившимся в антикварной лавке старьевщика. Если русский конструктивизм можно сравнить с рабочим-тружеником, а Баухауз – с математикой и инженерией, то модернизм «Каза ди фашо» следует сравнить с релаксом и гедонизмом. Несмотря на это, именно за следование иностранной моде Терраньи больше всего критиковали современники, прежде всего люди из круга неоклассика Марчелло Пьячентини, ведущей фигуры в итальянском строительстве 1920–1930-х годов.

Памятник

В 1930-х годах Терраньи продолжает активно работать, участвует в крупнейших конкурсах. В 1932 году он оформил зал «О» римской «Выставки фашистской революции» – главного проекта, посвященного 10-летию прихода к власти Бенито Муссолини; по справедливому утверждению знаменитого историка Бруно Дзеви, дизайн выставки был пронизан идеями русского конструктивизма, прежде всего Эля Лисицкого. И все же основные работы Терраньи приходятся на север Италии – Милан и Комо: несколько жилых домов (совместно с Пьетро Линжери), виллы и удивительный детский сад Сант-Элиа со стеклянными стенами. С именем пророка и героя итальянского модернизма Антонио Сант-Элиа связана и другая, наверное, самая необычная постройка Терраньи – памятник павшим в Первой мировой войне в небольшом парке на берегу озера, который он создал в 1930–1933 годах совместно с уже упомянутым старшим братом Аттилио Терраньи. Архитектура мощного башенного объема пронизана символизмом и футуристическими фантазиями самого Антонио Сант-Элиа, фраза которого выбита на озерном фасаде монумента: «Сегодня ночью мы будем спать в Триесте или в раю вместе с героями». В лапидарной трактовке образов средневековой архитектуры слышится влияние и модного в Европе (и практически неизвестного в тогдашней Италии) ар-деко; в ракурсах вспоминается и веснинский проект Наркомтяжпрома на Красной площади. Пожалуй, это самая риторическая постройка мастера.

Конец и забвение

В 1939 году Терраньи был призван на фронт. Для идейного фашиста, воспитанного в футуристические и националистические 20-е, война казалась естественным и романтичным мушкетерством. Однако реальная Вторая мировая для итальянских солдат оказалась совсем другой. Мягкий и добрый человек (каким его вспоминали друзья), Терраньи попал на русский фронт, а страшную зиму 1942–1943 годов провел на Дону. Демобилизованный по состоянию здоровья, с расшатанными нервами, он вернулся в Италию в те дни, когда власть Муссолини была свергнута. Он ходил по улицам опустевшего Комо и просил у всех прощения за то, что своим искусством поддерживал фашизм. Вскоре он умер, упав с лестницы в доме своей невесты. Ему было 39 лет.

После войны к Терраньи, как и к большинству его коллег, пришло забвение: ярлык «фашистская архитектура» не оставлял сомнений, а что уж говорить о человеке, который строил штаб-квартиры муссолиниевской партии? Известный миланский архитектор Глауко Маркеджани, учившийся в Политехническом в начале 1950-х годов, рассказывал мне, что преподаватели даже не упоминали имени Терраньи, в то время как Ле Корбюзье и практика советского авангарда уже активно изучались. Возвращение творчества Терраньи в Италию и в мировую историю архитектуры началось лишь в 1970-х годах, во многом из-за границы – благодаря работам знаменитого американского историка Питера Айзенмана, автора нескольких монографий, который, по его собственному признанию, настолько погрузился в творчество итальянского мастера, что стал чувствовать себя «вторым Терраньи». ftr

Об авторе: Сергей Никитин – доцент кафедры истории искусств МГПУ, руководитель Культурологических прогулок по Москве (www.Moskultprog.ru).

ЕЩЕ В КОМО:

ТРУД И ГЕДОНИЗМ

На берегу озера, по соседству с монументом, – скромное и с улицы неприметное здание знаменитого в Италии клуба гребцов Canottieri di Lario. Оно возведено в 1931 году по проекту инженера Джанни Мантеро, много строившего в Комо в межвоенный период. По типологии это скорее модернистская вилла, в которой на месте спален и прочих игровых пространств – спортзалы и бассейны для отработки правильного движения гребцов. В центре – большой холл, в огромном окне которого – горы, яхты и небольшая пристань с трамплином. Этот трамплин, наверное, одна из самых изысканных форм в итальянском модернизме. «Чистый бетон» Мантеро обладает поистине скульптурной выразительностью и нежностью.

Здание правительства Московской области
Адрес: Красногорский район, Мякининская пойма
Проектировщик: ПТАМ архитектора Михаила Хазанова
Архитекторы: М. Хазанов, Д. Размахнин, Т. Серебренникова, Э. Миль, А. Нагавицын, М. Калашникова, П. Никишин, Д. Дегтярев, О. Гульнева, Э. Местецкая, А. Одуд, А. Филимонов
Конструкторы: Н. Канчели, А. Тимофеевич, Ю. Цветков
Заказчик: правительство Московской области
2002–2008

Фото: Юрий Пальмин © Агентство архитектурной фотографии FORMAT

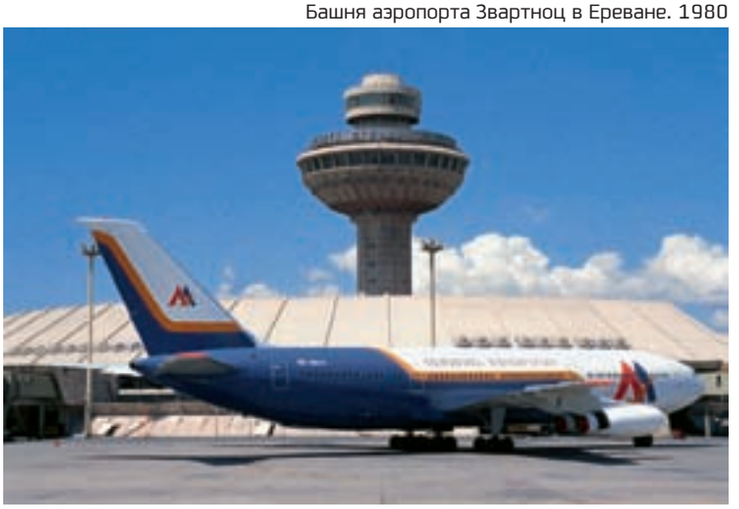
НАЙДИТЕ 10 ОТЛИЧИЙ

Русские авангардисты любили мыслить масштабно. Очарованные возможностями машинного века, они рисовали необычные виды футуристических городов – динамичные, похожие на огромные механизмы. Здание правительства Московской области, вознесшееся над МКАД, будто сошло с тех рисунков. Тут не только мощь формы и широта жеста, но и возможность разобрать здание на составляющие – как и положено поступать с механизмами вне зависимости от их размеров. А детали тут не то чтобы серийные, но хорошо узнаваемые. Так, «гвоздик» начальственного крыла напомнит не одну смотровую площадку или диспетчерскую башню аэропорта, а со стеклянными фасадами двоякой кривизны в Европе экспериментируют еще с начала 2000-х годов, превращая их в мягкий подол юбки, под которым скрываются эффектные атриумы, уменьшающие теплопотери. ftr

Эрик ван Эгераат. Сити-холл в Алфене-на-Рейне. 2002

Coop Himmelb(l)au. Здание BMW-Welt в Мюнхене. 2007

Башня аэропорта Звартноц в Ереване. 1980



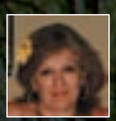
Яков Чернихов. Лист из серии «Архитектурные фантазии. 101 композиция». 1925–1933

Модератор:
Эрика Маркарова

Как только я не выхожу из дому два дня в силу домашних дел, вокруг тут же вырастают новые здания! Одно из таких сооружений особенно привлекло мое внимание – висячий ресторан на Живописном мосту. То ли люстра, то ли НЛО, зацепившееся за радугу и уютно там устроившееся. Я была поражена полетом фантазии автора. Выяснилось, что архитектор Николай Шумаков решил подвесить под аркой моста ресторан, представляющий из себя стеклянную капсулу 34 метра длиной и 23 – шириной. В нем два этажа: ресторан и смотровая площадка – на верхнем, технические службы – на нижнем. Площадка рассчитана на 100 человек – такое ограничение поставили архитекторам пожарные. Подниматься желающим поесть под небесами предстоит на лифте, который будет ходить по правой «ноге» моста. На лифте будет путешествовать и еда, а кухня останется на земле. Это уникальное, не имеющее аналогов в мире сооружение я решила обсудить с моими знакомыми домохозяйками.

Стелла

Дело было вечером. Я увидела в небе святящуюся радугу, но не из семи цветов. А по центру опускалась люстра, освещающая все вокруг. По-моему, это шедевр – но не архитектуры (в ней я слаба и судить не могу), а человеческой мысли!



Нара

Вряд ли это сооружение будет претендовать на звание одного из семи чудес света, но десятым я бы его назвала! В моем воображении всплывают висячие сады Семирамиды – а наши потомки будут видеть «висячие рестораны Москвы» Но моя стихия – земля, я люблю ощущать под ногами опору, поэтому я вряд ли буду чувствовать себя комфортно в таком заведении…

Яна

Ну вот: стоит кому-нибудь сотворить что-то суперооригинальное, и более того – внедрить это в нашу серую обыденность, так сразу слышишь: «Неудобно, некомфортно!». Это хай-тек, девочки, высокие технологии, это завтрашний день! Мне очень нравится. А вы представьте только, какой вид открывается посетителям!!!

Зоя

Как бывшему инженеру, мне мост кажется слишком тяжелым. Он какой-то недостаточно летящий и воздушный – даже грубее Крымского. Смущает и слишком яркий цвет. Зато из Строгино – над деревьями – красиво! И если идти по мосту с внешней стороны – шума нет. То есть ограждения не только красивые, но еще и работают! И опор нет, а значит, Москва-река не страдает, что тоже приятно.

Фото: Андрей Ягубский

Живописный мост
Проектная организация: ОАО «Метрогипротранс»
Архитекторы: Николай Шумаков, Наталья Шурыгина, Дмитрий Ерохин, Наталия Трусилова, Екатерина Мирохина
Конструкторы: Борис Монов, Олег Шишов, Дмитрий Лабузов, Сергей Горбачев, Давид Хилькевич
Генподрядчик: ОАО «Мосметрострой», ОАО «Мостотрест»
Заказчик: ООО «Организатор»
2003–2008

Сергей Ткаченко

о доме в Хлыновском тупике

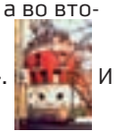
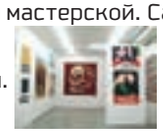
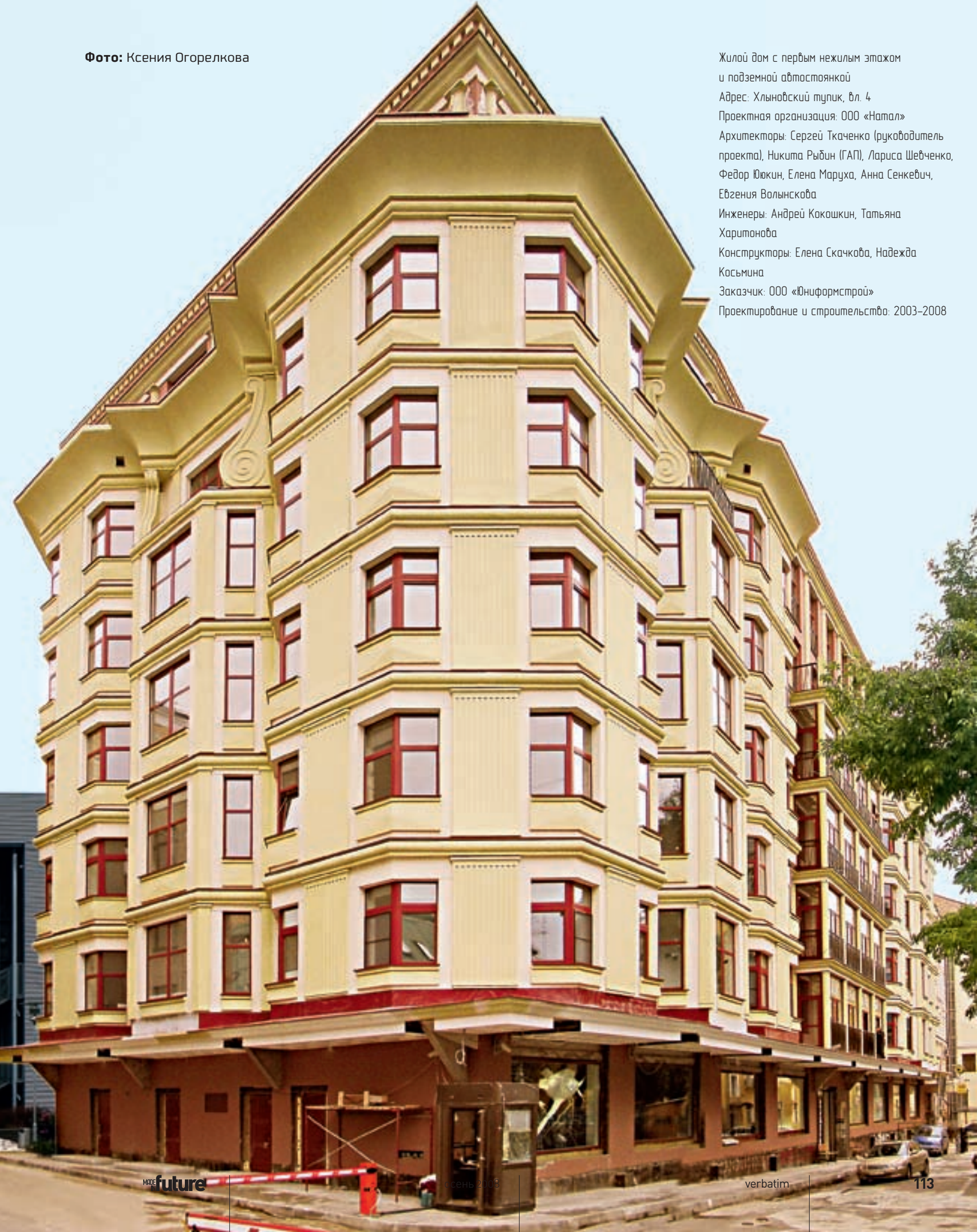
Как у любого коренного москвича, с каждым местом в Москве у меня что-то связано. В Хлыновском тупике, например, жила бабушкина подруга с Бестужевских курсов… Это вроде бы не важно, но от нее я знаю, что раньше это был не тупик, а переулок. И что когда-то там был Введенский монастырь, от которого оставалась церковь. Правда, в 30-е годы ее снесли и построили там школу. Один раз мы уже начинали проектировать на этом месте – не пошло. Потом здесь был утвержден проект, который делало бюро «Арт-Бля». Хороший был проект, интересный, он тоже блеснул бы – как рояль в кустах. Но, видимо, он чем-то напоминал «Макдоналдс» в Газетном – и в страхе испортить центр его отменили. Потому что у нас по-прежнему считается, что лучше серенькое и незаметненькое, чем то, что в глаза бросается. Но когда ты слышишь, что кто-то проектирует там, где ты начинал, – какие-то идеи автоматически в голову лезут… Участок сложный: узкий проезд, дом не воспринимается ниоткуда. А по понятиям чиновников, лучше ничего и нет. Можно было так и сделать – что-то незаметное. Но нездоровое желание делать все время что-то интересное нас точило. Каждый дом – как последний. Хотелось сделать вещь, которая заманит в переулок. Там же – если ехать по Никитской – вообще ничего увидеть не успеешь. А для пешехода эта точка зрения доступна. Проходит человек мимо створа тупика – и что-то вдруг мелькнет, блеснет… В первый раз пройдешь, а во второй – захочется посмотреть, а потом и подойти… Вот в чем была идея: завлечь пешехода очередным каким-то «чудом».  И заказчику «чуда» хотелось. Он был мудр и знал, что за архитектурой надо ходить к архитекторам, а не к тем, кто быстро и дешево сделает. Ему была нужна именно архитектура! А мы еще предложили скульптуру добавить: атлантов. Правда, наших скульпторов не взяли – и получилась немного карикатура. Но в каком-то смысле она отвечает той «фирменной» иронии, которая свойственна работам нашей мастерской. Самое же забавное, что в процессе проектирования мы не знали о том, что на первом этаже будет галерея Art4ru.  Но получилось интересно: атланты – а за ними Кабаков! Что касается традиционности облика здания, то мы никогда не потакаем вкусам заказчика, но и не упускаем возможности лишний раз отметить: смотрите, да это же здорово! Это же напоминает портик Малого Эрмитажа работы Лео фон Кленце! В конце концов, есть же вещи, которые обозначают искусство как для эстета, так и для самого массового зрителя?

Фото: Ксения Огорелкова



Жилой дом с первым нежилым этажом и подземной автостоянкой
Адрес: Хлыновский тупик, вл. 4
Проектная организация: ООО «Натал»
Архитекторы: Сергей Ткаченко (руководитель проекта), Никита Рыбин (ГАП), Лариса Шевченко, Федор Юкин, Елена Маруха, Анна Сенкевич, Евгения Волынскова
Инженеры: Андрей Кокошкин, Татьяна Харитонова
Конструкторы: Елена Скачкова, Надежда Косьмина
Заказчик: ООО «Юниформстрой»
Проектирование и строительство: 2003–2008

Ночлег в трубе

Текст: Мария Фадеева

Андреас Штраус. Мини-отель в Остерхайме (Австрия)

4 мая в парке небольшого городка на берегу Дуная вновь начала работать летняя малобюджетная гостиница Dasparkhotel. Сторонний наблюдатель, впервые увидевший ее, может подумать, что в парке проводились строительные работы и еще не успели вывезти мусор. Все из-за того, что три номера гостиницы устроены прямо в бетонных строительных трубах. Их диаметр – два метра, так что внутри помещаются лишь небольшая зона входа и двуспальная кровать, установленная в распор трубы.

Этот отель – изобретение Андреаса Штрауса, несколько лет назад выигравшего с ним в конкурсе инноваций культурного фонда KUPF, обеспечившего финансирование идеи (сами трубы предоставил местный производитель подобной стройпродукции C Bergmann). Поскольку их уже использовали по прямому назначению, но очистили, проект можно считать вполне экологичным.

Вес труб в 9,5 тонны обеспечивает устойчивость номера, а 20-сантиметровые стены – достаточная защита как от вандалов, так и от летней жары. Кроме спального места, в номере есть место для хранения багажа (под кроватью), одна электрическая розетка, также отель предоставляет постояльцам теплое одеяло и спальные мешки. Единственным украшением здесь является панно в дальнем торце, а для естественного освещения в каждой трубе сделано небольшое круглое окошко. Все остальные удобства – душ, туалет и буфет – находятся рядом.

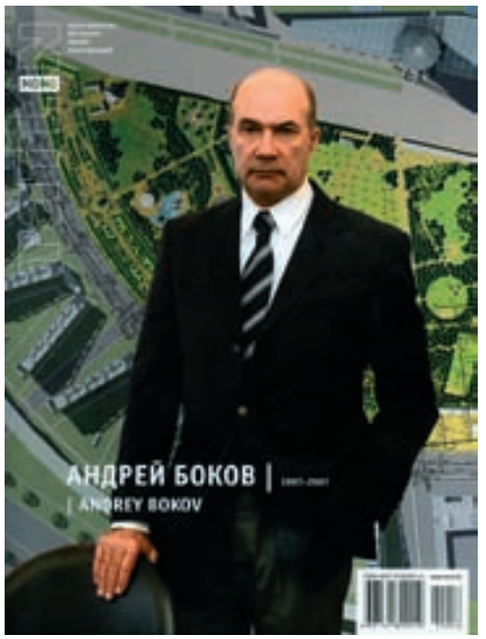
Гостиница пользуется большой популярностью у любителей каноэ. Чтобы остановиться здесь, достаточно зайти на сайт отеля и зарезервировать комнату. После этого будущий постоялец получает персональный код, которым и открывает свой номер. Тот же код позволяет оставлять комнату надежно закрытой в течение всего пребывания в отеле.

Еще одна инновация проекта – система оплаты проживания, выраженная в формуле «плати сколько хочешь». То есть вы сами определяете сумму, которую готовы оставить за предоставленный комфорт. Хотя на первый взгляд эта идея кажется ненадежной, отель работает уже третий сезон, а владельцы рассчитывают, что вскоре смогут организовать целую сеть подобных гостиниц. Впрочем, тут все зависит не только от финансов – не известно, согласятся ли исторические парки больших городов на эстетику бетонных труб. ftr

Текст: Олег Солнцев

Говорим «МНИИП» – подразумеваем «Боков»

40 лет четвертому «Моспроекту»



«Андрей Боков. 1997–2007». Монографический выпуск журнала TATLIN. 232 с., тираж 5 тыс. экз. – Екатеринбург, 2008

16 мая исполнилось 40 лет институту, чье официальное название еще недавно звучало просто устрашающе: МНИИПОКОСиЗ. Что расшифровывалось так: Московский научно-исследовательский и проектный институт объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения. Теперь – в духе времени – аббревиатура сократилась до ГУП МНИИП «Моспроект-4». А в нормальной жизни говорят так: «Четвертый Моспроект». А еще говорят: «Боков».

И это не только признание роли личности в общем деле и уж точно не подобострастное заискивание перед крупным начальником. Это теперь уже история: Андрей Боков руководит институтом 10 лет из 40. А работает он там аж с 1981 года! Поэтому и книжка, вышедшая аккурат к юбилею института, называется «Андрей Боков. 1997–2007».

Но парадокс в этом все равно есть. Приятно, что книжка вышла в серии авторских монографий (вслед за томами Скокана, Скуратова, Плоткина), – это означает, что в работах такого громадного института различим почерк, характер. С другой стороны, за каждым проектом действительно стоит труд множества людей – ярких индивидуальностей, самобытных мастеров. Поэтому в любом интервью Боков первым делом подчеркивает коллективность процесса. И в то же время советская обезличка, до сих пор витающая над иными «моспроектами», сказывается в их произведениях – тогда как проекты боковского института очевидно индивидуальны. Стадионы – в них виден изобретательский гений Дмитрия Буша. Магазины – ощутима интеллигентность Александра Тараненко. Больницы – это модернистский гуманизм Михаила Крышталя. Офисы – острота Вадима Ленока. Театры – образованность Сергея Романова…

Да, в этих работах нет того шика и пижонства, которые любит сегодня московская архитектура. Но надо понимать, что основные заказчики 4-го «Моспроекта» – город и государство. А с ними сильно не пошикуешь. С другой стороны, все это – объекты социального назначения, в которых роскошь и не является первой необходимостью. Но именно то, что эта сфера, бывшая в советское время образцом уныния и стандартности, обрела в проектах МНИИПа индивидуальность, форму, цвет, – вот это дорогого стоит.

Да, конечно, от каждой постройки хочется большей выделки, проработанности, звона. Их часто недостает – но зато какие это все масштабные работы! Стадионы, театры, музеи – кто бы еще справился с таким заказом. Книжка, кстати, удивительно адекватна этой ситуации: объекты на фотографиях все как один «завалены», верстка местами небрежна, интересные фрагменты гибнут в сгибе, комментарии к объектам читать трудно… Но при всем том – остается великолепное ощущение размаха, силы и разнообразия.

И это, наверное, самое главное: в каждой постройке 4-го «Моспроекта» различим жест. Пусть один, а не десять, пусть не доведен до совершенства, пусть кажется простоватым, но он внятен. Все знают, как трудно это в архитектуре, которая вся – компромисс: между художником и заказчиком, историей и современностью, средой и функцией… И все понимают, что тут нужна нечеловеческая воля, чтобы месседж не смазался и не потерялся. Тем более в Москве. Тем более в такую эпоху. ftr

Фото: Грант Петросян

Сиена, Италия

Ллорет де Мар, Испания

Фото: Грант Петросян

Человек, живущий на море, купается редко. А житель Парижа не каждый день ходит в Лувр. Путешественнику это странно. Он внимателен и одержим. Помимо того, что сулит ему путеводитель, он везде норовит обнаружить нечто свое, никем ранее не замеченное. Наткнувшись в приморском городке под Барселоной на эту церковь – постояно обновляемую, – мы тоже ничего не сумели узнать о ней в книжках. Но не оставить о ней заметки в дневнике нашего путешествия тоже было решительно невозможно. Так и родилась эта рубрика: «незаметки»...

Все простое гениально?

Молодые дизайнеры на Миланском мебельном салоне

Текст: Анастасия Рослова

Сюда приходят за «другим» дизайном: зеленым, дерзким и неповторяющимся. Здесь строят стенды из картона и шелковых платков, здесь смеются и много болтают – словно в стенах университета. Да так оно и есть: на Salone Satellite и в Zona Tortona во время Миланского мебельного салона выставляются вчерашние студенты, выпускники дизайн-академий и школ. Самые интересные из проектов 2008 года – перед вами.

Фото: Анна Семенюк

ОБ ИНТИМНОМ

Проект туалета Universal Toilet

Южная Корея

Почему-то в России тему инвалидов старательно обходят стороной: специальные лифты – невиданное диво, туалеты вроде есть – но только в торговых центрах… Это, наверное, потому, что в России просто нет инвалидов. А во всем мире они есть, и весь мир старается интегрировать людей с ограниченными возможностями в повседневную жизнь. Выпускники дейджинского университета Сеула Чангдук Ким и Йянгки Хонг решили внести свою лепту. Обычные уборные для инвалидов показались дизайнерам совсем неудобными, поэтому они создали свой универсальный туалет. Ключевое слово – универсальный, потому что пользоваться им могут все: и молодые люди, и пожилые, и те, кто с ограниченными возможностями. Схема использования чудо-туалета и ролик о том, как он создавался, – смотри на сайте.

universal-toilet.com

ДЕЛО – ТРУБА

Мебельные объекты OS

Франция

Марсельская дизайн-студия ON-SITE позиционирует себя как «однопроектное» бюро. История началась в 2002 году, когда Себастьен Виринк со товарищи сделали мебельный прототип из промышленных труб. Трубы гибкие – здакие большие шланги, поэтому их легко скручивать и сгибать, придавая им разную форму. Вот уже шесть лет, как «онсайтовцы» продвигают трубы в массы: делают из них инсталляции и скульптуры, интерьерную и уличную мебель. Массам, похоже, нравится – по крайней мере, у стенда ON-SITE посетителей было много.

www.os00.com

СЛОЖИЛ-РАЗЛОЖИЛ

Шезлонг Moссor и система для хранения Stocka

Япония

Японская студия Leif.designpark – это трио дизайнеров Такаши Уэно, Мамору Наито и Кейдзабуро Хонда. Помимо промышленного дизайна, ребята занимаются разработкой и оформлением интерьеров и еще – искусством. На Salone Satellite, который стал для них уже вторым (первый раз они были «молодыми дизайнерами» в прошлом году), Leif.designpark привезли два вот таких забавно-функциональных предмета. Moссor – это шезлонг, который можно перемещать на тележке по дому или выкатывать в сад. Stocka – большая сумка, которая устанавливается на металлическую опору и превращается в шкаф. Как и все гениальное – просто и удобно, как весь японский дизайн.

www.leif-designpark.com

МУДРАЯ ПРОСТОТА

Вешалка Sofia

Голландия

Прекрасная в своей логике и простоте идея: стальная стойка с просверленными сквозными отверстиями, в них вставляются вешалки, на которые можно вешать и костюмы на плечики, и куртки за петельки. Принадлежат идея и ее воплощение голландским дизайнерам Мартену Баптисту и Даниэлю Ватце из студии Joine. Хороша Sofia и как вешалка, и как самостоятельный арт-объект. В Москве увидеть дизайнеров и их работы можно будет на Design Act в августе этого года.

www.joine.nl

ТАКОЙ РАЗНЫЙ СВЕТ

Лампы Eiger North Light и Chanterelle

Германия

Светильник – пожалуй, самый благодатный для дизайнерских экспериментов объект. Немецкий дизайнер Матиас Рис, например, предлагает сделать этот аксессуар абсолютно мобильным: хочешь – поставь лампу Chanterelle на пол или на стол, хочешь – повесь на стену (достаточно одного шурупа). На потолок, правда, не получится, но там предполагается люстра. Второе творение Риса – светящийся альпеншток. Перед его приобретением, впрочем, стоит хорошенько подумать: светильник выполнен из настоящего золота и по-настоящему вонзается в мебель. Оба творения Риса находятся уже на стадии производства – в компании MRDO.

www.matthiasries.com

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ШАМПАНСКОЕ

Коллекция Secret Society

Голландия

Две выпускницы Академии дизайна Эйндховена с милым названием своего дуэта – Lady Penelope и прекрасной легендой для своей коллекции Secret Society (тайное общество). Почему тайное? Потому что все предметы являются не тем, чем кажутся на первый взгляд. Вот, например, Pouff: кожаный пуф с красивой вышивкой и светодиодным элементом, который заманчиво светится в темноте. Вот стол Catchy, который подвешивается к потолку. А вот стеллаж Bricks, размеры и количество полок которого вы можете выбрать сами. Те, кто в этих объектах увидят красоту и юмор, получат доступ в тайное общество. Где обещают веселые приключения с шампанским.

www.ladypenelope.nl

ВОДОПРОВОДНЫЕ СТРАСТИ

Вешалка Coat Rack

Великобритания

Пока одни бегают по антикварам в поисках старинной мебели, другие посещают свалки. И находят там не только мебель, но и вдохновение. Английский дизайнер Ник Фрэйзер собрал целую коллекцию вешалок из… старых водопроводных труб. Они так и называются Pipe Work (водопровод). Есть вешалки для ванной, прихожей и для любых других помещений. Практично, с юмором, а главное – меньше мусора на планете!

www.nickfraser.co.uk

СТАЛЬНОЙ ДИЗАЙН

Мебель Steel Collection

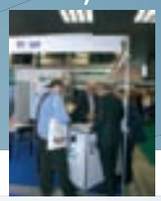
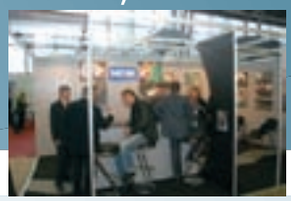
Германия

Все, что нужно для мебели Steel Collection, – это кусок стального листа: на нем чертится будущий предмет, очертания вырезаются и в нужные стороны части листа загибаются. Так немецкий дизайнер Микаэль Нойбауэр сделал столик Setup, консоль Support и стеллаж Slash. Все опять просто и гениально – что и требовалось доказать. Так, кстати, расшифровывается и название студии Нойбауэра: qed – quod erat demonstrandum.

www.qed-design.de

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ. City Build 2008

10-13 НОЯБРЯ 2008, Москва, "КРОКУС ЭКСПО"

www.city-build.ru

ВЫСТАВКИ ФОРУМА:

- ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД
- ИНТЕХГЕОСТРОЙ
- ВЫСОТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
- ДОРМОСТЭКСПО
- АРХИТЕКТУРА, ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ
- ГОРОДСКИЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ СЕТИ И КОММУНИКАЦИИ
- СВЕТ В ГОРОДЕ
- АВТОМАТИЗАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЗДАНИЙ
- ГАРАЖ И ПАРКИНГ
- МЕТАЛЛОСТРОИТЕЛЬСТВО
- ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЕ И ЭЛЕКТРОСБЕРЕЖЕНИЕ ГОРОДОВ
- ГОРОДА РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

реклама

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ АРХИТЕКТУРЫ, СТРОИТЕЛЬСТВА, РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДОВ, СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАТЕРИАЛОВ

ОРГАНИЗАТОРЫ:
ООО «ГЛОБАЛ ЭКСПО»

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:
Федеральное агентство по строительству и ЖКХ
Правительство Москвы
Ассоциация строителей России

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СПОНСОРЫ:

ООО «ГЛОБАЛ ЭКСПО»: 129223, Москва, Проспект Мира 119, ВВЦ стр. № 51,
тел.: +7(495) 980-21-86, 981-82-20, факс +7(495) 981-82-21, www.city-build.ru, e-mail: city@global-expo.ru

ПУТЬ ДИЗАЙНЕРА

Стул-сани Sled и лампа-щипцы Tongs

Япония

Прежде чем заняться дизайном, Такаши Сато работал инженером, поэтому, несмотря на возраст (32 года), молодым дизайнером зовется по праву. Salone Satellite стала лишь второй выставкой Сато, но, похоже, далеко не последней. С юмором и в красивой форме отразить суть вещей – так видит свою задачу дизайнер. Видит и отражает: вот, например, стул Sled. Ножки-полозья – это материализованный путь, который проходит стул, когда мы придвигаем его к себе. Идею светильника Tongs Сато нашел на кухне, над плитой: лампочка зажата в алюминиевых щипцах, как еда – в щипцах кухонных. Еще в арсенале дизайнера есть разборная вешалка, переносное сиденье и зеркало, которое на стене создает иллюзию дыры.

www.takashisato.jp

НОСОЧКИ ДЛЯ ТАБУРЕТКИ

Socks: способ защитить мебель и пол

Германия

Йоханнес Шибе и Сандра Тан (дизайн-студия Tashide) нашли способ защитить пол от царапин, которые оставляет мебель, ноги – от ушибов о ножки табуреток, а сами табуретки – украсить. Вязаные носочки Socks бывают разных цветов и размеров и на ножках стульев выглядят невероятно мило. Так и хочется воскликнуть: «Ну почему не я это придумала?!»

www.taschide.com

ЧТО ЕЩЕ?

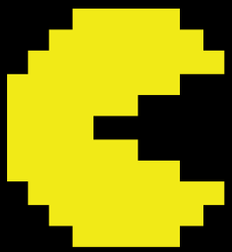
Скамейка Crossed Bench и столик Take Care

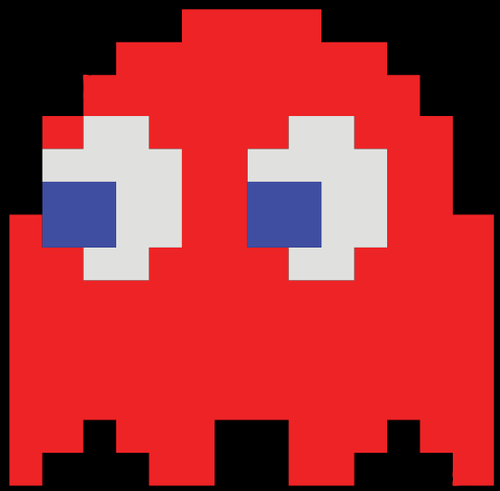
Бельгия

Дизайн скамейки Crossed Bench Хуго Кациани разработал специально для музеев. Металлический поручень не только отделяет сидящих друг от друга, имитируя раздельные сиденья, но и служит прекрасной подставкой для альбома набросков. Коллега Кациани по студии Мелани Ванденхеке (вместе они работают в дизайн-бюро What Else?) привезла на выставку кофейный столик. Да не простой, а с высаженным на нем газоном. Идея Take Care – привнести кусочек природы в дом. Дизайнерская альтернатива комнатным цветам.

www.what-else-design.be

ОТВЕТЫ НА АРХКРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ





Итак, спасибо всем, кто проявил интерес к нашему архкроссворду! Было приятно узнать, что аналогов ему никто не помнит – что, может быть, извинит нашу ошибку. Первым на нее указал юный архитектор Сергей Надточий. Впрочем, он и не мог ошибиться: учась у великого педагога Кирпичева, Сергей точно знал, что никто иной не любит детей так, как Владислав Иванович. Ну, а то, что в названии итальянской группы «Мемфис» никак не может быть русской буквы «ч», Сергей догадался быстро. А первой отгадала кроссворд молодой архитектор Варвара Кулебякина, с чем мы ее и поздравляем, и с удовольствием дарим ей подписку на наш журнал на весь следующий год. А теперь – правильные ответы:

ПО ГОРИЗОНТАЛИ

1. Консоль 2. Фостер 3. Грот 4. Асс 5. Жесть 6. Метопа 7. Циркумференция 8. Макет 9. База 10. Альбион 11. Выхино 12. Этажерка 13. Церетели 14. Рублевка 15. Неорама 16. Вознесенский 17. Кордегардия 18. Киасма 19. Звери 20. Реконструкция 21. Шуруп 22. Фрактал 23. Мемфис 24. Калатрава 25. Татлин 26. Варварка 27. Плоскомордие 28. Нора 29. Пиано 30. Конструктивизм 31. Годо 32. Тепло 33. Потрясение 34. Жрица 35. Посохин

ПО ВЕРТИКАЛИ

1. Серафим 2. Франц 3. Гейченко 4. Остоженка 5. Вена 6. Сортавала 7. Стиль 8. Манеж 9. Безе 10. Пятиэтажка 11. Козырь 12. Лимерик 13. Логика 14. Ихтиандр 15. Ревзин 16. Тарелка 17. Кирпичев 18. Бой 19. Ежков 20. Одеон 21. Шумахер 22. Фотоаппарат 23. Симметрия 24. Астана 25. Арка 26. Керамика 27. Изба 28. Рим 29. Макаревич 30. Китеж 31. Типология 32. Конти 33. Обло 34. Инсоляция 35. Канапе 36. Зодчий

SUMMARY

HOUSE OF THE YEAR
The house on the Khodynskoye field was considered to be the best Moscow house of the year.
CONSTRUCTION SITE
The main advocate of classicism Michael Filippov builds a quarter-house for Russian officers.
HIT-NEWS
Tender for art-museum in Perm: young architect Boris Bernasconi has gained a victory over Zakha Khadid!
COMPETITION
Students of the Architectural institute project uncommon houses for elders.
PROFROSTRUM
Prize-winner of the Plitzker Prize builds an office in Moscow. Nikolay Lyutomsky speaking...
ANCHOR, ANCHOR!
Why does a house in Chertanovo look like a school notebook? Alyona Markarova is wondering...
MADE IN PRESENT
The architect of the Pompid Centre Richard Rodgers does not disdain small orders – if excellent wine, wonderful landscape and miraculous terra cotta are at issue.
NEWCOMER
Young architects Sergey Gikalo and Alexander Kupzov have built a house for homeless persons and stitched a holiday village. What are they still going to become famous for?
STAR UNDER MICROSCOPE
Jean Nouvel: Moscow architects check the power of fame of the main architect of France.
ARCHREGALIA
Why is the Plitzker Prize considered to be analog of the Nobel one?
ARCHITECT`S OWN HOUSE
History of the genre in the world and historical context. We discuss the villa of Vladimir Plotkin.
ARCHITECTURE AS A MYTH
Russian football clubs compete in construction of the most beautiful stadium.
NEW HITS OF OLD METROPOLISES
Guide through the new buildings of Helsinki. And, of course, Alvar Aalto.
SEVEN NOTES OF THE CITY
Violinist Karen Shakhgaldyan: the city from the musician's point of view.
SOCHI-2014
Young architects bureau «A-GA» have built a luxurious villa over the sea – white and modern one.
SUBJECTIVE OPINION
Grand Petrosyan. Architecture or power: who will win?
DIPLOMAS of the MArchI
Moscow students got keen on Stalin Empire style and project the house of Bondarchuk in this style.
MADE IN USSR
The House of Government on the Krasnopresnenskaya embankment was provided to be projected as early as under Stalin!
MADE IN PAST
Giuseppe Terragni: the trendiest architect of the Mussolini period managed not to spoil the Como Island.
FIND 10 DISTINCTIONS
Michael Khazanov has built the House of Government of the Moscow Region from glass and iron.
FORUM: WITH THE EYES OF HOUSEWIVES
Picturesque bridge: ordinary women discuss complex buildings.
VERBATIM
Sergey Tkachenko is successful not only in planning, but also in projecting of uncommon buildings.
ANNIVERSARY
The project institute «Mosproject 4» celebrates 40-year anniversary.
LET`S GO TO DESIGN
The newest products of the Milan show, presented in its simultaneous youth programme. Anastasia Roslova is speaking.

ИНДЕКС

008
PAPER architectural team
+ 7 (495) 959-12-01 www.totement.ru

009
«Моспроект-4»
+7 (495) 250-87-85 www.mniip.ru
СК «Стратегия»
+7 (495) 232-23-03 www.zaointeco.ru
Компания Nayada
+ 7 (495) 258-75-46 www.nayada.ru

012
Duvils Group
+7 (495) 540-73-00 www.duvils.ru
«Алюстэм»
+7 (812) 622-08-78 www.alustem.com
«Сергей Киселев и Партнеры»
+7 (495) 951-42-11 www.sk-p.ru
Codest
+7 (495) 967-18-00 www.codest.com
Лаборатория виртуальной архитектуры
+7 (495) 107-40-54 www.labva.ru
«Архитектурная Группа ДНК»
+7 (495) 789-64-25
«Архитектура и культурная политика ПНКБ»
+7 (495) 730-43-54 www.a-c-p.ru
Portal +7 (495) 255-90-67
НИИПИ Генплана Москвы
+7 (495) 251-19-80
Дизайн-студия «123»
+7 (495) 676-59-06 www.123x.ru
«Архитектурная мастерская Величкина и Голованова»
+7 (495) 641-28-17 www.velgol.ru
«Богачкин и Богачкин»
+ 7 (495) 202-77-78
«Платформа» +7 (495) 410-42-25
«АМЛ»
+7 (495) 251-82-91 www.lyzlov.ru
«Моспроект-2»
+7 (495) 251-81-87 www.mosproject2.ru
«Атриум» +7 (495) 742-89-63 www.atrium.ru
«Гинзбург Аркитектс»
+7 (495) 637-60-14 www.ginzburg.ru
Агентство архитектурной фотографии FORMAT
+7 (495) 410-00-76 www.archirussia.com
Агентство People2People
+7 (495) 661-57-87
«Система ГАЛС»
+7 (495) 785-77-42 www.sistema-hals.ru

014
Агентство P-Arch
+7 (499) 502 88 67 www.p-arch.ru

016
ОАО «494 Управление «Начальника работ»
+7 (495) 996-90-53
Мастерская Михаила Филиппова
+7 (495) 915-39-65 www.filippovm.ru
ЗАО «ЛенПолпроект»
+7 (812) 322-01-45 www.lenpolproject.ru

024
B E R N A S K O N I
+7 (495) 203-83-79 www.bernaskoni.com

028
«Проект Меганом» +7 (495) 291-21-65
«Сергей Скуратов Architects»
+7 (495) 951-07-35 www.skuratov-arch.ru
«Попов и Архитекторы»
+7 (495) 540-85-83 www.popovarc.ru

030
«ЭЛИС» +7 (495) 935-98-93 www.elise.yondi.ru

032
«АРТЭ +» + 7 (495) 921-62-98
«Стройсервис» +7 (495) 947-10-47 www.stroi-s.ru

034
ТПО «Резерв»
+7 (495) 755-69-60 www.reserve.ru
«Капитал Груп»
+7 (495) 363-62-05 www.capitalgroup.ru

036
Renzo Piano Building Workshop
www.renzopiano.com
Rogers Stirk Harbour + Partners
www.richardrogers.co.uk
Alonso Balaguer y Arquitectos Asociados
www.alonsobalaguer.com
Arup www.arup.com
BOMA www.bomasl.ne
Agroindus www.agroindus.es

040
AGS www.ags.nl
ООО «Термо-проект»
+ 7 (495) 540-73-00 www.etalbond.ru

042
Gikalo Kuptsov Architects
+7 (499) 740-54-53 www.gikalokuptsov.ru
«Сенаб-проект»
+7 (495) 650-00-55 www.senab.ru

050
Ateliers Jean Nouvel www.jeannouvel.com
«АБТБ» +7 (495) 202-33-09 www.abtb.ru
«Панаком» +7 (495) 637-60-14 www.pana.com.ru

062
«Архитектурное бюро Дмитрия Гейченко»
dimart2000@mail.ru
AS + architects
+7 (495) 660-15-60 www.asplus.ru
«АМ» +7 (495) 719-05-42
ABD Architects
+7 (495) 937-76-86 www.abdcom.ru

072
Кишо Курокава www.kischo.co.jp

078
Музей архитектуры Финляндии www.mfa.fi

085
«Крепмаркет»
+7 (985) 231-94-34 www.krepmarket.ru

090
«А-ГА» +7 (985) 231-94-34 www.a-ga.ru
ООО «Проектный центр Экотектура»
+7 (495) 624-89-58
ОАО «Атомэнергопроект»
+7(812) 717-11-88 www.spbaep.ru

094
Travertin.Com
+7 (495) 540-73-00 www.travertin.com

108
«ПТАМ архитектора Михаила Хазанова»
+7 (495) 959-68-02

110
ОАО «Метрогипротранс»
+7 (495) 953-46-11 www.arhmetro.ru
ОАО «Мосметрострой»
+7 (495) 783-59-00 www.metrostroy.ru
ОАО «Мостотрест»
+7 (495) 628-26-54 www.mostro.ru
ООО «Организатор»
+7(495) 988-83-20 www.icorg.ru

112
ООО «Юниформстрой»
+7 (495) 416-94-00 www.green.ru

ГДЕ КУПИТЬ

В Москве

Книжные магазины

- «Лавка архитектора», Рождественка, 9
- «Дом книги на Арбате», Новый Арбат, 8
- «Библио-Глобус», Мясницкая, 6
- ТДК «Москва», Тверская, 8
- «Молодая гвардия», Большая Полянка, 28

Выставочные залы

- Холл здания Мосгорэкспертизы, 2-я Брестская, 8
- Центральный дом архитектора (ЦДА), Гранатный пер., 7
- Центральный дом художника (ЦДХ), Крымский Вал, 10
- Выставочный зал «ИнфоПространство», 1-й Зачатьевский пер., 4
- Архитектурный институт (МАрхИ), Рождественка, 11
- Музей архитектуры (МУАР), Воздвиженка, 5
- Центр современного искусства (ГЦСИ), Зоологическая, 13
- Московский музей современного искусства, Петровка, 25
- Московский музей современного искусства, Ермолаевский пер., 17
- Галерея Марата Гельмана, 4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6
- Галерея Гари Татинцяна, Ильинка, 3/8, стр. 5
- Арт-центр «Винзавод», 4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6

Кафе и клубы

- «Апшу», Климентовский пер., 10, стр. 1
- «FaСоль», пр-т Мира, 28

Офисные центры

- Центр дизайна ArtPlay, Тимура Фрунзе, 11
- Бизнес-центр «Романов двор», Романов пер., 4
- Бизнес-центр «Легион-1», Большая Ордынка, 40, стр.5

Кинотеатры

- ЦДЛ, Большая Никитская, 53
- «Ролан», Чистопрудный б-р, 12а

В Санкт-Петербурге

- Сеть магазинов «Дом Книги»

В Нижнем Новгороде

- (8312) 433 68 82

В Самаре

- (846) 331 22 33

В Интернете

- www.ozon.ru
- www.bolero.ru
- www.kniganadom.ru
- www.zone-x.ru

ЖУРНАЛ MADE IN FUTURE ПОЛУЧАЮТ

- Главные архитекторы всех субъектов Федерации, краев, областей, районов и крупных городов
- Более 7500 строительных и проектных организаций, архитектурных и дизайнерских бюро России
- Ведущие российские инвесторы, девелоперы и риелторы
- На Украине и в Белоруссии – более 1000 строительных, архитектурных и дизайнерских организаций

Редакция журнала благодарит директора Средней школы № 1252 с углубленным изучением испанского языка им. Мигеля Сервантеса к.п.н. Ирину Владимировну Анурову и замдиректора по иностранным языкам Марину Григорьевну Полисар за упорные труды по воспитанию и образованию юного корреспондента нашего журнала Алены Маркаровой.

Учредитель и издатель
ООО «Фьючер Медиа»

Стратегический партнер

Руководитель
Грант Петросян

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27172 от 16.02.2007
© Made in Future
Любое использование материалов или фрагментов из них на любом языке допускается исключительно с письменного разрешения ООО «Фьючер Медиа»
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов
Номер подписан в печать 15.08.2008
Тираж 20 000 экземпляров
Отпечатано в Финляндии. Типография «ПунаМуста»
P.O. Box 99, Kosti Aaltosen tie 9, FINLAND-80140, Joensuu
ЗАО «Издательство МЕДИАКРАТ»
105066, Россия, Москва, ул. Нижняя Красносельская, 40/12
телефон: + 7 (495) 979 5246
факс: +7 (499) 788 2210
e-mail: info@mediacrat.ru
www.mediacrat.ru

Генеральный директор
Эрика Маркарова

Главный редактор
Николай Малинин

Арт-директор
Арег Григорян

Заместитель главного редактора
Мария Фадеева

Над номером работали
Ксения Аксельрод
Наталия Алексеева
Анатолий Белов
Екатерина Богданова
Денис Браницкий
Евгения Гершкович
Алена Маркарова
Ксения Картовицкая
Анастасия Коробкова
Сергей Никитин
Анастасия Рослова
Мария Седова

Иллюстрации
Владислав Ефимов
Илья Иванов
Сергей Леонтьев
Алексей Народицкий
Юрий Пальмин
Андрей Ягубский
Russian Look

Адрес редакции:
125212, г. Москва, Ленинградское шоссе, д. 35А, Комплекс «Лебедь»
Тел. +7(495) 159 7844
www.future-media.ru
mif@future-media.ru

Для оформления подписки обращайтесь, пожалуйста, в агентства подписки
Мега Пресс
Телефон:
+7 (495) 786 8275
sub@mega-press.ru
Интер-Почта
Телефоны:
+7 (495) 500 0060, 580 9580
interpochta@interpochta.ru

На обложке:
фрагмент проекта Конгресс-центра в Стрельне, архитекторы Александр Купцов и Сергей Гикало

MEDIACRAT
the artists of magazine business

творческое и коммерческое управление

Арт-директор
Игорь Борисенко
Заместитель арт-директора
Анна Зубрилина
Директор фотослужбы
Платон Шиликов
Старший бильд-редактор
Асия Богаутдинова
Старшие цветокорректоры
Ирина Молотова, Иван Смирнов
Цветокорректоры
Александр Бондаренко, Сергей Суслов
Руководитель выпускающей группы
Александра Титова
Старшие корректоры
Татьяна Багдасарян, Наталья Жебелева
Корректоры
Анна Симонян, Лилия Усманова

Директор по рекламе и PR
Гарри Джилавян
Директор по развитию бизнеса
Алексей Медведев
Директор по производству и распространению
Офелия Джилавян